

Роберто Боси Лапландцы. Охотники За Северными Оленями

ВВЕДЕНИЕ

В конце XVII в. священник из Равенны Франческо Негри оставил нам любопытное описание Лапландии. Первое письмо из северного путешествия он начинает следующими словами:

«Обширная земля, простирающаяся более чем на тысячу итальянских миль; люди, живущие без хлеба, так как никакой овес не может расти там, и край этот лишен любых фруктов, деревьев и зерновых культур, ибо им нужна почва. Домашние животные, встречающиеся в других частях света, здесь неизвестны. В стране нет даже травы, которой они могли бы питаться, не говоря уже о том, что молока и яиц тоже нет. Нет виноградников, которые могли бы обеспечить людей питьем. Одним словом, ничто не может пустить здесь корни, и невозможно собрать какой-либо урожай. Так что нет ни шерсти, ни льна для одежды. Стоит ли говорить, что в этой стране нет городов. Домов как таковых не существует. Всего этого страна лишена. Ни благ, ни комфорта... Одна ночь в этой области может длиться не менее двух месяцев, а еще больше там, где останавливаются путешественники. Холода могут быть такими суровыми, что в течение восьми месяцев снег и лед покрывают всю землю и все водное пространство. Лед может не таять весь июнь, только июль и август бывают свободными от господства зимы. Высоко в горах неизменно лежат снежные шапки, а земля промерзает на глубину одного – двух футов. Во многих болотистых местах на протяжении всего года вы можете найти лед. Летом воздух кишит москитами и комарами, которые собираются в такие массы, что затмевают солнце. Можно было бы с уверенностью утверждать, что в этой стране не может обитать большое количество диких зверей. Это, несомненно, должна быть пустыня. Однако она обитаема. Эта страна, о которой я говорю, – Всевышний Бог! – не что иное, как Лапландия».

В этом диком регионе, который Негри обрисовал в таких мрачных тонах, лапландцы ^[1] живут до сих пор. В настоящее время их примерно 32 000 человек. В более южных округах часть их осела на одном месте и стала вести земледельческий образ жизни. Другие остаются кочевниками или полукочевниками, следуя за своими северными оленями по бездорожному нагорью севера.

Происхождение слова «лапландцы» до сих пор неясно. Но соседние народы называли их еще лопарями, а этому названию можно дать различные толкования, правда чаще продиктованные не конкретной антропологической и этнологической теорией, а одобренные интерпретаторами. Одна научная школа усматривает азиатское происхождение этого северного народа, утверждая, что

«Lapp» происходит от монгольского «lu-re», означающего «идуший на север». Другая, которая считает лапландцев берущими свои неясные корни от финнов, отыскала два древнефинских слова с корнем – lap-: «lappes», с наиболее соответствующим значением «изгнанные», и «lari», означающее «крайняя граница» или «ведьма». Все это может вызывать сомнения, но, по крайней мере, несомненно само существование народа, обозначаемого как лапландцы или каким-то подобным образом. Этот народ с незапамятных времен живет на самом краю Европы, северная граница их земли отмечена Северным Ледовитым океаном.

Однако есть и те, кто прослеживает происхождение названия лапландцев от шведского слова, означающего «тряпки и лохмотья», намекая на рваную одежду, которую они носят. Или – от шведского глагола «lora», который переводится как «бежать» (подобно немецкому «laufen»). Во все века лапландцы, конечно, славились своим исключительным умением в использовании лыж. Вероятно, они их и изобрели. Так что вполне может быть, что эта, последняя версия наиболее близка к истине.

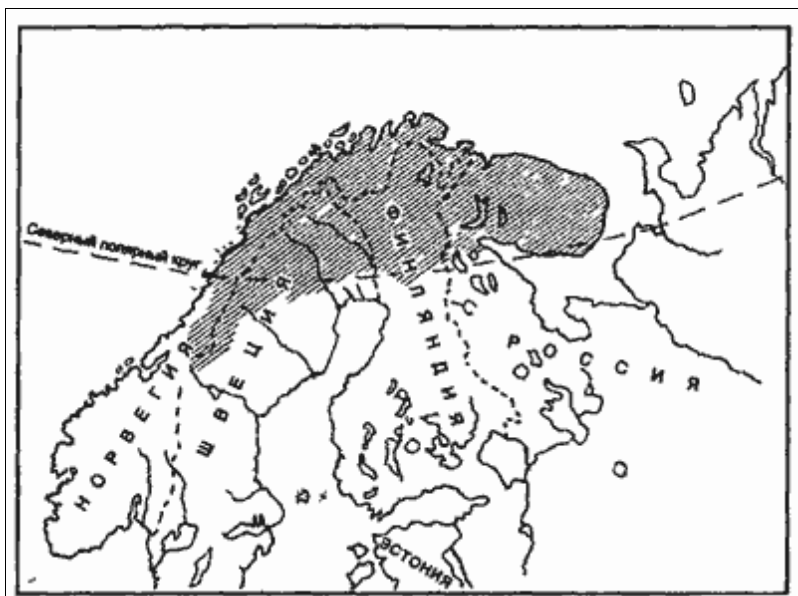

Рис. 1. Карта, на которой показано расселение лапландцев в настоящее время.

Сегодня лапландцы расселены по всей огромной области, простирающейся от Атлантического побережья Норвегии до Кольского полуострова в России, проживая, главным образом, за Северным полярным кругом, но все более тяготея к югу, особенно на шведской территории. Одни лапландцы являются подданными Норвегии или Швеции, другие – Финляндии или России. Большинство лапландцев можно встретить в Норвегии, особенно в ее самой северной провинции, Финмаркене. Там их живет примерно 20 000 человек. В Швеции недавний подсчет численности населения выявил 8500 человек. Считается, что 2300 лапландцев живет в Финляндии и 1800– в России.

В настоящее время в Норвегии лапландцев, занимающихся оленеводством, осталось немного, живут они далеко друг от друга и редко поселяются вдаль от побережий и рек. Они живут рыболовством, охотой и занимаются некоторыми ремеслами. В Швеции существуют различия между горными и лесными лапландцами. Первые до сих пор в значительной степени сохраняют кочевые традиции древней оленеводческой культуры; они сезонно мигрируют с равнин к горным пастбищам и обратно. Лесные лапландцы, содержащие крупный рогатый скот в глубинах густых лесов, ведут оседлый образ жизни, и их незначительные перемещения носят местный характер. Финские и российские лапландцы также главным образом содержат крупный рогатый скот в лесистых областях.

Численность лапландцев едва ли изменилась с XVIII в., хотя, возможно, недавно после небольшого спада был некоторый прирост. Принято считать, что они вымирают, но для такой точки зрения нет никакого обоснования. Однако бесспорно: древняя лапландская культура постепенно вытесняется современной цивилизацией. Сегодня шалаши можно увидеть гораздо реже, и только среди настоящих кочевников. Старые народные праздники забываются. А национальный костюм

многие лапландцы надевают исключительно ради привлечения летних туристов. Но высоко в северных горах можно до сих пор увидеть, как сохранились многие древние традиции; в этом суровом регионе целые семьи живут за счет северных оленей, и единственное жилище, которое они знают, – это шалаш. Северный олень дает им пищу, питье, шкуру для ложа, одежды у шалаша, а их кости и рога используются для домашней утвари: посуды, инструментов; кроме этого, олени упряжки – незаменимый транспорт в тех условиях.

Неудивительно, что, будучи малочисленными на столь обширной территории – от самого морского побережья до горных районов, – о лапландцах говорили как о народе, изгнанном на самый край обитаемого мира. Это мнение породило одну этимологическую теорию относительно происхождения их названия.

Язык, на котором говорят сегодня лапландцы, принадлежит к финноугорской группе уральской языковой семьи. Можно наблюдать некоторую лингвистическую связь между лапландским, финским, эстонским, венгерским и языками народов водь, кет, коми, мари и мордвы; последние пять народов – охотники и рыболовы, с самых далеких времен живущие на территории России.

Так как у лапландского и алтайских, то есть тюркомонгольских, языков прослеживается много общего, между ними пытались установить родственные связи. Но в настоящее время это не принимается в расчет, поскольку самые современные исследования исключили их возможность. С другой стороны, по-видимому, могут быть доказательства родства лапландского с каким-нибудь юкагирским диалектом, на котором в Северо-Восточной Азии говорили группы охотников за северными оленями, известные как палеосибирцы. Лингвистические корни уходят в далекое прошлое. Но является ли тот язык, на котором говорят лапландцы сегодня, их первоначальным языком? Мы не можем быть в этом уверены. Наибольшее влияние на культуру лапландцев оказали финские племена, которые в течение многих столетий были их соседями. Если когда-либо у них был собственный древний язык, то теперь от него не осталось и следа. Согласно исследованиям, проведенным шведом Виклундом, лапландцы восприняли язык финноугорских племен примерно в начале нашей эры.

В Лапландии говорят на немногих диалектах, но различия между ними – значительные. На Кольском полуострове диалект сформировался под влиянием русского языка. Но речь «русских» лапландцев сохраняет связь с диалектом инари – лапландцев, живущих в окрестности озера Инари в Финляндии. Обычно его называют восточнолапландским языком. Есть еще северолапландский язык, на котором говорят в норвежском Финмаркене, в районе озера Торнетреск в Швеции и у шведско-финской границы. Два южных диалекта, очень близкие друг к другу, распространены в районах городов Лулео и Питео в Швеции. И, наконец, на южнолапландском говорят в Центральной Норвегии, а также в Швеции, в окрестностях Вестерботтена, Ямтланда, Харьедалена и Далекарлии (Даларны), где наблюдается значительное влияние шведского языка.

Часть Первая

ОТКРЫТИЕ НАРОДА

Глава 1

ОХОТНИКИ ЗА СЕВЕРНЫМИ ОЛЕНЯМИ

К западу от Уральских гор, на равнине между рекой Камой – кровеносной артерией Волги – и холмистым нагорьем, где начинаются Ока и Москва-река, в конце последнего ледникового периода располагались стоянки племен, промысляющих охотой. Их добычей был северный олень, лань, выдра, дикий кабан и дикая собака. Пришел день, когда охотники научились приручать щенков свирепых собак, и те стали им верными и послушными помощниками. Теперь у диких животных было два врага: не только человек, но и собака, обученная служить ему на охоте.

Сегодня на раскопках стоянок охотничьих племен – на дикой российской равнине, в Польше, в Карпатах, в Балтике и даже на западе – практически всегда находят кости собак, которых держали для охоты. Племена, жившие на огромных безлюдных пространствах, протянувшихся на восток от Урала, научились использовать этих животных для переправы через снега. В Красноярске, на берегах Енисея, на месте древней стоянки обнаружили кости собаки, а также остатки упряжи. На

основании чего не составило труда сделать вывод, что это было тягловое животное.

Вот доказательство того, что среди арктических поселений собака использовалась для саней еще до северных оленей: на финских торфяных болотах нашли полозья саней, относящиеся к началу каменного века палеозойской эры. Наиболее древние следы собаки в Европе, которая была, по-видимому, первым одомашненным животным, обнаружили во время раскопок в Маглемёсе, на южном побережье Балтийского моря. Было объявлено, что они имеют мезолитическое происхождение, то есть датируются промежуточным периодом между палеолитом и неолитом каменного века.

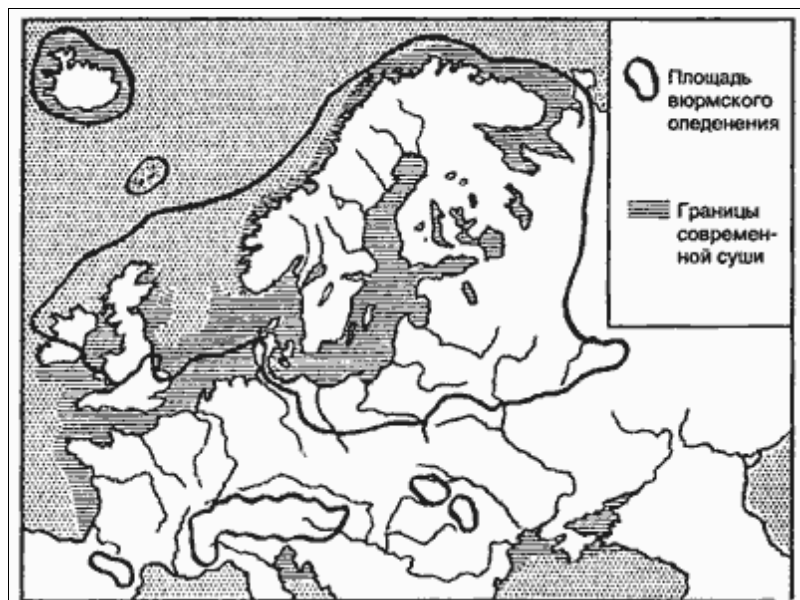

Рис.2. Карта, на которой показано максимальное наступление льда во время вюрмского оледенения.

Охотники ледникового периода запасались продуктами в теплое время года, чтобы пережить вместе со своими родичами холодную долгую зиму. Должно быть, они зависели от сезонных перемещений диких животных. Охотники вынуждены были вести кочевой образ жизни и следовать за их стадами, чтобы не умереть с голода. Но был еще один очень веский довод против их оседлости: северные олени, их главный источник пищи и шкур, проявляли склонность к постепенной миграции на север. Возможно, пришел день, когда первобытные племена не захотели двигаться дальше. Они, по-видимому, на какое-то время сочли возможным заменить оленеводство рыбным промыслом. Охотничьи племена начали селиться в местах, где был хороший улов. Но затем и рыба по какой-то неизвестной причине стала уходить в другие водоемы.

В течение длительного периода охотники жили в тундре, которая занимала Северную и часть Центральной Европы. Северную границу тундры опоясывают окаменевшие остатки берез, их стволы, изогнутые к югу, сохранились благодаря продвижению ледовых масс. Радиоуглеродный анализ показал, что возраст таких остатков растительной жизни составляет примерно 11 000 лет, это подтверждается их анализом и в других регионах.

Именно с этого времени солнце начало растапливать лед и слежавшийся снег, что породило стремительные потоки воды. Реки вышли из берегов, превращая равнины в озера, и лососи мигрировали в поисках новых мест для размножения. Все выглядело так, будто весь мир превратился в одно огромное болото. Однако постепенно большие пространства суши стали покрываться лесом, и у человека появилось новое дело – охота. Стремительно начали размножаться мамонты и овцебыки. Затем из древней фауны остались только северные олени и бизоны, которые паслись большими стадами в пограничной области между лесом и тундрой.

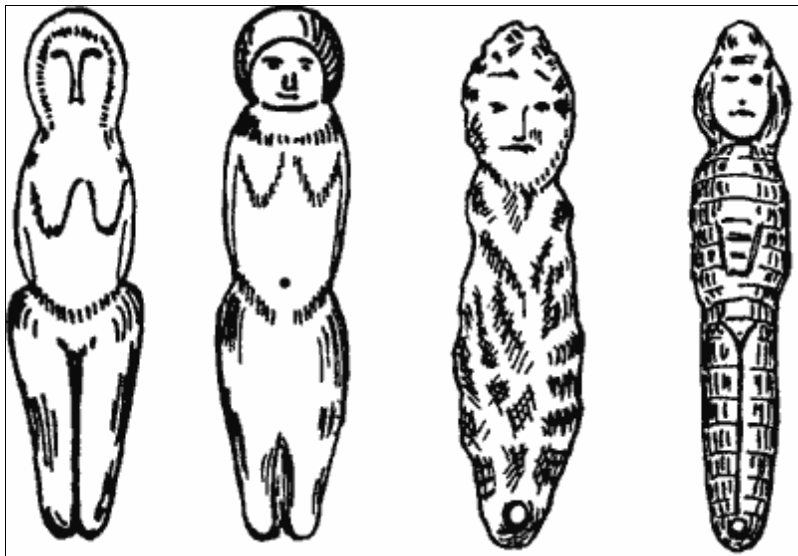

Рис.3. Четыре статуэтки, датируемые поздней ориньякской эпохой, найденные в Мальта, Сибирь.

Стада северных оленей продолжали перемещаться на север, в поисках лишайника, который встречался в тех областях, где все еще сохранялся снег. И в Европе и в Азии, в тундре, образовавшейся после таяния льдов, охотники сталкивались с серьезными трудностями. Их источник пищи перемещался на север, а с юга их теснили новые воинственные племена. Обитатели тундры были вынуждены мигрировать в Азию, где оледенение не было столь обширным, как в Европе. К настоящему моменту следы этих охотничьих народов можно встретить между Уралом и Верхней Волгой и по восточной дуге Балтийского моря, а также между озерами Ладога и Онега. Судьба людей теперь зависела от миграционных инстинктов животного мира.

Раскопки, производившиеся на берегу Дона, а также в окрестностях Киева и дальше на север, в Елисевицах, указывали на культурное однообразие людских сообществ, охотившихся на северных оленей. Об этом говорит сходство предметов домашнего обихода, найденных в стойбищах, рассеянных по всей Восточно-Европейской равнине, например в Чехословакии, Австрии, Германии, а также в Бельгии, Швейцарии, Франции, в Пиренеях и др. Однако в Моравии и на Украине известно декоративное искусство палеолитического периода характеризуется некоторым отклонением, хотя в то же время в Моравии мы обнаруживаем известное слияние культурных элементов субледникового пояса. Здесь мы сталкиваемся и с «натурализмом» Дордони и Пиренеев, и с декоративными рисунками, вдохновленными чисто геометрическими фигурами Мезина (Киев), и со стилистическими элементами, напоминающими искусство Бурети и Мальта (озеро Байкал). Поэтому многое говорит в пользу азиатских аспектов субледниковой культуры, которая закончилась магдаленской эпохой в конце ледникового периода. Эта культура смогла сохраниться со всеми своими особыми характеристиками, вопреки глобальным климатическим и социальным изменениям. Что касается индивидуальных предметов материальной культуры, то тщательный анализ открытий, сделанных в различных областях, дает основание заключить, что эта великая субледниковая культура была основана на традиции охоты, поскольку само существование человека зависело от удовлетворения его жизненных потребностей исключительно за счет животного мира. После того как закончилась великая магдаленская эпоха, которая охватывает последние тысячелетия палеолитического периода, человек полностью был поглощен борьбой за выживание в чрезвычайных климатических условиях. Так, наскальные рисунки также стали встречаться все реже, чему способствовал фактор экспансии субледниковых поселений на очень обширной территории за очень короткое время.

Глубокие долины Волги и Днепра дали исследователям огромное количество костей северных оленей и останков диких лошадей, что является впечатляющим доказательством использования охотниками холмов над рекой, чтобы захватить большие стада. Места кладбищ останков диких животных предполагают два метода засады, применявшиеся человеком. Как только стадо было замечено, охотники его заводили в ущелье, образованное двумя высокими скалами, где оно становилось беспомощной мишенью для быстрых стрел племени. Или же охотники могли попытаться вынудить животных упасть в глубокий овраг, образовавшийся у какой-нибудь большой

реки; в этом случае все стадо разбивалось насмерть.

Кроме того, северный олень имел привычку направляться к какому-нибудь узкому проходу, где ледяной ветер сильнее дул ему в морду. Человек, хорошо зная это, мог поджидать оленя именно в этом месте. Огромные груды костей северных оленей, обнаруженные в лёссовых областях, которые впоследствии стали степью, часто указывают на то, что вблизи есть место какой-нибудь древней стоянки.

Многие свидетельства указывают на тот факт, что на некоторой стадии человеческой истории охотники за оленями занимали территорию, протянувшуюся обширным полукругом через Центральную и Восточную Европу, а также за Урал. Именно в связи с максимальной экспансией этих народов возникает проблема происхождения лапландцев – древнейшего из ныне живущих народов Европы и единственного, который сохранил, по крайней мере, некоторые следы старой культуры оленеводства.

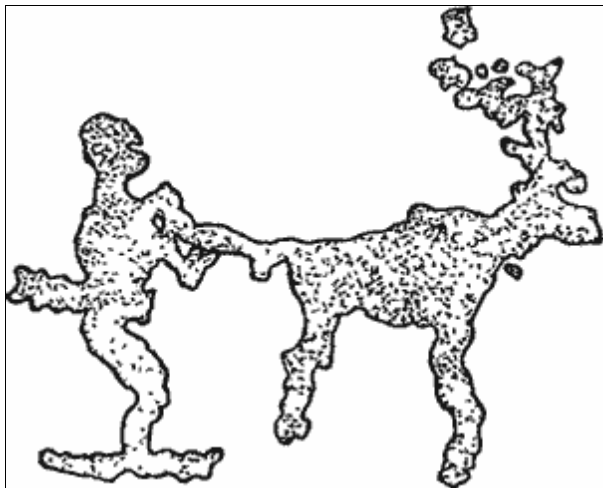

Рис 4. Пещерный рисунок фигуры на лыжах, которую тащит северный олень. Залавруга, Беломорье, Россия.

Великое переселение оленей на север, начавшееся с равнин России и Балтики, следовало единственным маршрутом, которым мог быть достигнут дальний север Европы. Очевидное препятствие в виде двух озер – Ладоги и Онеги – преграждало им доступ в Карелию. И именно в окрестностях этих озер мы обнаруживаем следы охотников, следовавших за стадами. Обильный подножный корм и благоприятный климат способствовали длительному пребыванию здесь оленей, а стало быть, и охотников за ними.

Рис.5. Лыжа и лопатообразная лыжная палка, найденные в болоте вблизи Калвтреска, Швеция. Лыжные палки этого типа, возможно, использовались оленеводами для расчистки снега, чтобы олени могли добраться до лишайника. В настоящее время экспонаты находятся в музее в Умеа.

Именно на этой стадии человек пытался добиться некоторого контроля над бродячими стадами: устраивал ограждения для их выпаса, способствовал их размножению, оберегал от их естественных врагов – волков, росомх и орлов. Короче говоря, человек начал процесс приручения северного оленя.

В течение длительного времени ученые полагали, что этот процесс мог произойти только в регионе, занятом в тот период лапландцами, где имелись подходящие географические и климатические условия. Но если мы обратимся к исследованию В.Дж. Раудоникаса наскальных рисунков, найденных вблизи озера Онега и у Белого моря, мы увидим, что эти примитивные надписи на стенах, относящиеся к так называемому «гребнекерамическому» периоду, могут быть отнесены к уже существовавшей традиции оленеводства. Раньше считалось, что они

иллюстрируют только лишь сцены охоты, а не умение человека обращаться со стадами оленей.

Кроме того, лыжные палки, обнаруженные в различных зонах, могли иметь и дополнительное назначение, что также может говорить о том, что в течение последних стадий перехода на север некоторые группы кочевников перестали быть просто охотниками. Так как один конец этих лыжных палок был подобен лопате, то вполне возможно, что он предназначался для очистки от снега, чтобы пасущиеся олени могли добраться до лишайника. Деревянное орудие такого типа было обнаружено при раскопках в Вестерботтене, в Швеции, вблизи Калвтреска; анализ пыльцы показал его возраст около 4000 лет. Его форма была такой же, которая в исторические времена встречалась у самоедов и остяков. Однако это открытие не дает неопровержимого доказательства того, что уже в это время люди разводили северного оленя, а не ограничивались простой охотой на него. В то же время это указывает на тот факт, что в ту доисторическую эпоху охотники, населявшие тундру между озерами Ладога и Онега, по каким-то неизвестным причинам ушли на территорию, которая теперь называется Лапландией.

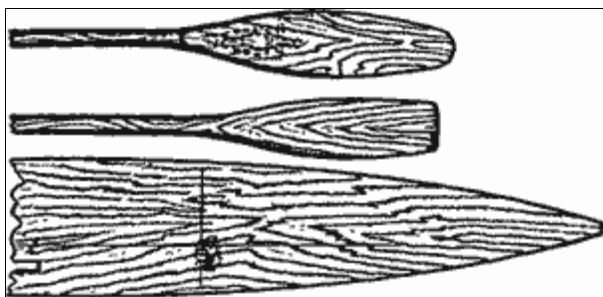

Рис.6. Две небольшие лопатки и лыжа, использовавшиеся среди остяков в прошлом веке.

Исследования шведа Эрнста Манкера позволили существенно продвинуться в решении проблемы. Манкер утверждал, что наиболее древние документы об оленеводстве относятся примерно к 500 г. Ученый почерпнул много сведений из местного фольклора (вблизи озера Байкал) и получил информацию о тувинцах и тунгусах, живущих в Иркутской области в Сибири. Это не говорит о том, что разведение северного оленя было неизвестно и не практиковалось в более западных зонах, несмотря даже на то, что документальные свидетельства в Европе датируются не ранее IX в. Поэтому более ранние сведения нуждаются в археологических свидетельствах.

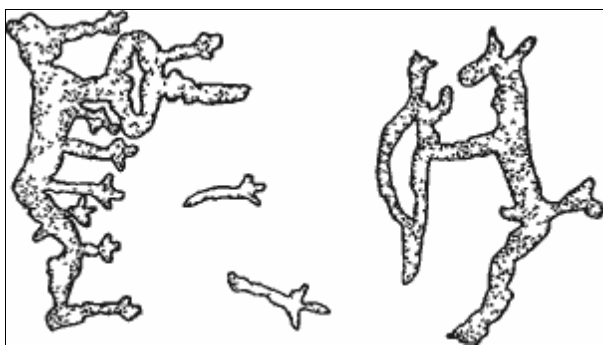

Рис.7 Фигуры на пещерных рисунках в Залавруге, на побережье Белого моря в России, изображающие шаманов в масках. Один стреляет стрелами в другого, а орудие, которое тот держит в целях самозащиты, вероятно, является священным барабаном. Возможно, эта сцена иллюстрирует некоторый древний жертвенный ритуал, который бесследно исчез.

Важно узнать, в какой период началось одомашнивание животных, потому что тогда мы могли бы получить приблизительную дату поселения лапландцев в Скандинавии. Одомашнивание стад северного оленя в больших масштабах, вероятно, было сначала достигнуто именно здесь. Предметы быта, кости и рога, обнаруженные при раскопках, дают нам подтверждение этого. Возраст лыжной палки из Калвтреска – 4000 лет – соответствует дате, приписываемой наскальным рисункам, и в соединении с подобными примерами дает некоторое доказательство однородности типа культуры, распространенной по всей арктической территории в доисторические времена.

Манкер убедительно доказывает, что лыжи были менее необходимы охотнику, чем пастуху,

который следовал за северным оленем во время длительных переходов. В связи с этим интересно то, что палеосибирцы – охотники на северного оленя, а не оленеводы – не использовали лыжи ни в доисторическое, ни в историческое время, хотя они изобрели снегоступы, которые использовали самым активным образом.

Независимо от того, каким образом могла возникнуть первая фаза развития оленеводства, мы знаем, что значительная часть охотников на северных оленей оставалась в течении длительного периода в тундре между озерами Ладога и Онега, а позже вынуждена была уйти на север, чтобы продолжить традиции охотничьей культуры. Когда же эти народы достигли Скандинавии?

В Залавруге, на побережье Белого моря, есть образцы резьбы и рисунков, которые рассказывают нам об очень важных аспектах культуры тех охотников, которые следовали с северным оленем по мере того, как тот перемещался на север.

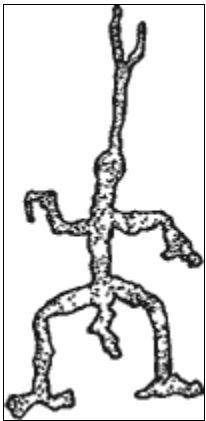

Рис.8. Наскальный рисунок танцующего шамана в маске с рогами, обнаруженный на берегу Ладожского озера, Россия.

По крайней мере, три из изображенных фигур можно с уверенностью интерпретировать как магов, или шаманов. Они выступают в роли посредника между людьми и животными, на которых те охотились, – между голодом охотника и его пищей. На рисунках изображены человеческие фигуры с головами животных; в двух случаях головной убор имеет форму головы оленя с рогами, в то время как в третьем случае носовая часть имеет длину столь непропорциональную, что становится похожей на морду. Одна из этих фигур держит предмет, который является, вероятно, барабаном такого типа, который до сих пор используется среди шаманов Сибири, и который видели в Лапландии еще каких-то несколько десятилетий назад. Его противник стреляет в него стрелами. Третий человек не держит в руках ничего, но танцует и имеет необыкновенное сходство со знаменитой фигурой колдуна (или волшебника), изображенного в пиренейской пещере Ле-Труа-Фрер. В этом – несомненное доказательство культурного и художественного сродства между охотниками (или оленеводами?) Ладожского озера, которые позже распространились по берегам Белого моря (через теперешнюю Карелию), и охотниками на северного оленя гораздо более южных земель, которые жили во времена верхнего палеолита.

Неоценимым нововведением того периода было, несомненно, использование лыж, многочисленные изображения которых можно до сих пор заметить на пещерных рисунках той же зоны, а также в Северной Скандинавии. Лыжи символизировали эпоху, в которую охота в крупных масштабах сопровождалась одомашниванием преследуемых оленьих стад.

Считается, что имеется значительный пробел между находкой останков охотников, обнаруженных на берегах Северного моря, и более ранними следами этих охотников, когда они оставили болотистые зоны Онежского и Ладожского озер. Но если мы исследуем, например, наскальный рисунок, обнаруженный в Руенадане, в шведском округе Миттадален, на котором изображена группа лосей и северных оленей, мы увидим, что стилистически этот рисунок схож с теми, что запечатлены на священных барабанах лапландских шаманов. Все эти следы художественной культуры могут быть отнесены к 2000 г. до н. э.

Рис.9. Танцующая фигура колдуна в маске на наскальном рисунке в Ле-Труа-Фрер, Арьеж, Франция.

Другие натуралистические рисунки, недавно найденные в южных скандинавских областях, по-видимому, по духу тесно связаны с более древней культурой. Точнее, они характеризуются поразительным сходством с магдаленским изобразительным типом. Может ли в таком случае быть так, что доисторическая Швеция дает нам свидетельство о двух отдельных эпохах и культурах?

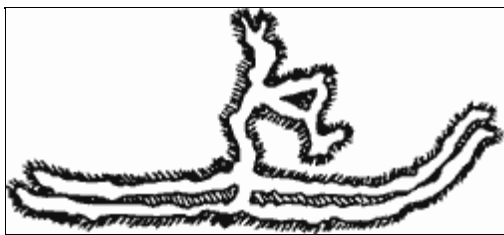

Рис.10. Доисторический лыжник; наскальные надписи, обнаруженные в Рёдёй, Тьотта, Северная Норвегия.

Швед Густаф Халлстрём в ходе своего археологического исследования в Лапландии натолкнулся на древнюю посуду, возраст которой восходит к каменному веку. За мастерство и искусность людей, изготовивших ее, он отнес к нордическому типу. Халлстрём сформулировал теорию, согласно которой в период климатического изменения, которое совпало в Скандинавии с расцветом железного века, лапландцы все еще мигрировали из Финляндии в Норвегию. Поэтому их контакты со скандинавским населением не происходили до сравнительно позднего времени.

Существует гипотеза, которая, по-видимому, подтверждается лингвистической теорией К.Б. Виклунда. Согласно этой гипотезе, лапландцы вступили в контакт с народами Севера за семь или, возможно, пять столетий до нашей эры. В качестве доказательства приводится изучение немецкого происхождения некоторых лапландских слов. Однако Виклунд считал, что лапландцы в течение некоторого времени уже жили на севере и что в этот период именно германские племена мигрировали с юга. После столкновения лапландцы решили повернуть обратно на юг. Почему они возвратились по своим следам – неясно. Но некоторые свидетельства указывают на тот факт, что их решение имело некоторое отношение к климатическому изменению, упомянутому Халлстрёмом. Более низкие температуры снова вызвали приток диких стад в южные зоны, и поэтому те, кто жил за счет северных оленей, были вынуждены вернуться вместе с ними.

Некоторое время считалось, что лапландцы произошли из Центральной России. Затем, примерно в 1920 г., Комса стало тем названием, которое привлекло всех, кто проявлял интерес к

этому малоизвестному народу.

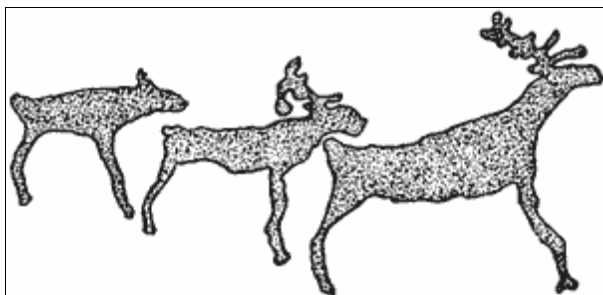

Рис. 11. Группа северных оленей на наскальном рисунке в Залавруге, побережье Белого моря, Россия.

Комса, норвежский округ на побережье Северного моря, стал предметом особого исследования со стороны Андерса Нуммедала. Его находки оказались изделиями палеолитического периода. Это доисторическое место некогда находилось близко к морю. Сложно было определить метод обработки камней (кварца) и типы изготовленных предметов. Казалось, было установлено родство с южноцентральными европейскими мустьерскими изделиями, что особенно проявилось в мастерстве изготовления ножей. Но в одинаковой степени можно было утверждать, что все эти образцы продолжают традицию лучших ориньякских ремесленников; скребки, долота, а также форма острия стрел давали веский аргумент в пользу этой точки зрения. Но мустьерский и ориньякский периоды, во всяком случае в Южно-Центральной Европе, принадлежат к последней стадии ледникового периода, когда льды продвигались на юг, в то время как находки в Комсе, согласно норвежским хроникам, относятся к периоду последнего отступления льдов. Кроме того, если учесть, что те же традиции обработки материала появились и в Польше (на глубинах, соответствующих последнему, магдаленскому периоду), стиль предметов становится все труднее классифицировать. Возможно ли, чтобы неизвестный народ, живший на окраинах последних следов тающего льда, все еще обладал элементами столь древней культуры? Возможно ли, чтобы охотники после длительного перехода все еще могли поддерживать связи с культурой прошедшей эпохи? Не имеем ли мы здесь дело с отдельной ветвью народа, который какое-то время также был рассеян по равнинам Франции, вплоть до Пиренеев?

Возможно ли было следовать за северными оленями с самого юга вплоть до холодных побережий Норвегии? Многие ученые полагали это маловероятным.

Но некоторые из них, например Пиа Лавоза Замботти, пришли к выводу, что в последний, магдаленский период во Франции, Бельгии, в Северной и Центральной Германии обнаруживается новый расцвет стиля, характерного для последнего ориньякского периода. Это мнение подтверждается также тем фактом, что в Норвегии, в неолитическую эпоху, мы обнаруживаем культуру, которая относится к технически более совершенной традиции периода отступления льдов.

Открытия, сделанные в Комсе, создали множество новых проблем.

Эрнст Манкер, который вдобавок к глубокому изучению лапландцев провел также бесчисленные экспедиции и исследования в горах, образующих водораздел между Норвегией и Швецией, заметил некоторое сходство между находками в Комсе и открытиями, сделанными в ходе раскопок в Варберге, на западном побережье Швеции. Он утверждал, что в обеих этих зонах мы столкнулись со следами брахицефалических людей небольшого роста; а его исследования истоков культуры оленеводства убедили его в том, что существуют определенные связи между лапландской культурой и восточной культурой Беломорского региона (Залавруга) и Урала (остяки). Его вывод состоял в том, что древняя лапландская культура была широко распространена, в то время как лапландцы фактически еще не обосновались в Скандинавии, то есть Манкер не считал лапландцев причастными к артефактам в Комсе.

Некоторые исследователи считали, что Комса была временным убежищем для местных жителей от суровых климатических условий. Основателем этой теории является К.Б. Виклунд. Те, кто разделял его точку зрения, утверждали, что в конце ледникового периода в Норвегии были регионы, где выживание людей было вполне возможно. Виклунд утверждает, что лапландцы («остаток» расовых предшественников и монголов, и европейцев) были отрезаны от родственников

им народов какой-то огромной природной катастрофой. По его мнению, Комса служит напоминанием о группе палеолапландцев, которые, посчитав невозможным жить там, где повсюду вокруг были льды, заняли «места зимовок» в каком-то благоприятном месте на побережье Северного моря и таким образом выжили. Когда лед исчез, эти палеолапландцы сместились с востока и юга, встретившись с новыми народами.

Другие ученые утверждают, что культура, найденная в Комсе, не была местной. Принимая теорию «зимовок» Виклунда, они считают, что народ, причастный к этой культуре, пришел с востока, через Карелию. Анатон Бьёрн придерживался этой точки зрения, которая не противоречила распространенной гипотезе о перемещении лапландцев с российских равнин вследствие оледенения. Однако Виклунд и его сторонники твердо придерживались теории «зимовок» большой продолжительности на побережье Северного моря.

Важной остается проблема о датировании первого поселения палеолапландцев в Скандинавии.

Виклунд и Таннер, авторы книги о группах скоттов, дали название народу Комсы. Они назвали его «археолапландцами» или «урлапландцами». Другие ученые давали иные названия, но почти все соглашались в том, что этот народ принадлежал к палеоарктическим людям, самыми последними потомками которых были лапландцы, известные нам сегодня.

Норвежский археолог Гуторн Гьессинг на основе археологических открытий сделал вывод, что палеолапландцы относятся к арктикоприбрежному культурному циклу, который охватывал большую область, чем любая предшествующая культура. Но он также признавал поразительное сходство между культурным стилем Комсы и тем, что наблюдался на более отдаленном юге. Он установил связи между находками, сделанными в России, Польше и Франции, и предметами, которые были найдены на норвежском побережье. Очень часто раскопки, сделанные здесь, обнаруживают сходные признаки культуры с южными и восточными оттенками. Вкратце точка зрения Гьессинга состоит в том, что внешние влияния в арктикоскандинавской культуре имеют широчайшее разнообразие; здесь проявилось влияние не только Европы, но и регионов, граничащих с Северным полярным кругом.

Мы могли бы классифицировать эту культуру как культуру «субледниковотундрового типа». Это соответствует точке зрения Гьессинга на взаимосвязи различных культур и учитывает этнологические сопутствующие факторы остальных арктических народов.

Возможно, 2-е тысячелетие до н. э. можно рассматривать как дату широкой миграции северных оленей в Скандинавию. Эта гипотеза основана на историческом факте: это было время, когда многие из охотящихся народов покинули Карелию. В 3-м тысячелетии до н. э. огромная волна народов, говорящих на индоевропейском языке, хлынула в прибалтийские регионы, подрывая существование многих племен, обосновавшихся в огромных лесах, и вынудила их покинуть свои древние охотничьи угодья, озера и реки. Спасаясь от свирепых пришельцев, искорененные племена рассеялись во всех направлениях. Те, чья родина лежала на краю большого лесистого пояса, образующего полукруг вокруг прибалтийских берегов, бежали в регион (теперешняя Финляндия), где они столкнулись с группами древних охотников на оленей. Спорный вопрос: поработили ли их пришедшие народы или только вытеснили в более северные области – уже, несомненно, знакомые многим из них как охотничьи угодья во время менее суровых времен года. Все это происходило приблизительно 5000 лет назад, и следы этой миграции, которая была устремлена все дальше на север, были обнаружены в Финляндии и вдоль Ботнического залива. В то же время начал акклиматизироваться лишайник, что способствовало великому переселению охотников на северных оленей.

Среди племен, вытесненных воинами со стрелами (как древними германцами), были некоторые финские народы. Но, как утверждают некоторые ученые, в Финляндии они появились только 2500 лет назад, сначала долго пребывая в регионе, который сегодня составляют Прибалтийские страны – Эстония, Латвия и Литва. Есть научное доказательство того, что в тот же период лапландцы оказались в самых северных зонах Скандинавии. Они заняли обширную территорию, включая области между Ладожским и Онежским озерами и Белым морем, Кольский полуостров, Финляндию и Северную Скандинавию.

Некоторые группы лапландцев, по-видимому, населяли район Ладоги – Онеги в пределах исторического времени, так что были некоторые основания для утверждения, что какое-то количество их пришло сюда при финском господстве, хотя огромное большинство свободно занималось охотой и рыбной ловлей. У лапландцев есть древняя легенда, которая вполне может

служить иллюстрацией такого положения вещей. В древние времена, говорится в предании, лапландцы подверглись нападению вражеского племени. В течение долгих лет они были его невольниками и от него научились языку, на котором стали говорить. Этот свирепый народ лапландцы называли куттами, или чудью. Они сохранили достаточно живую летопись о своих захватчиках. Тот факт, что в наше время лапландцы говорят на финноугорском языке, в то время как в более древние времена они, конечно, имели свой собственный язык, придает этой легенде некоторую правдоподобность. В течение длительного периода лапландцы, по-видимому, жили в подчинении у финских племен, и постепенно новый язык был навязан целому народу.

В то же время считается, что лапландский язык как разговорный является более древним, чем финский, хотя он и принадлежит к той же языковой группе.

Глава 2 ДРЕВНЕЙШИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ

Первое упоминание о северном народе мы находим у римского историка Публия Корнелия Тацита. В своей «Германии» после описания жизни и обычаев «варварских» племен, населявших самый край света, он говорит о народе, который называет феннами (fenni). Тацит пишет: «Они необычайно дикие и ужасно бедные. У них нет никакого оружия, никаких лошадей, никаких постоянных домов. Они живут на траве, одеваются в шкуры, спят на земле. Они полагаются на одни только стрелы. Поскольку у них нет железа, они используют кость и делают из нее наконечники для стрел. Охота обеспечивает пищу как для мужчин, так и для женщин, последние фактически следуют за мужчинами повсюду и требуют свою долю добычи. Дети не имеют никакой защиты от грозы и бури, кроме того, что могут использовать с этой целью несколько связанных ветвей. В подобном укрытии также собирается молодежь и уединяются старики. Однако эти люди убеждены, что некоторым образом они счастливее тех, кто проводит свою жизнь на поле боя или тратит свои силы на постройку домов, игры со своей судьбой и судьбой других людей. Не думая ни о людях, ни о богах, они достигли самого трудного: они перестали испытывать изводящие людей желания».

Образ жизни и нравы феннов, подмеченные Тацитом, должно быть, были характерны и для лапландцев, с которыми в ту эпоху фенны все еще были тесно связаны, о чем говорят и многие другие источники.

Свидетельство Тацита относится примерно к 98 г., к этому времени лапландские группы уже давно жили в Скандинавии, что подтверждается археологическими раскопками. Тацит не упоминает о больших стадах северных оленей, без которых охотящийся народ не мог существовать. Однако его утверждение, что фенны жили на траве, – это просто еще один способ сказать, что в вопросах пропитания они зависели от охоты. Некоторые авторы через семь или восемь веков также не упоминают о северных оленях. Исходя из этого, можно предположить, что эти животные во времена Тацита занимали гораздо более южные территории, чем в настоящее время. Объяснением может служить и то, что, поскольку олени были столь же распространены, как и другие животные, в них не видели ничего особенного, чтобы писать о них.

Что касается названия «fenni», то, по мнению Манкера, это не что иное, как древнескандинавское слово «finna» или «finnet», означавшее «лапландцы». Он напоминает, что этот корень можно до сих пор встретить и в норвежском региональном названии «Finmark», то есть «страна лапландцев». С другой стороны, финноязычное население было известно под названием «кванер», пока оно не приняло название отдельного племени суоми. Когда Манкер говорит о каком-то нордическом слове, он ссылается на германоязычный скандинавский народ. Здесь содержится намек на то, что Тацит знал о феннах, по слухам, от германских скандинавов. Слух этот, должно быть, пришел от германских племен, живших за пределами Прибалтики, учитывая, что сам Тацит, по всей видимости, никогда не был в Скандинавии.

По версии Тацита, фенны были жителями северо-восточных районов больших германских равнин, однако в одном месте Тацит ссылается на неведение относительно того, числятся ли певкины, веныды и фенны среди германцев или сарматов. Отсюда ясно, что феннов, вероятно, путали с негерманскими народами, рассеянными между Карпатами и Восточно-Европейской равниной, которые называются римским историком «сарматами». У Тацита есть важное

свидетельство, которое многие упускали из виду. В своей «Германии» он приводит несколько расплывчатое описание нравов свионов, помещая эти германские народы в Южную Скандинавию. Согласно Тациту, они живут в окружении моря: в то время Ботнический залив считался связанным с Арктическим океаном, делая Норвегию и Швецию островом. Тацит пишет, что земля свионов заканчивается другим морем, «где солнце, хотя уже и садилось, излучало свет такой силы, что он продолжал сиять вплоть до рассвета, затмевая даже звезды». Явление, которое он описывает («полночное солнце»), на той широте Северного полярного круга действительно длится два месяца. Тацит отмечает: «За свионами находятся племена ситонов. Имея схожие манеры и нравы, они отличаются одной особенностью: ими управляет женщина, столь глубоко они постигли глубины не только потерянной свободы, но и самого рабства».

Эту ссылку Тацита на тот факт, что ситоны управляются женщиной, легко можно было бы приписать легенде, если бы мы не знали об особом значении женщины в лапландской семейной группе. Это не та роль, которая ей отводится в древних обрядах во время праздника *Мадаракко*– Женщины-Творца; здесь речь идет о том, что женщины не только охотились вместе с мужским населением, и были времена, когда они прямо руководили процессом охоты. Также следует вспомнить, что в лапландской культуре есть элементы, которые, по-видимому, указывают на матриархальное общество.

Если слово «*finnet*» было подлинным нордическим или скандинавским, то наиболее правомерно оно могло быть применимо к ситонам, а не к финнам. И Тацит, когда писал свою историю, не мог говорить что-либо о направлениях возможных миграций и возможном слиянии этих двух народов, ибо он знал только то, что они были отделены Ботническим заливом, превращавшим Швецию в остров. Возможно ли, что германские народы рассматривались финнами как жители территорий к востоку от их собственной, в то время как то же название, если верить норвежским ученым, использовалось древними поселенцами Швеции для обозначения лапландцев?

В исторические времена, как мы знаем, часть лапландцев осела между Ладожским и Онежским озерами. Их ли имел в виду Тацит? Если да, то он подтверждает наше признание древних охотников феннами из «Германии». С другой стороны, нет ничего такого, что помешало бы прийти к совершенно другому заключению, а именно: название фенны не имеет никакого отношения к лапландцам, и авторы, следующие Тациту, лишь увековечили это ошибочное представление.

В таком случае название Финляндия (*Finnmark*) не было дано региону, обозначавшему страну лапландцев-феннов. Все указывает на это, поскольку настоящие финны были известны под другими названиями. Все документы о ситонах исчезли, вместе с самим названием. Тем не менее, Тацит сообщает, что в исторические времена они жили в Северной Скандинавии.

Позже историки и монахи изобрели для лапландцев специальное название. Они называют их скритифиннами, следуя Тациту, чей термин «*Fermi*» они принимали за обозначающий лапландцев.

В течение четырех столетий после Тацита не было никаких упоминаний о лапландцах, хотя сегодня известно, что они были в тот период рассеяны в районах к северу от Ботнического залива, в долинах шведских и норвежских гор, разделившись в месте, которое является теперь Далекарлией (Даларной), отмечающей их наибольшее проникновение на запад.

Кроме того, в течение всех этих четырех столетий они вступили в более тесный контакт с сельскохозяйственным населением, жившим в южной части страны. Но в эти ранние времена христианской эры никто не проявлял интереса к лапландцам. Внимание было сосредоточено на других частях Европы: это было богатое событиями время, когда Римская империя приближалась к своему концу под ударами варварских народов.

Единственным автором того времени, который часто упоминает народы, жившие за Балтикой, был Прокопий (490–562 гг.), известный историк готы. Основываясь на обрывках сведений, полученных от путешественников и торговцев, он рассказывает о скандинавском народе негерманской расы, называемом скритифиннами, это были кочевники, занимавшиеся охотой и рыболовством, жившие в постройках из земляных комьев и связанных ветвей. Прокопий испытывает отвращение к этим «варварам», описывая их в самых приземленных тонах. Он рассказывает, что из всех народов, живущих в «далеком Туле», только одни «скритифинны» перенимают «образ жизни зверей». Говоря о том, что у них нет ни одежды, ни обуви, Прокопий, конечно, подразумевает ту одежду и обувь, которыми пользовались германцы. Должно быть, он видел или, скорее, слышал об этих людях, с головы до пят одетых в шкуры животных. Какое

разочарование для утонченного человека, привыкшего к великолепию византийского двора!

Прокопия ужасает тот факт, что эти «дикари» не возделывают землю, не знают пьянящего действия вина, но как мужчины, так и женщины упиваются дикой безжалостной охотой. Эта страна, продолжает историк, «изобилует густыми замерзшими лесами и остроконечными горами, переполненными дикой жизнью», что является настоящей находкой для народа, чье питание и одежда зависят от животных. Но превратить густой жесткий мех в сносную одежду – нелегкое дело; эти «варвары», у которых не было даже иголок для шитья, просто накидывали шкуры на плечи, скрепляя их сухожилиями мертвых животных!

Не понимая и не принимая древних обычаев кочевых лапландских племен, Прокопий оплакивает их полное незнание методов «цивилизованного воспитания» детей. Лапландские матери, сообщает он, не кормят грудью своих младенцев. Их завертывают в какую-то кожу, подвешивают на дереве, дают им пососать мозговую кость и уходят охотиться со своими мужьями. Так Прокопий воспринял тот простой факт, что, если женщине нужно было уйти на очень короткое время, она иногда подвешивала колыбель на ветку дерева, чтобы таким образом обезопасить свое дитя.

Но самые примечательные описания дают те авторы, которые стремятся увидеть лапландцев в феннах Тацита. Они указывают на то, что Прокопий для объяснения нового для них названия взял древнескандинавское фенни («Fenni») и соединил его с другим таким же древним словом скандинавского происхождения, означавшим, как мы теперь знаем, современный шведский эквивалент слова «скрида» («skrida»). Шведский народ, должно быть, ошеломило, когда они увидели, что эти северные охотники, привязав к своим ногам две небольшие тонкие дощечки, совершенно непринужденно скользили по снегу. Понятно, что эта самая поразительная способность лапландцев, должно быть, была для шведов знаковой, когда они давали им это прозвище.

Рис.12. Доисторическая лыжа, датируемая 1500 г. до н. э., найденная в болоте вблизи Ломсьёкуллена, Швеция. В настоящее время находится в Нордическом музее в Стокгольме.

Уже упоминалось, что лыжная палка, найденная в Калвтреске, благодаря анализу пыльцы была датирована 2000 г. до н. э., в то время как происхождение найденных лапландских лыж, вне всякого сомнения, может быть отнесено к периоду с 1500-го по 1000 г. до н. э. В 1945 г. в болотистой местности вблизи Ломсьёкуллена, в десяти километрах к северу от Вильхелмины в Швеции, была обнаружена лыжа, которую эксперты определили как лапландский тип. Тождество между феннами и лапландцами подтверждало, по мнению сторонников Прокопия, что скритофинны, о которых упоминает римский историк, были очень умелыми лыжниками, такими, какими всегда были лапландцы. Они не предполагали, что научный метод однажды поможет точнее датировать найденные лапландские лыжи, и что эта дата будет восходить к эпохе, предшествующей Тациту.

В XVII в. Франческо Негри по-новому интерпретирует название, которое изобрел Прокопий: «Что касается названия скрифиннов, то, по-моему, оно подходит к тем самым лапландцам, которые были столь по-разному называемы различными авторами. Имеется лишь небольшое различие между скрифиннами и скиерфиннами, то есть финнами-лыжниками, ибо их лыжники быстро бегают. Также есть лишь небольшое различие между скрифиннами и скритофиннами, то есть финнами, которые являются лучниками...»

Готский историк VI в. Иордан говорил о людях, которых он называл скререфиннами, чья территория простиралась от Ботнического залива до центральных областей Швеции и Норвегии. Они в значительной степени испытали влияние готов, приобретя, таким образом, некоторое представление о руническом алфавите, принесенном с Черноморского побережья. Следы этого – что имело важнейшее значение для исследователей истории Скандинавии и экспедиций викингов – были замечены у лапландцев миссионером Кнудом Леемом. В 1725 г. он узнал руны на некоторых рисунках, выполненных лапландцами на магических барабанах шаманов.

В 780 г. ломбардский монах Павел Диякон, более известный под именем Варнефрид, дал нам

первое точное описание народа, который он называет (на латыни) скритобинами (*scritobimi*). Павел рассказывает, что они жили «в другой части Германии, то есть за Балтикой, в земле, белой от снега даже в течение летних месяцев». Люди там жили за счет диких зверей, питаясь их мясом и одеваясь в их шкуру. Их название, пишет Павел, происходит от какого-то слова в их языке, которое означает «бежать», ибо благодаря «скольжению на двух кусках изогнутой древесины они были способны опередить диких животных». Однако неясно, какое название имел в виду Павел: он сообщает нам только то, что оно образует часть «варварского языка». Обращаясь к языку лапландцев, мы вспоминаем о слове «сабме» («*sabme*»). Во всех лапландских диалектах оно обозначает расовое название народа. Но если мы принимаем то, что Павел подразумевает под словом «*scritobini*», то мы уже знаем его этимологию. Однако это был тот случай, когда название было искусственно создано историками.

В дальнейшем в описании ломбардского монаха мы находим утверждение: там, где живут эти люди, есть животное, которое напоминает оленя. Подразумевал ли он, что северный олень – несомненный представитель рода оленей – был уже одомашнен лапландцами? Отметим, что после приведенной фразы следует описание того, как лапландцы используют лыжи, чтобы ловить диких зверей. Это предполагает, что лапландцы в те времена, возможно, содержали северных оленей на своих участках, чтобы доить их, или, что вероятнее, в качестве приманки для других диких зверей, продолжая охотиться на лыжах на огромные стада, которые все еще гуляли на свободе в горах.

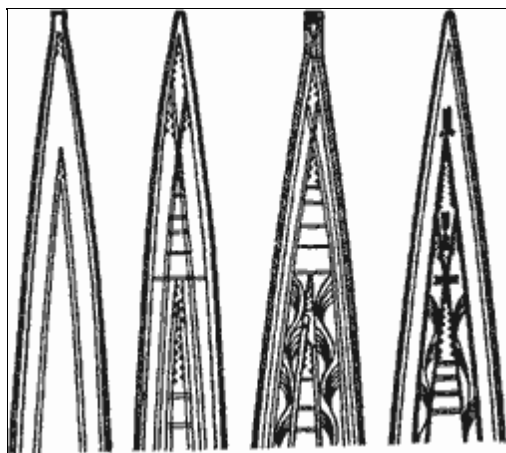

Рис.13. Четыре лапландские лыжи (показаны передние части), украшенные в викингском стиле, из Малы, Люкселе, Швеция.

Время от времени в древних сагах и норвежских легендах, передаваемых норвежцами, исландцами и викингами, неожиданно возникают смутные и отрывочные упоминания о присутствии этих кочевников на Атлантическом побережье. Поселились ли они там? Влияние викингов, конечно, должно быть заметно в художественных мотивах, используемых охотниками на своих застежках, поясах, посуде, цветных шарфах и, прежде всего, на лыжах. Но викинги, этот гордый, сильный народ, жаждущий приключений, покидали свою страну в больших количествах. Некоторые отправились в Исландию, другие, подобно Леифу Эйриксону, – в Гренландию, откуда они в поисках новых подходов к берегу с юга неожиданно открыли Америку. Другие, впоследствии известные как норманны, высадились в районах Европы с умеренным климатом и осели там.

Лапландцы были, по-видимому, уединенными жителями огромных пространств тундры, которые начинаются с атлантических фьордов, пересекают горную местность Финляндии и доходят до ее бескрайних равнин. Смелые мореплаватели со светлыми волосами, в блестящих шлемах, украшенных рогами или вороньими крыльями, к этому времени отправились в далекие страны. Свей и другие народы возделывали землю с более умеренным климатом, омываемую Балтийским морем. Финские суоми и их соплеменники окончательно поселились среди обширных хвойных лесов и озер.

К концу IX в. норвежец по имени Офере, наместник короля округа Халога, получил приказ от своего повелителя Харальда нанести официальный визит королю Англии Альфреду, который в то время был в зените своей славы. После ряда военных побед над датчанами он посвятил себя переводу трудов знаменитых историков, которые он надеялся распространить среди своего

«грубого и невежественного народа». Когда Офере стал описывать свою собственную страну (в настоящее время область Тромсё) и маленький народ, живший на севере, король Англии с энтузиазмом потребовал подробных сведений. И когда он начал переводить семь книг, составлявших исторический труд «Против язычников» испанского священника Оросия, то захотел внести некоторые изменения в описание столь малоизвестных северных народов. Так произошло, что Альфред сообщает нам о скридефиннах и Офере, у которого было «шестьсот прирученных оленей, называемых „рханами“». Шесть из них Офере использовал в качестве приманки для диких стад, все еще бродящих в горах.

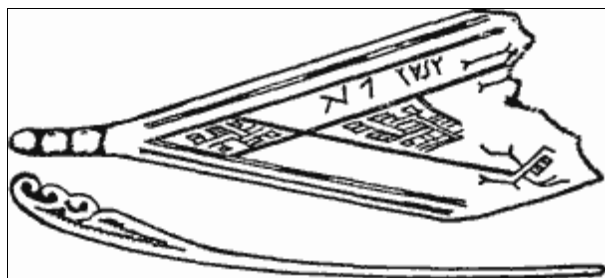

Рис.14. Острие лапландской лыжи IX в. с викингским украшением, обнаруженное в болотистой местности в Аяуре, Люкселе, Северная Швеция.

В связи с этим Манкер высказывает мнение, что стада Офере были ухоженными и во время миграций их пасли лапландские пастухи, которые, следовательно, должны были быть подготовленными для оказания подобных услуг чужеземцу. Вместе с тем возможно, что рассказ Офере о стаде в шестьсот голов был известным преувеличением, желанием поднять свою значимость в глазах короля Альфреда.

Свидетельства о короле Альфреде являются, несомненно, первым документом, в котором появляется саксонское название животного «рхана». Слово это, согласно некоторым лингвистам, первоначально произносилось с придыхательным «х». В некоторых трудах утверждалось, что «рхана», или «крана», имеет то же происхождение, что и слово, обозначающее «гип» – «геппан», которое до сих пор встречается в некоторых англо-саксонских производных словах. Это коренное слово стало обозначать северного оленя германских земель. Лапландцы дали этому животному собственное название – «боазо». Этот вид известен также как «сарвес» (название применялось главным образом к мужским особям) и «ваза» (применительно к самкам).

Полагаю, что вышеприведенное истолкование – неубедительно. В древнебаскском (не индоевропейском языке) словом, обозначающим северного оленя, является «орена» («огепан»). Придыхательное «х» здесь, по-видимому, превратилось в «о». Это имеет особый интерес, если мы вспомним вывод, сделанный баскским исследователем Телесфоро Де Аранзади, который утверждал, что выявил культурные и антропологические связи между лапландцами и басками. Следует также напомнить, что некоторые восточносибирские народы, например орочи, берут свое название от майского слова «оро», обозначающего северного оленя.

Глава 3

МИССИОНЕРЫ И ТОРГОВЦЫ ОТКРЫВАЮТ МИРОЛЮБИВЫЙ НАРОД

Вплоть до времени датского монаха Саксона Грамматика (примерно до 1200 г.) какие-либо сведения о «варварских» охотниках отсутствуют. Мимолетное упоминание о них в 1060 г. содержится лишь у Адама Бремена, который после путешествий на полуостров Ютландия упоминал в своем отчете о скридефиннах. Из всех аспектов жизни этого «невежественного народа» единственное, что он посчитал стоящим упомянуть, была их способность бегать на лыжах.

Саксон Грамматик впервые использует название «Лапландия» (Lappia), чтобы обозначить «непригодную для жилья область, в которой обитают скридефинны, охотники, вооруженные стрелами и копьями, стремительно бегущие на деревянных дощечках и сильно склонные к магии».

Он также впервые упоминает о палатках, которые кочевники используют в своих стоянках при переходах, нагружая оленей кольями, жердями и кожами.

Если рассмотреть этимологию финского слова «Лапландия», то можно обнаружить, что Саксон отождествлял земли скридфиннов с самым безлюдным краем Европы. Постепенно названия «финны» и «скридфинны», несмотря на их различное произношение, уступили названию «лапландцы». Мы обнаруживаем его уже в очень древних записях, например в некоторых рассказах Клавдия Клава и Мишеля Бегейма.

Народная фантазия дала и другие, иногда странные названия этому северному народу, разумеется, ему самому неизвестные. Некоторые из этих названий совершенно непостижимы. Старые, забытые тексты содержат такие названия, как «гимантопы», киноцефалы, [2]биармы. Последнее, по общему признанию, содержит явный намек на страну медведей, если мы проследим истоки его в шведском языке. В Средневековье у самих лапландцев были столь же неправдоподобные представления о своих далеких предках: будто у них была только одна нога, как у вымышленного Унипеди, [3]обнаруженного в какой-то туманной Америке викингами; или будто у них был всего один глаз между бровями, как у Полифема. Может показаться совсем уж удивительным, что Манкер буквально в 1945 г. расшифровал легенду, рассказанную ему несколькими лапландцами в деревне Туорпон, в которой миф о Полифеме применялся к древнему персонажу в лапландской мифологии. Считалось также, что маленькие северные люди были не кем иным, как потомками тех гномов, которыми германский фольклор населял густые леса Центральной Европы. В течение длительного времени было немало тех, кто отождествлял их с улда – чистыми духами скандинавских легенд. Так или иначе, внешний мир начал проявлять к лапландцам интерес, нарушив их длительное одиночество на безграничных просторах севера.

В 1546 г. умер Мартин Лютер. Его ученики тут же взялись за распространение Евангелия среди народов, до сих пор живших во мраке древних языческих культов. В северной части Центральной Европы набирал силу религиозный Ренессанс. Лютеранские священники торопились на север, где до сих пор огромные количества людей еще не были обращены в христианство. В период IX–XII вв. христианство утвердилось в Скандинавии, но только в XVI в. лютеранское учение, только что завоевав германский мир, достигло тундры и гор, где древний народ жил лишь в общении с самыми кроткими животными – северными оленями.

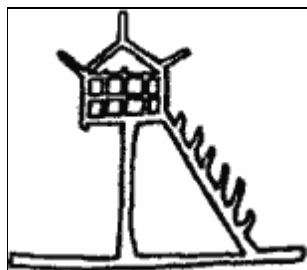

Рис. 15. Няля – хижина для пищи, нарисованная на лапландском барабане.

В 1555 г. в Риме была издана книга под названием «Historia de Gentibus Septentrionalibus» Олава Магнуса, сосланного католического архиепископа из Упсалы. Вместе с братом он внес важный вклад в наши познания географии Севера. Эта работа, что особенно важно, дала нам полезные сведения о народах Скандинавии, хотя информация собственно о лапландцах не столь обширна, как описание быта и нравов земледельческого населения.

«История» Олава Магнуса содержит достоверные сведения, поскольку в ней отражены рассказы миссионеров, работавших в северных областях, а также торговцев мехом. Но вместе с тем автору не удалось избежать примеси фантастического. Устная традиция и норвежские саги соединяются с реальными фактами, образуя удивительный калейдоскоп сведений. Здесь встречаются и старые, ожившие истории: люди с одним глазом или прячущиеся под землю во время зимы и зимующие подобно медведям. В рассказах других путешественников лапландцы живут на верхушках деревьев, вырастающих до огромной высоты, и оттуда созерцают грозные ледяные глыбы первичного моря. Вся эта мешанина происходила оттого, что информация исходила от великого множества людей, мало осведомленных об истинных фактах жизни на севере. Как это часто бывает, сведения, передаваемые из уст в уста, становились все более искаженными.

Например, зимой лапландцы действительно строили хижины-полуземлянки, так как они лучше держат тепло. Лапландцы также использовали верхушки дерева, поскольку они устраивали свои хранилища на кольях, чтобы защитить мясо от голодных волков и росамах.

Вместе с тем Олав приводит точное описание лыжной езды. Мы узнаем, что лапландцы не только были способны покрывать огромные заснеженные пространства на высокой скорости, но и могли, используя палки, выполнять сложнейшие маневры на крутых склонах. Олав также первым дал описание лодок лапландцев: их строили, соединяя части древесины сухожилиями северного оленя. Современные исследователи обнаружили следы такого примитивного ремесла.

Из описания Олава можно сделать вывод, что даже в те отдаленные времена некоторые группы лапландцев платили своеобразный налог (как предполагал Офере, королю Альфреду): дабы обеспечить свои привилегированные интересы, они отправляли королю Англии большие количества ценного меха. Естественно, такая практика граничила с злоупотреблениями, хотя и находилась в ведении так называемого «лапландского шерифа», который должен был контролировать эти платежи. Однако он часто был бессилен что-либо сделать. Эта система налогообложения незащищенных лапландцев была отменена в период царствования Карла IX, сына Густава Васы.

В этот период в морях, омывавших северные побережья Скандинавии, происходило важное событие. В 1553 г. английская экспедиция покинула родные воды, чтобы бросить вызов суровым и опасным условиям арктической навигации.

Рис. 16. Лапландский лыжник, вооруженный арбалетом, на гравюре XVII в.

Сэр Хью Виллоуби, в поисках северо-восточного прохода на восток, пристал своими двумя судами «Надежда» и «Вера» к берегам российской Лапландии. Третье судно, «Эдвард Бонавентуре», потеряв контакт с остальными двумя во время сильного шторма, приплыло к Двине. Сэр Хью высадился на берег в надежде на отдых и пополнение продовольствия. Люди были измотаны трудным переходом, к тому же у них не было ничего, чтобы противостоять жестокому холоду и сильным ветрам, которые буквально валили с ног. Весной следующего года их замерзшие, прижавшиеся друг к другу тела были найдены лапландскими охотниками. Руководитель экспедиции был обнаружен сидящим в грубой лачуге, которую он построил из кусков древесины, — перед ним все еще лежало одно из бревен.

Однако миссионеры не сдавались. Некоторые из них, пробираясь по норвежским фьордам все дальше и дальше на север, натолкнулись на охотников, совершающих вместе с семьями обряды и жертвоприношения. Однако общение с лапландцами не было продолжительным. Пришло время, когда последние, будучи кочевниками, отправились в глубь замерзшей пустыни.

Именно в этот период один из путешественников, исследуя берега реки Торн, к северу от Северного полярного круга, посетил лагерные стоянки Тингвара и Сиггевара, которые были известны как одни из самых древних в шведской Лапландии. Эта зона была отмечена на карте,

правда довольно приблизительно, Олуффом Треском в 1543 г. Согласно карте, в одном месте на реке существовал торговый пункт, где иноземцы обменивались товарами с лапландцами: для них было выбрано место, где они могли оставлять шкуры и олени рога. Обмен проходил так, что обе стороны непосредственно не встречались.

В 1570 г. некий Франц Хогенбург на основе рисунков Авраама Ортелия, картографа из Антверпена, сделал шестьдесят карт севера. Эти очень подробные карты стали откровением для ученых того периода. Особый интерес представляет тот факт, что Ортелий разделил верхние пределы Скандинавии на три региона. Область на Севере, ближе к Арктике, он назвал Скрикфиннией. К центру и востоку находились области (в настоящее время принадлежащие Финляндии и России), которым он дал название Лапландия. Западную область он назвал Финляндией.

В 1554 г. Ортелий посетил Франкфуртскую ярмарку, куда съехались торговцы и путешественники почти со всей Европы. Там он встретил фламандского географа Герарда Кремера – Меркатора, который в том же году закончил свою работу над картой Европы. О сколь многом, должно быть, побеседовали эти двое географов! Обнаружив свое согласие по многим вопросам важных открытий того времени, они решили отправиться путешествовать вместе.

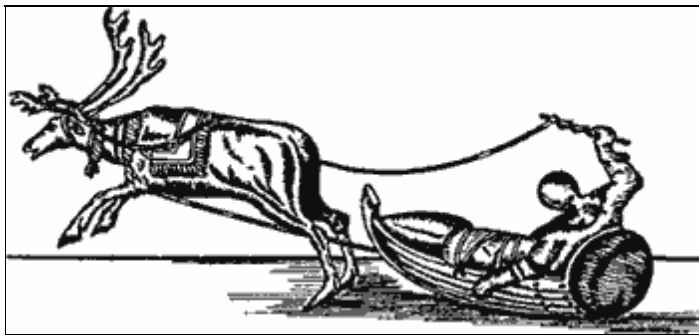

Рис.17. Гравюра XVII в., на которой показаны сани, запряженные северным оленем. Ясно видна типичная форма челнока саней. След проходит между ногами животного.

Северная Скандинавия у Меркатора получила два древнескандинавских названия: Финляндия и Лапландия. Последнее включает также Кольский полуостров и область вокруг озера Инари. Хотя это искусственное деление сохранилось до сих пор, страна получила на карте точную топографическую детализацию.

Торговцы из северных стран отправлялись в Лапландию на всех доступных им тогда транспортных средствах: верхом на конях и на лодках. Выгружая товары в Лулео, они искали кочевников и их меха. С завоеванием свободного города Новгорода воеводой из Москвы новгородские торговцы утратили торговую монополию вдоль северной береговой линии. Московские власти послали своих собственных купцов на торговые пункты вдоль мурманского побережья и залива Кандалакша. Можно было сказать, что началось открытие лапландцев. Путешественникам и торговцам открылся новый мир, о существовании которого Европа и не подозревала. Но в этом древнем мире ничто не умерло и не окаменело. Все было полно жизни; казалось, будто доисторические люди просто вновь появились среди снегов и болот арктических пустынь.

Знаменитая семья Строгановых, которые впервые открыли путь через Урал, позволивший России расширяться в глубь Сибири, к 1500 г. владела монастырем на Кольском полуострове. Это была сугубо лапландская внутренняя территория. Задача монахов состояла в том, чтобы обратить язычников в христианство. Строгановы владели также некоторыми горными предприятиями для добычи соли, которая продавалась за российские рубли. Рядом уживались меркантилизм и монашеское дело. Но очень скоро, соблазненные богатыми месторождениями и обилием мехов в Сибири, Строгановы ушли из Лапландии и предоставили самим себе своих бородатых монахов. Когда Строгановы уехали, были также оставлены хорошо вооруженные воины, чья миссия состояла в защите монахов от дикарей. Однако монахи поняли, что они вполне способны жить и работать без этой охраны. Никому не нанося обид, они продолжили свою миссионерскую деятельность среди людей, которые были столь же безобидны, как и они сами. Ибо лапландцы

были простыми охотниками, которых, сказать по правде, всегда сбивало с толку присутствие столь устрашающе вооруженных солдат.

Рис.18. Гравюра XVII в. с изображением лапландского охотника с большим луком азиатского типа. Его жена несет подвешенную на плечах колыбель из коры.

Рис.19. Гравюра XVII в. с изображением лапландской пары: женщины, держащей в руках люльку с младенцем, и мужчины с топором.

В начале XVII в. в Лапландию нанес визит уполномоченный представитель короля Швеции Карла IX, Даниэл Хьорт. Он не мог не обратить внимание на то, что в одном месте, где река Торн расширяется между пологими холмами, была обнаружена большая группа лапландцев. Область, где они обитали, включала в себя два озера поразительной красоты. Это было идеальное местоположение для церкви. Олуфф Треск был на верном пути: он случайно обнаружил ключевую точку всего округа. Сначала на косе в направлении современного Паксуниemi была построена часовня. Затем по приказу, содержащемуся в королевском послании от 26 сентября 1673 г., на небольшом полуострове была построена деревянная церковь, которая до сих пор возвышается над рекой.

Тем временем приходской священник из Питео Николас Андрэ вступил в отношения с торговцами лапландским мехом на реках Луле и Пите. Эти охотники спустились с самых высоких гор в Скандинавии, находящихся между Кебнекайсе и Сультьемой. В районе, окруженном этими вершинами, зеленые пастбища чередовались с бескрайними льдами. В горном воздухе мерцали широкие озера, полные рыбы, а на их берегах лапландцы построили земляные хижины – на расстоянии одного дня пути старыми тропами. Очень часто рядом с жилищем была няяла – ящик или небольшая деревянная хижина на столбах, где хранилось от волков мясо северного оленя. На каждом озере была своя небольшая лодка, вытасченная на берег, когда она не использовалась. От

озера Вестеньяуре до великих спусков Луле, ото льдов Бламаннсисен до древнего поля битвы Юккасьярви, лапландцы создали цепь коммуникаций, поддерживавшую связи между различными семейными кланами, рассеянными по всей обширной территории, и дающую им возможность участвовать в торговле. Здесь было поле для обращения в христианскую веру, и священник из Питео не упустил эту возможность. В 1619 г. в Стокгольме он напечатал молитвенник на лапландском – это самый древний документ, которым мы обладаем, – на языке кочевников. Затраты на публикацию щедро оплатил король Густав II Адольф, оказав первую официальную помощь и поддержку миссионерам.

Одним из их числа во второй половине XVII в. был итальянский монах, несомненно, первый итальянец, который проник в Лапландию, – священник Франческо Негри из Равенны.

Знания о Скандинавии в Италии были несколько туманными даже в то просвещенное время. Спустя несколько лет Норвегия и Швеция все еще считались островом, а его северная часть – наполовину необитаемой.

В 1663 г. сорокалетний священник решил отправиться в эти неизведанные земли, и эта затея обернулась для него трехлетним путешествием. «Вся славная книга природы предстала передо мной, и если я испытывал недостаток в умении читать ее, то, по крайней мере, хотел посвятить себя одной странице... чтобы наблюдать там дивные труды Высшей Длани», – писал позднее Негри в своем труде «*Viaggio Settentrionale*».

Воображение его разыгралось еще больше, после того как он прочел работы Олава Магнуса.

Негри пересек Германию и Польшу и отправился в Стокгольм. Продолжая двигаться по суше, он прибыл в город Торнео (ныне он находится на современной границе между Швецией и Финляндией). Путешественник пересек реку и достиг центра горной промышленности, известного как Ваппа-Вара (почти современная Сваппавара). Начиная с этого пункта и до мыса Нордкап, которого он стремился достичь как конечной северной границы Европы, Негри столкнулся с величайшими трудностями. После многочисленных невзгод и пребывания в течение многих месяцев в сердце Лапландии он направился обратно в Стокгольм, все еще полный решимости достичь своей цели, но несколько более благоприятным маршрутом. Прошел год. Затем в октябре, в самом начале ужасной северной зимы, он покинул Эльсинор в Дании. Во время сильной бури он добрался до фьорда Берген, откуда снова отправился в Тронхейм, а затем в Центральную Швецию, поскольку это была область Эстерсунд. Вернувшись в Тронхейм, он отправился на Лофотенские острова. Здесь и вдоль норвежского побережья Финляндии, вплоть до мыса Нордкап, он наталкивался на множество лапландцев, чей образ жизни описал в своих «Письмах». Содержащиеся в них некоторые заблуждения со временем были исправлены. «Письма» были изданы посмертно в Падуе в 1700 году и имели множество читателей. Его сочинения – живое отражение того, что он видел своими собственными глазами. Их интересно читать, а их литературные достоинства завоевали им почетное место в итальянской литературе XVII в.

В 1673 г. некий Иоганн Шеффер издал во Франкфурте книгу под названием «*Lapponia*», которая была близка по тематике работам Олавса Граана и Иоанна Торнеуса, представлявшим собой краткие отчеты о миссионерской работе и исследованиях в Лапландии. Эти работы не были изданы. В 1672 г. Шеффер обратился к ним и создал одну из лучших книг, когда-либо написанных о лапландцах. Книга содержала кладезь свежей информации о фольклоре, нравах и религиозных обрядах этого народа. Если теперь все большее количество миссионеров отправлялось в Лапландию, то, возможно, сподвигла их на это именно книга Шеффера.

Рис.20. Гравюра с изображением лапландской пары во время путешествия. Мужчина вооружился большим луком, а женщина ведет оленя; младенец едет в колыбели, привязанной к седлу на спине оленя.

И именно в этот период, памятный благодаря таким именам, как Торнеус, Шеффер, Габриэль Тудерус, началось серьезное изучение вопроса о происхождении лапландцев. Ранние теории были переформулированы в терминах научного правдоподобия. Кочевые охотники постепенно оказались окруженными целой цепью новых церквей для их спасения. Они появились в Юккасьярви, Йокк-мокке, Энонтекисе, Арвидсьяуре и Люкселе. В последнем была основана школа Ските. Названная по имени ее благодетеля, она стала лапландской семинарией.

Это миссионерское рвение досаждало лапландцам. Они отступали перед ним все дальше и дальше в горы. Весна и осень означали для охотников паузу, пребывание в лагерях с южными соседями, общения с которыми лапландцы пытались избегать. Барабаны шаманов, которые описал Шеффер, стихли, исчезнув в лесах вместе с барабанщиками – священниками анимистического культа. Глубоко в лесу тайно совершались старые обряды и жертвоприношения.

Но перед концом XVII в. лапландцам был навязан особый указ: они должны были прийти в церковь, закопав барабаны и другие религиозные символы. Однако сколько их пришло? Несомненно, только те, кого привели насильно. Остальные продолжили прятаться в своих древних укрытиях. Те, кто представился пастырю, увидели свои барабаны, сложенные в груды, из которых сделали трескучий костер. Его огонь, как предполагалось, уничтожал древние верования и суеверия, а на деле расовую память народа, существовавшего тысячи лет.

В глубинах лесов все еще звучали скрытые барабаны. Лапландцы обращались к богам тундры, гор и воды, чтобы те оказали им помощь, как они это делали в прошлом. Снова и снова шаманы говорили своему народу, что их боги никогда не покидали их. Но пришел день, когда некоторое количество лапландцев было застигнуто врасплох и окружено. И старые маги, которые претендовали на способность говорить с духами озер и великих рек, были сожжены заживо вместе с их барабанами. Это произошло в 1692 г. в Арьреплуге.

В 1723 г. было введено новое правление – Лапландский секретариат. Каждая церковь должна была теперь присоединиться к нему для получения религиозного наставления. На Атлантическом побережье лапландцы оказались во всевластии церкви, так что очень много их ушло со своих мест.

С середины XIV в. охотники и рыбаки активно торговали с балтийскими странами, позже – с портом Архангельском. В течение очень длительного времени русские торговцы отправлялись в рискованные путешествия вокруг мыса Нордкап в мирные норвежские фьорды. К приходу их судов лапландцы создавали большие запасы меха и рогов северного оленя. Вскоре русские также оценили великолепного лосося и форель, которых очень искусный народ вылавливал из озер и рек. Такой обмен продолжался вплоть до XVIII в. и получил название «поморская торговля».

Но еще до того, как приблизился к концу XV в., норвежцы в значительной степени отказались от рыбной ловли в своих северных районах: рынок испытывал спад. Однако они делали значительные усилия для того, чтобы колонизировать некоторые из менее холмистых областей вдоль фьордов, которые имели преимущества благодаря Гольфстриму. В результате живущие на побережье лапландцы были вытеснены в высокие горные районы и вынуждены вернуться в места своих зимовок. Множество семейств, которые с незапамятных времен жили рыболовством, теперь, чтобы выжить, вынуждены были обратиться к охоте. Таким образом, здесь появилась древняя группа рыбаков, которые были изгнаны с краев цивилизованного мира в области, где правила суровая зима. Именно к этим изгнанникам принес новый свет и новое слово благочестивый и глубоко сострадательный миссионер Кнуд Леем.

В 1697 г. родился человек, которому было суждено сделать огромный вклад в изучение и религиозное обращение норвежских лапландцев. Отец Кнуда Леема был пастырем из Бергена. Следуя по его стопам, сын изучал богословие в Копенгагене и в 1725 г. стал квалифицированным миссионером. Его послали на Крайний Север – в область, в то время бывшую датским владением. Он совершил путешествие через Варяжский полуостров, исследовал фьорд Лакее и оказался в Порсангере – самом отдаленном поселении Европы – на краю земли совершенно неизвестной, растянувшейся до ледовых морей и бывшей предметом многих фантастических домыслов. Сам Тацит утверждал, что в этой дикой стране путешественник, казалось, слышал звуки, издаваемые Лошадьми Солнца. Леем с детства слышал все эти истории и знал норвежские саги. Они, должно

быть, звучали в его ушах, когда он отправлялся в путь. Но когда Леем достиг цели своего путешествия, он обнаружил мирный народ охотников и рыбаков, живущих среди безмолвия и уединения.

Леему оказали теплый прием, и, когда он объявил, что его послали, чтобы принести Слово Человека, который умер в далекой земле ради искупления грехов человеческого рода, его слушали с огромным уважением. Миссионер, конечно, знал, что не все его слушатели понимали его. Его первым шагом стало изучение языка, на котором они говорили. Очень скоро Леем был покорен мягкостью и праведностью этих людей, полюбил их и решил посвятить им всю свою жизнь.

Леем жил в течение долгого времени в лапландских хижинах, страдая от дикого холода и прочих неудобств. Сон и отдых были слишком краткими. Как бы то ни было, проповедник мужественно переносил все это, так как его очень влекло к лапландцам. Мягкие, кроткие, чрезвычайно умные, они жили без разногласий и в совершенной гармонии с внешним миром. Леем рассказывает, что пастухи в свободное время, которое оставалось после ухода за оленями, выходили на рыбную ловлю на озера в лодках, сделанных из длинных, узких, деревянных досок, соединенных вместе волокнами, сплетенными из корней деревьев. Бакланы охотились на озере, как и люди, и лапландцы также ловили этих больших птиц при помощи палки и крюка. Бакланы плавали вблизи берега, высматривая рыбу, и поэтому иногда лапландцы делали двойной улов: у баклана, как указывает Леем, есть своего рода мешок под клювом, в котором он хранит свою добычу, и часто, когда птицу ловили на крючок, этот мешок оказывался наполненным рыбой.

Леем обнаружил, что лапландцы не были, как это казалось более поздним путешественникам, людьми монголоидной расы. Он отмечал, что у них широкий рот, черные волосы, оливковая кожа и водянистые глаза – от дыма в палатках и спящего снега, когда они спускались с гор, следуя за стадами северного оленя. Миссионер собрал много информации о жителях Крайнего Севера, которые тогда были почти неизвестны в Европе. В тот период лапландцы были все еще почти полностью независимы от влияний западной цивилизации, Неудивительно, что Леем полюбил этих «благородных дикарей». Они платили ему тем же.

Однажды, когда Леем жил в деревне с названием Алтен, лапландская женщина совершила длительное путешествие, чтобы пожелать ему счастливого Рождества. Это было в декабре, большая равнина и горы были покрыты снегом. Леем был ошеломлен, узнав, что его посетительница принадлежала к семейному клану, стойбище которого находилось в нескольких днях пути от его деревни. «Я пришла, – сказала она, – потому что вы показали мне веру. У меня родился младенец, и все хорошо». Только тогда миссионер вспомнил, что при отъезде из стойбища, которое он недавно посетил, часть пути его сопровождала женщина, у которой вот-вот должны были начаться роды. Она родила пять дней назад, после чего перешла цепь почти непроходимых гор во время ужасного мороза, чтобы высказать пастырю свою благодарность.

Леем считал, что такая исключительная телесная энергия и сопротивляемость морозу частично является следствием потребления рыбьего жира, на котором лапландцы взращивали своих детей с древнейших времен.

Описание Леемом лапландцев весьма повысило интерес к этому северному народу. Вскоре священники, ученые, этнографы, врачи, люди всех профессий стали увлекаться изучением лапландской культуры. В 1752 г. Леем был назначен директором колледжа, основанного в Тронхейме для обучения миссионеров языку; чтобы лучше справиться с этой задачей, он составил грамматику и словарь, затем сделал переводы лютеранского катехизиса и книги молитв. Все это помогло ввести лапландцев в орбиту европейской цивилизации. Деятельность Леема во многом облегчила задачу миссионеров, помогла торговцам лучше узнать потребности лапландцев, а ученым дала возможность наблюдать лапландцев в их среде обитания. Те лапландцы, которые мигрировали в горы, оставались, конечно, за пределами внимания внешнего мира: на тех высотах они были недосыгаемы. Они продолжали жить, по выражению миссионеров, во «тьме внешней», во главе со своими шаманами, все еще совершая жертвоприношения своим таинственным богам.

Однако дело всей жизни Леема давало достойные плоды: даже если полное обращение лапландцев в христианство не было достигнуто, множество оседлых лапландцев в Норвегии могли посещать школы, которые теперь стали все чаще появляться. Леем был свидетелем основания хорошо оборудованной школы при миссии в Карасьоке и колледжа в Каутокейно. Умер Леем в 1774 г.

Рис.21 Шаман из области Нордтрэнделег с большим барабаном, расписанным многочисленными рисунками и фигурами и украшенным звездами и медными кружками.

5 марта 1854 г. в Виттанги, недалеко от древнего центра Юккасьярви, новая церковь была принята пастырем Ларсом Леви Лестадием. Представитель жесткого пуританства, он с помощью некоторых своих учеников добрался до очень многих семей лапландцев. В результате их деятельности культурное и художественное наследие лапландцев в значительной степени было разрушено.

Предметы культа, магические барабаны, кинжалы, идолы – все бросалось в огонь. Старые песни были запрещены наряду со всеми традиционными праздниками и их играми; праздник *Бассв-олбмая*, происхождение которого теряется в тумане времен, был запрещен как происходящий «из источника гибели и греха». При этом Лестадий был несравненным проповедником, столь же пуритански относящимся к себе, как и к другим. Однако наследие древнего народа потерпело невозместимый урон от методов его обращения. Только благодаря тому, что его последователи были более умеренными и лучше понимали проблему, норвежские лапландцы до сих пор существуют как народ. К сожалению, очень часто, когда тот или иной «примитивный» народ внезапно лишается своей собственной древней веры, а его культура вытесняется «благами цивилизации», народ этот вырождается и гибнет.

Часть Вторая

ЖИЗНЬ ЛАПЛАНДСКОГО НАРОДА

Глава 4

СЕМЬЯ

В зимней тишине лесов, на своих стоянках в предместьях деревень, лапландцы ждут ежесезонного сбора, когда они могут обменяться своими изделиями для жизненных нужд. Фактически большие торговые праздники и ярмарки иногда проводятся уже в начале февраля, а в некоторых районах – даже в январе. Люди приезжают в деревни на санях, запряженных быстрыми оленями. Эти несколько «ярмарочных дней» дают молодым людям из различных больших кланов и семей возможность побыть вместе, что часто заканчивается соглашениями и помолвками.

Лапландский юноша, чей взгляд был пойман молодой женщиной из соседней семьи, сначала объявляет о своих чувствах к ней, а затем в сопровождении друга из ее клана наносит визит вежливости в ее семью. Девушка – такова традиция – поспешно сообщает своим родителям о встрече, которая произошла на ярмарке, и о словах, которыми они обменялись с юношей. Но прежде, чем сказать что-либо, старшие захотят увидеть молодого человека. Поклонник в сопровождении друга входит в хижину или палатку, где живет девушка. Он делает ей традиционные комплименты, затем садится без церемоний. Редко бывает так, чтобы к нему сразу обратились с речью. Все смотрят на дверь, очевидно поглощенные тем, что происходит за милю отсюда. Если он удостоивается слова или двух, он принимает это как особое расположение. Затем юноша спрашивает, может ли он приготовить кофе. Перед ним молча ставят чашки и кофейник. Родители молодой женщины могут отказаться пить его кофе. Это означает недобрый знак для почитателя. Все, что ему остается сделать, – это встать и откланяться и значительное время не попадаться на глаза. Если же родители принимают чашку кофе с некоторой демонстрацией благосклонности, то все будет хорошо. Помолвка, как бы то ни было, объявляется. Друг может поздравить потенциального жениха, а девушка может, наконец, прекратить делать вид, что она отсутствует.

В некоторых частях Швеции в старые времена поклонник имел обыкновение представляться во главе многочисленной свиты. Но единственный в ней пожилой человек сопровождал его до самой двери. Пару ожидал глава семьи девушки или несколько других достойных представителей ее рода. Затем следовала многословная беседа. Тема ее иногда не имела никакого отношения к помолвке. Чтобы ускорить решение вопроса, ожидающая свита принималась нетерпеливо кричать или даже стрелять в воздух. Если свита бывала приглашена в дом, происходил обмен дарами и местным алкогольным напитком. Свадьба почти всегда следовала ровно через год, когда снова подходил срок ярмарки.

Затем в присутствии пастыря деревни, на великом празднике, происходило большое собрание, даже с приглашением чужеземцев. Во время церемоний мужчина, член семьи, проходил по кругу с чашей. Каждый гость опускал в нее деньги и обещал прислать, скажем, оленя и теленка или, по своим средствам, только теленка. Затем юноша принимал все эти обещанные свадебные подарки, так, чтобы никто не был забыт. Это было более необходимо, чем может казаться. Следует помнить, что множество браков праздновалось во время ярмарки несколько дней, так что люди часто оказывались гостями не на одной свадьбе. Обычно они обходили их всех, что каждый раз означало свадебный подарок. Таким образом, молодая пара обычно начинала свою жизнь со стада приличного размера, не говоря уже об олене, которого невеста могла преподнести в качестве своего приданого.

Одна древняя традиция продолжается даже до настоящего времени почти на всей лапландской территории. Молодая пара строит дом вблизи семьи жены, во многих случаях даже разделяя палатку родителей, хотя они, естественно, предпочитают иметь свой собственный дом. Здесь стоит вновь обратить внимание на матриархальный элемент в лапландском обществе, с которым мы уже столкнулись в их культуре. Палатка – это в действительности область жизнедеятельности женщин, а не просто жилище для семьи. Смысл этого в том, что мать семьи наделяется качествами стойкости, плодородия, именно женщина должна гарантировать выживание лапландской семьи.

Будущий жених дает девушке кольцо, которое фактически является обручальным. В день бракосочетания невеста и жених обмениваются кольцами в присутствии пастыря. Теперь невеста носит два подобных кольца, добавляя третье, когда рождается первый ребенок мужского пола. Кольца дают ей и в других случаях: чтобы отметить праздник, годовщину и так далее. В результате многие лапландские женщины обладают прекрасной коллекцией колец, однако они часто не носят их, а хранят в гииса – небольшом ящичке, который во время миграции везут на вьючном олене.

Пара будет верна друг другу. В Лапландии разводы фактически неизвестны. Великое дело в лапландских семьях состоит в том, чтобы наплодить как можно больше детей, чтобы был кто-то, кто будет заботиться об оленях, когда родители состарятся. Беременную женщину окружают величайшей заботой, обращаются с ней со всей внимательностью и уважением. Муж изучает ее походку, чтобы понять, родится мальчик или девочка. Если будущая мать почувствует небольшой уклон вправо, ее муж приходит в восторг, поскольку это означает, что родится сын. Когда приходит великий день, мужа выгоняют наружу. Он может идти среди оленей, чтобы скрыть свои страхи, разговаривая с ними и рассказывая им, как он любит их, чтобы следующей зимой в санях было на

одного маленького пассажира больше.

В настоящее время церемонии изгнания бесов перестали совершать в палатке, и шамана больше не вызывают, чтобы он дал хорошие предзнаменования для рождения ребенка. Акушерка из самой семьи или из соседней деревни принимает во время родов небольшую головку в руки, чтобы придать ей твердую, по-настоящему лапландскую округлость. Младенец не должен ни в коем случае иметь продолговатую голову, как у южных людей.

Но до недавнего времени лапландская женщина, особенно если она была обитательницей палатки, вводила своего ребенка в мир без чьей-либо помощи, просто становясь на колени на землю. Самое большее, на что она могла рассчитывать, была помощь одной – двух других женщин. Такой была традиция.

После пришествия миссионеров младенцев стали крестить. Но это не означало, что лапландцы отказались от своих старых традиций в отношении имени ребенка, хотя в этом они были осторожны, чтобы не вступить в противоречие с обычаями новой религии. В уединении палатки ребенку давали имя предка, который являлся матери во сне и изъявлял желание дать ребенку свое имя, чтобы он мог таким образом вернуться в мир живых. Предок брал на себя ответственность за жизнь своего тезки, следил за тем, чтобы ребенок стал сильным и был огражден от какого-либо вреда.

Если у матери не было подобного сна, который бы вдохновил ее, она могла пойти к шаману. Шаман громко стучал по своему барабану небольшим роговым молотком, и оттуда исходило имя, причем всегда то имя, которое уже появлялось в этой семье. Если у ребенка была жива бабушка, то он получал от нее небольшой подарок-амулет, сделанный из меди. Мальчики носили его под мышкой, а девочки – на груди. Для матери это было праздничное время. Отец оставался снаружи – его не выгоняли, просто он хорошо знал, что младенцы и все церемонии, связанные с ними, были делом женщин.

Если, несмотря на шамана, его барабан и заклинания, на счастливые амулеты бабушек, ребенок плохо рос, не мог стать большим и сильным, церемония повторялась. При этом происходило изменение имени. Душа предка, чье имя поначалу было принято, должно быть, не сумела найти покоя – таково было истолкование. Возможно, эта душа теперь имела свою мрачную обитель в сердце какого-нибудь кровожадного волка или, за ее грехи, в камне, она могла бродить по льдам, которые возвышаются и скрипят в далеких морях. Поэтому ребенку давали новое имя, на сей раз в надежде на более благополучную судьбу.

Если все шло хорошо, и ребенок становился здоровым и веселым, ему давали личный «знак». Как и взрослый, он имел право на то, чтобы запечатлеть его на своем имуществе. Детей ревниво охраняли и не пренебрегали ничем, чтобы защитить их от жестокого зимнего холода и опасностей кочевой жизни, связанной со следованием за стадами северного оленя.

Лапландская колыбель делалась из ели или березы. Срез ствола выдалбливался, а затем покрывался кожей. У колыбели имелось покрытие, подобное миниатюрной крыше, защищавшей младенца от солнца или внезапных потоков дождя. Внутренняя часть была похожа на мягкую меховую кушетку в миниатюре. Подушка делалась из шкуры оленя, самой мягкой ее части. Все используемые для колыбели шкуры брались у молодого оленя. Только когда ребенку исполнялось несколько недель, их меняли на заячью или волчью шкуру.

Процесс отнимания от груди занимал один – два дня. Затем мать давала ребенку грудь, вымазанную активированным углем; младенец отворачивался и быстро начинал пить из кружки.

Появление первого зуба – настоящее событие. Отец или тот, кто сделал это открытие, дает ребенку небольшого деревянного оленя, – часто это самая первая игрушка. Лапландские дети редко имеют игрушки, если это не одна – две куклы или миниатюрные сани, вырезанные из дерева их отцом. Девочки одевают кукол в домашнюю одежду – точную, до последней ленточки, копию лапландского костюма. В два годика мальчики получают право на *буи-ко* – нож старого лапландского образца со слегка изогнутым лезвием. Этим ножом они начинают резать рог оленя или древесину. Когда собираются несколько детей, их любимой игрой становится лепка пирогов из земли, а также строительство палаток и хижин из нее, образующих настоящую лапландскую деревню. Затем они по очереди становятся королем замка, или, скорее, главой мнимой фермы. Но любое стремление к такой власти через несколько лет охлаждается.

Рис.22. Три ножа разных эпох и из разных стран. Слева: кремневый нож алеутов, XVI в.; в центре: нож айнского типа, используемый также японцами; справа: лапландский буи-ко.

Лапландцев не привлекает идея повиновения вождю. Даже в семейном кругу мы обнаруживаем разделенную ответственность и взаимное доверие между родителями в уходе за детьми, которые символизируют их веру в будущее.

Юные лапландцы в очень раннем возрасте отходят от детских игр – на это совсем нет времени, поскольку нужно учиться рыболовству или ходить на лыжах за северным оленем, который отбил от стада. Если ребенок играет в игру, то она трудна и опасна, это – лыжная поездка, удерживание за узды оленей; а выбранное для обучения животное – обычно дикий самец, а не одомашненное животное из стада. Такое занятие нередко отображено на многих наскальных рисунках и на древних барабанах.

Девочки заняты по хозяйству. Они отправляются на сбор древесины или помогают матери готовить еду или варить кофе. С восьми лет они способны заниматься любой домашней работой, подобно взрослым женщинам.

Лапландские дети воспринимают свою жизнь как вполне счастливую, несмотря на все тяготы долгой суровой зимы. Однажды был проведен эксперимент: детей поместили в деревянных жилищах, нагретых с помощью больших печей. Результат был печальным: дети заболели туберкулезом и умирали в больших количествах. Стало ясно: лучше позволить им бродить по лесам и горам со своими родителями. По всей Лапландии теперь созданы различные школы для кочевников, чтобы принять детей старшего возраста для элементарного обучения, наиболее подходящего для их нужд.

Этих кротких учеников никогда не ругают, или, возможно, именно потому, что их никогда не наказывают, они становятся такими послушными. Иногда метаморфоза проявляется позже, когда они начинают посещать деревни и вступать в контакт с людьми другой расы. Они вполне могут вернуться в свои скромные лагеря, убедившись, что могут быстро решить проблемы, которые казались неразрешимыми для их народа в течение многих сотен лет, и начать презирать своих родителей за их отказ совершенствоваться.

Судьба стариков с их трудной жизнью в северных горах может быть жестокой и горькой. Неизбежно должен прийти день, когда они больше не будут достаточно сильными, чтобы следовать путями миграций. Они остаются на весенних лагерных стоянках со съестными припасами для поддержания жизни и некоторыми рыбацкими приспособлениями. Их положение незавидно. Старик или старуха, оставленные беззащитными в безлюдной пустыне, конечно, имеют небольшие шансы прожить долго.

Несколько лет назад для этих стариков начали строить дома, но у них не было склонности селиться в них. В течение лета и осени они предпочитали оставаться с какой-нибудь семьей лапландцев, поселившихся в тех местах. Какова была их судьба в первое время, мы не знаем, но рассказывают различные истории, говорящие о том, что при случае лапландцы практиковали то, что можно было бы назвать эвтаназией. Например, старик, пораженный внезапной лихорадкой, мог оказаться погруженным в ледяную воду или мчащимся на санях в пропасть. Рассказывают, что старики иногда сами просят о прекращении своей жизни. Но все это – не более чем слухи.

Глава 5 ЛАПЛАНДСКИЕ ЖИЛИЩА

Известны три типа жилищ лапландцев; их происхождение связано с самой историей арктических народов. Наиболее основательным является зимнее жилище, призванное в первую

очередь защитить от сильного мороза. Другой тип жилища используется в период относительно краткой весенней и осенней передышки. Наконец, третий тип использовался летом и, по всей вероятности, был временным.

Этот тройной тип жилища диктуется привычками северного оленя. Во время длинной зимы олень ищет защиту глубоко в лесу. С приходом весны он идет в горы в поисках лишайников и грибов и снова спускается в начале осени. Однако не все лапландские семьи являются кочевыми, так что три упомянутых вида жилищ уступают место хижинам полукочевников. Так, например, племя скольтов, которое вплоть до начала Второй мировой войны населяло район Петсамо (к западу от «полуострова рыбаков» на мурманском побережье) вело сравнительно оседлую жизнь. Вследствие изменения русско-финской границы теперь скольты рассеяны между озером Инари и Кольским полуостровом.

Кочевники почти всегда живут в палатках, а полукочевники – главным образом в хижинах, сделанных из ветвей и земли, в то время как кланы, поселившиеся в лесах, строят себе хижины, сделанные из стволов деревьев.

Лапландцы устанавливают лагерные стоянки в местах, где есть питьевая вода и дрова. Летом и в межсезонье палатки кочевников устанавливаются на солнечном склоне, чуть выше линии деревьев. Имеется два вида палаток. В более примитивных центральная жердь, раздвоенная на конце, поддерживает другие жерди, располагающиеся по кругу. Этот тип жилища используется главным образом лесными лапландцами. Они считают его наиболее подходящим для миграции за своими стадами. Он вообще распространен в арктической культуре – его можно увидеть у самоедов, чукчей и американских индейцев. Палатки настоящих кочевников возводятся не на круговой основе, а на эллиптической. Четыре жерди устанавливаются на земле и помещаются так, чтобы их можно было загнуть в форме арки и соединить попарно. Тогда они обеспечивают поддержку для других жердей. Используемое покрытие – то же, что и в палатке любого типа, – большие куски ткани или оленьей шкуры, в зависимости от времени года.

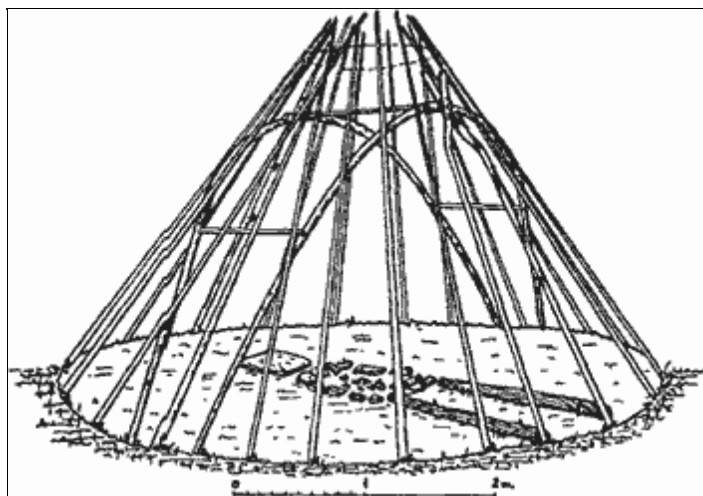

Рис.23. Каркас палатки эллиптической формы с параллельными меридианными арками. Место очага находится в центре.

В весенних и осенних лагерях традиционное жилище состоит из земляного сооружения. Его также можно наблюдать у некоторых кочевников в районе Урала, например у зырян. Устраивается также ньяла, которая представляет собой небольшое деревянное сооружение, обычно устанавливаемое на жердях или на дереве с урезанной вершиной, в которой хранят мясо северного оленя. Другие запасы, например меха, остаются в земляной хижине вместе с живущими там людьми. В ньялу входят с помощью лестницы примитивного типа, сделанной в форме надрезанного ствола дерева. Такой способ используется многими арктическими народами. Иногда ньяла опирается на один из огромных камней, поверхность которого стала гладкой благодаря древним процессам оледенения. Некогда ньяла встречалась по всей Лапландии, но сегодня она попадает сравнительно редко. Объясняется это тем, что лапландцы начали устраивать свои весенние и осенние стоянки вблизи рек или озер, по которым курсируют лодки, или по соседству с железной дорогой. При наличии в распоряжении лапландцев такой линии снабжения

необходимость хранить пищу традиционным способом больше не является столь жизненно важной.

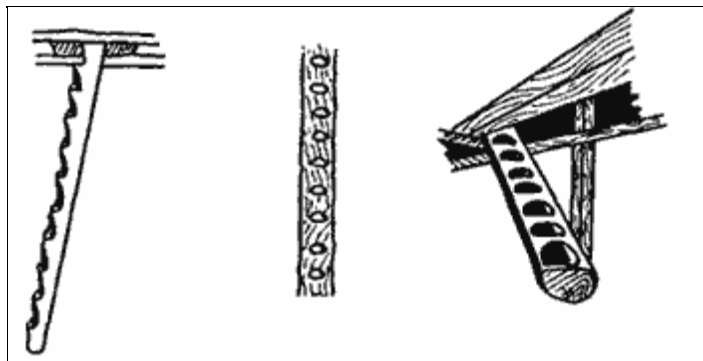

Рис.24. Стволы дерева с вырезами, используемыми в качестве ступенек, служащих для врытых в землю жилищ камчадалов и коряков в Северо-Восточной Сибири.

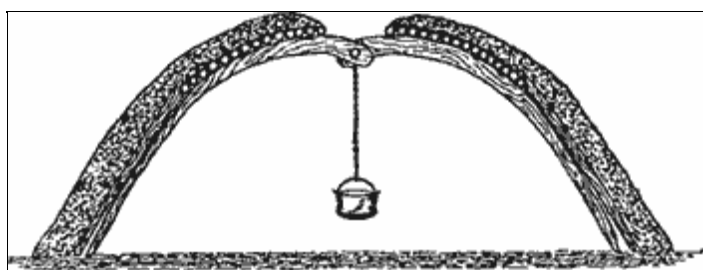

Рис.25. Разрез куполообразной хижины из беры.

Фактически в Ренсьоне, Лаймолахти, Вайсалуокте и Сталолуокте в Швеции значительные группы лапландцев теперь в течение длительных периодов живут в хижинах, которые когда-то служили лишь временным привалом для кочевников.

Айны, так же как и гиляки, камчадалы, юагиры и коряки, имели обыкновение строить надземные хижины, прямоугольные по форме, с остrokонечной крышей, чтобы избежать накопления снега и хранить в них мясо. Различие между их ньялами и лапландскими состоит в том, что ньялы последних опираются на единственную жердь, а у айнов, например, эти надземные хижины вырастают до размеров, предполагающих обитание в них людей. Они стоят на платформе, поддерживаемой множеством жердей, и иногда имеют двойную остrokонечную крышу.

В Вал-Камонике, как отмечали Марро и Батаглия, обнаружены любопытные жилища, установленные на жердях. Родство между ними и лапландскими ньялами предполагает, что подобный тип конструкции принят там, где необходимо справиться с тяжелым снегом.

Лапландские палатки обоих описанных выше типов имеют одно и то же название – гоатте. Очаг расположен в центре и окружен камнями, чтобы предохранить жилище от искр и тлеющих угольков. Котел подвешивается над огнем на цепи, укрепленной на жерди, которая протянута поперек, прямо под крышей хижины. В ней имеется отверстие для выхода дыма. Когда идет снег или дождь, отверстие прикрывается.

В поперечнике хижина обычно имеет 12 футов. Очаг называется арран. Вход в хижину – откидная створка между двумя кольями (*укса*). Пространство поделено между разными членами семьи, за исключением небольшого места за очагом и на линии с ним и входом («склад-буфет»). Обитатели день и ночь проводят на ароматном ковре из прутьев березы или ветвей ели, покрытых оленьими шкурами. Этот ковер обновляется один раз в неделю; один раз в день, если есть время, шкуры проветривают у отверстия хижины. В некоторых областях используется меньшее жилище – обычно оно служит только одному – двум пастухам, которым предстоит пройти в одиночку огромные расстояния по следам северного оленя.

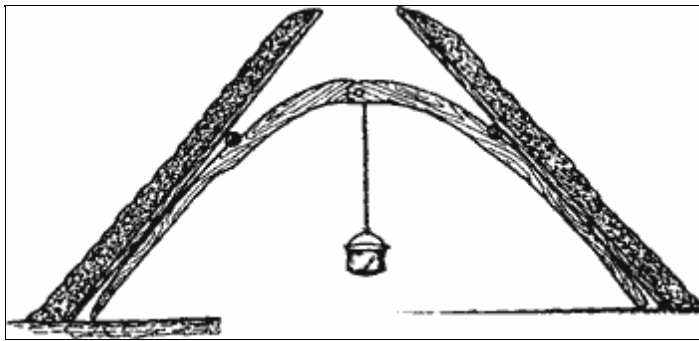

Рис.26. Разрез хижины из дерна почти конического типа.

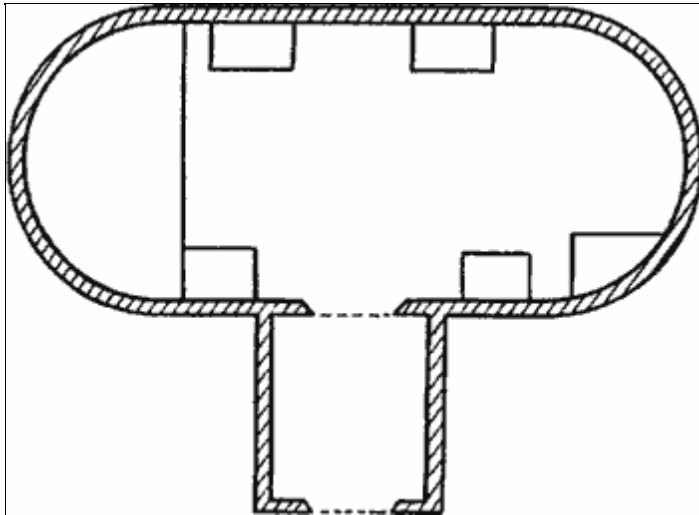

Рис.27. План жилища архаической формы, которое частично находится ниже уровня земли. Этот образец был обнаружен в Комагфьорде вблизи Хаммерфеста в Норвегии. Это напоминает многие жилища в Северной Сибири и Америке, а также эскимосские иглу.

Дерновые, или земляные хижины можно наблюдать в весенних и осенних стоянках. Они построены по тому же принципу, что и хижины с изогнутыми жердями, образующими арку, но покрыты землей, а не холстом или шкурами. Есть такое же отверстие для дымохода, часто оснащенное каркасом из ветвей, защищающим огонь от снега и дождя. Дверь делается из древесины и обычно имеет цепь и замок. Ключи хранятся не мужчиной, а женщиной. Она подвешивает их к кожаному поясу. Эти хижины весной и осенью обеспечивают защиту семьи, в то время как мужчины уходят со стадами северного оленя. В шведской Лапландии путешественники часто наталкиваются на такие жилища, встречаются они и в Норвегии. В современных деревнях старые постройки используются теперь только для хранения продуктов. Существуют хранилища двух типов: куполообразные или конические, в зависимости от того, каким образом располагаются колья, как и в случае с хижинами.

Лесные лапландцы, как в Финляндии, так и в Швеции, с незапамятных времен строили хижины или шалаши из бревен. Стены не были очень высокими. В лесу Виттанги, недалеко от реки Торн, некоторые хижины имеют всего 2 фута 7 дюймов в высоту. Однако есть множество и высоких жилищ – пирамидальные или конические крыши устремлены вверх, а часть жилища уходит глубоко в землю. Лапландцы, живущие в лесных поясах, фактически строят небольшие дома, хотя и состоящие только из одной комнаты. Они имеют мощеный пол, но окна не популярны. Окна и дымоходы встречаются только в жилищах лапландцев, которые отказались от выпаса оленей и древних миграций.

Встречается еще один тип жилища, называемый гамме, совершенно не похожий на все, что мы до сих пор описывали. Одно из них было обнаружено вдоль Комагфьорда в Норвегии, – постройка, когда-то, очевидно, покрытая землей, добрых 30 футов в длину и всего только 5 футов в высоту. Но пол вырыт так, чтобы обитатели могли выпрямляться во весь рост. Вход представляет собой проход всего 3 фута высотой и длиной приблизительно 10 футов. В середине этой хижины сохранились два больших камня и остатки очага. Прямо над головой – отверстие для дыма. Спальные места – по

бокам, в задней части находится загон для нескольких домашних животных – вероятнее всего, коз или оленей. Дверь гамме обращена на восток, в соответствии с традицией арктических народов, согласно которой двери должны быть обращены на юг или восток. Полуподземные хижины такого типа до сих пор сохраняются у чукчей в Северо-Восточной Азии, хотя вход в них иногда через крышу. Айны на Курильских островах в прошлые времена также строили такие углубленные в землю жилища. Вход был необычным: через низкий проход, в котором приходилось наклоняться; за ним была довольно просторная прихожая. Предусмотрено складское помещение для охотничьего оружия и рыбацких приспособлений. Ночью здесь спят собаки. Короткий переход ведет непосредственно в подземное жилище квадратной формы, вполне достаточное по размеру и обладающее расположенным в центре очагом.

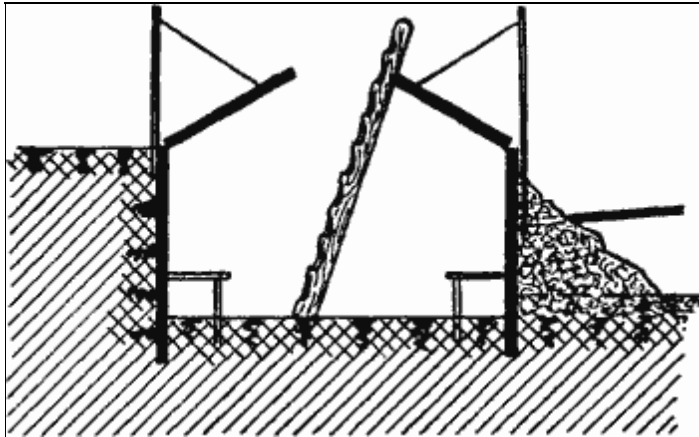

Рис.28. Разрез хижины, частично находящейся ниже уровня земли. Северная Сибирь.

Такие жилища существовали до сравнительно недавнего времени. Сохранилось описание одного из них, данное одним наблюдательным французом. Ксавье Мармьер пишет: «Мы вошли через дверь высотой три фута в, своего рода, галерею, где из отверстия в крыше бледный луч света пронизывал дым. С одной стороны несколько оленьих шкур составляли семейное ложе. С другой стороны была стойка; в центре – очаг, а в задней части – несколько деревянных сосудов для молока. Они представляли собой единственную мебель. Женщина помешивала березовой веточкой в котле жидкость с рыбными косточками. Девочка сидела на камне и пряла нить, вытаскивая ее из рога оленя зубами и наматывая вокруг колен. Пять или шесть мальчиков с бесцветными глазами и явно плохим здоровьем стояли тихой группой между своей старшей сестрой и матерью».

Сегодня многое сильно изменилось. Все оседлые и полукочевые лапландцы занимают бревенчатые хижины, которые не очень отличаются от домов земледельцев, встречающихся в Южной Скандинавии, или от изб на соседней российской территории. Кроме того, современная хижина выдает художественный вкус ее строителей. Деревянные бревна, хотя и могут быть грубо отесанными, всегда имеют резные рисунки. Хижина к тому же имеет небольшой фронто́н. Такие постройки известны и в Альпах, где они служат в качестве жилища или хранилища для сена и часто оставляются без присмотра. Хижины обихаживают женщины, в то время как забота мужчин – выбор места, которое должно быть удобно расположенным по отношению к воде, и добыча строительного материала. Обычно используются стволы пихтового дерева, примерно одного диаметра.

Глава 6 ОХОТА И РЫБОЛОВСТВО

Первые сведения о досках, прикрепленных к ногам с целью пересечения обширных снежных территорий, – предшественниках современных лыж – связаны с древнейшими временами, и почти достоверно известно, что они были изобретением лапландцев.

Мы располагаем наскальным рисунком, найденным Гьессингом в Рёдэй в Северной Норвегии. Его возраст 4500 лет, и на нем изображен небольшого роста человек, идущий на лыжах. На берегу Онежского озера также есть резные рисунки, на которых изображаются люди, следующие за северным оленем на лыжах. Другие идущие на лыжах фигуры известны по наскальным рисункам в

Залавруге, на реке Виг, недалеко от Белого моря, и в Бессови-Скедки. Остатки доисторических лыж находили по всей Скандинавии. Сегодня их коллекции можно увидеть в различных музеях, в том числе в Нордическом музее в Стокгольме, Вестерботтенском музее в Умеа и Норвежском музее истории лыж.

Эти доисторические лапландские лыжи были более широкие, чем современные, и значительно короче. Они имели заостренные концы с обеих сторон, а середина, где помещалась приподнятая платформа для ноги, была более широкая. Одна такая примитивная лыжа была обнаружена в могиле в Финляндии. Лапландское происхождение других предметов, найденных в могиле, дает доказательство того, что лыжи принадлежали какому-то предку этого народа. На севере России были обнаружены лыжи типа, известного как «арктический».

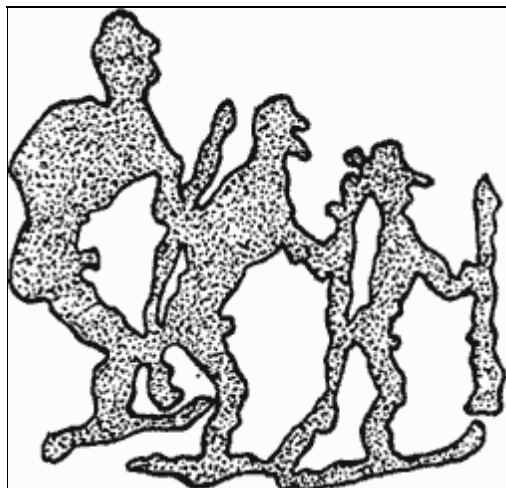

Рис.29. Группа доисторических лыжников на наскальном изображении на реке Виг, недалеко от Залавруги, Россия.

Об их относительно недавнем происхождении говорит тот факт, что они в точности повторяют те, которые сегодня применяются у охотничьих народов Урала. Однако между лыжами «арктического» и «ботнического», то есть лапландского, типа имеются различия: они принадлежат различным эпохам и не являются тождественными. Зона, в которой был обнаружен лапландский тип, отмечает границы лапландской миграции в Скандинавию: возраст, приписываемый этим лыжам, соответствует периоду, когда происходил этот переход.

По мнению большинства исследователей, умение охотиться на лыжах появилось в Западной Евразии примерно в 2000 г. до н. э. Однако есть и другое мнение, которое отдает пальму первенства монгольскому народу, который приблизительно восемь столетий назад должен был находиться между Кирином и Мукденом, на территории, которую сегодня занимает Маньчжурия. Однако документальное доказательство этой точки зрения отсутствует. Возможно, в Восточной Азии и были древние лыжники, но видеть их мы можем только на некоторых древних японских картинах. На них изображены бородатые фигуры, следующие на лыжах за северным оленем; подобного рода изображения имеются на наскальных рисунках вблизи Онежского озера, Белого моря и в Северной Норвегии. На японских картинах, видимо, изображены айны, чья культура относится к отдаленной стадии общей арктической культуры и, несомненно, как мы увидим, произошла из субледниковых регионов севера.

По нашему мнению, азиатам принадлежат скорее снегоступы, чем лыжи. Они были неизвестны лапландцам и самоедам, однако с самых древних времен использовались в Северо-Восточной Азии, а также у американских индейцев и эскимосов. Может быть, азиаты обнаружили, что снегоступы больше подходят для их нужд, чем лыжи, хотя позже лыжи также вошли в употребление. Азиаты были только охотниками и полагались в основном на метод засады. Лапландцы же, жившие на другом краю огромного континента, из простых охотников превратились в пастухов, следуя туда, куда вел их северный олень. Для такого длительного передвижения лыжи были идеальным приспособлением.

Следует обратить внимание на чрезвычайное сходство между лыжами гиляков и лапландцев. Фон Шренк был первым, кто заметил это. Однако никто из охотников и рыбаков в устье Амура не

пользовался лыжами – широкими, короткими и приподнятыми для ног в середине, что характерно для лапландского типа.

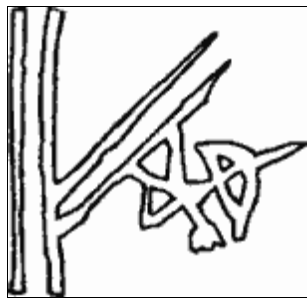

Рис.30. Дичь, изображенная на барабане.

Уже в 780 г. мы обнаруживаем запись Павла Диакона о том, что лапландцы, охотясь на диких животных, скользят на двух похожих на лук кусках древесины. А в 1555 г. шведский священник Олав Магнус писал: «Они привязывают салазки к ногам и держат в руках палку, посредством которой можно направлять свое движение. Сочетая бег и прыжки, они могут спускаться со снежного склона горы, преследуя диких зверей». Иоаганнес Шефферус в 1673 г. также говорил о лапландцах как об охотниках, стремительно преследующих на лыжах северного оленя.

Довольно простая процедура охоты была описана Франческо Негри следующим образом: «Они тянут за собой глыбу льда или кусок дерева, движение которого по льду создает много шума. Услышав его, зверь пугается и поворачивает голову, чтобы выяснить, что может быть причиной такого шума. Но при этом он забывает поднимать свои ноги на достаточную высоту и с достаточной силой ставить их, чтобы поддерживать движение по льду. Вследствие этого он скользит и падает. Тогда охотник имеет шанс атаковать его. Упавший зверь пытается встать, но не может. Или же, если он это делает, он не может стремительно вернуться к своему большому шагу. Он становится добычей охотников».

Мы уже видели, как северный олень увлекал за собой целый народ, переходя из южных областей, которые он, несомненно, занимал в течение многих столетий, к самым северным границам Европы. Большие, тучные стада исследовали долину за долиной в поисках лишайниковых пастбищ. Лапландцы делали стоянки на чистых участках, на узкой полосе лесистой местности, в местах бродов или в русле реки и там устанавливали свои *вуобманы* – разновидность частокола или ограждения из кольев и ветвей, иногда простиравшегося на мили. К концу такое ограждение сужалось, и олень, который забегал в западню, оказывался пасущимся – на ограниченной территории, где, в конце концов, его отлавливали.

Рис.31. Изображенный на шкуре барабана схематизированный и стилизованный рисунок вуобмана – ограждения, в который лапландцы загоняют диких оленей.

Трудность этого способа охоты заключалась в том, чтобы заставить стадо войти в устье вуобмана. Это означало, что человек должен был двигаться по снегу быстрее, чем северный олень. На ранних стадиях этой охоты особую роль играет прирученный олень, являясь своего рода

приманкой для диких сородичей. На очень длинной веревке оленя привязывают к столбику в устье вуобмана, и постепенно, увлекаясь хорошим кормом, он бредет в желаемом для человека направлении. Дикие олени следуют за ним по широкой дорожке между кольями и ветвями, которая уводит в западню. Этот процесс заманивания становился намного более легким делом, если время года позволяло охотникам иметь в своем распоряжении самца или самку в период течки. В некоторых районах, если соблазн создавался самцом, его привязывали за рога с помощью такого хитрого устройства, что, если напал дикий самец из приближающегося стада, два дуэлянта уже были не способны распутаться. Прирученное животное затем пытается увести остальных в вуобман. Естественно, все стадо следует за двумя бьющимися самцами. В решающий момент выступают охотники, загоняя стадо поглубже в западню. Таким образом, вместо того чтобы скрываться в засаде и уничтожать животных, как до сих пор делают эскимосы и индейские охотники за карibu, они заманивают в ловушку оленей живыми.

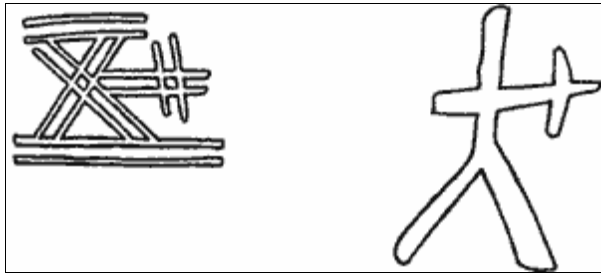

Рис.32. Две стилизованных фигуры лапландских лучников на барабане.

Лапландцы также научились устанавливать западни для одиночных животных. Западня обычно имеет вид силков, подвешенных между двумя чахлами северными деревьями. В этих силках запутываются ноги или рога оленя.

Для охоты использовались различные виды оружия. Главным среди них был примитивный лук. Единственный образец его, который дошел до нас, хранится в Орбихусском замке в Швеции. Он такого типа, который описан Шеффером как принадлежащий XVI в., а позже это описание было дополнено Линнеем и другими исследователями. Они назвали это оружие «луком азиатского типа». Возможно, это было не самое верное описание, даже когда оно было исправлено Манкером, который стал называть его «североазиатским». Более верную версию предложил финский этнограф Т.И. Итконен, назвав этот тип лука «финноугорским».

Лук выделяется своей простотой. Он состоит из двух частей. Внешняя дуга изготавливается из березового дерева, а внутренняя, более короткая, – из сосны, придающей луку повышенную силу и гибкость. Орбихусский лук имеет размер 5 футов 95/8 дюйма в длину и не более дюйма толщины. Тетива – это, почти несомненно, было сухожилие животного – туго натягивалась между концами лука. Когда-то лук вкладывался в ножны из витков волокон, получаемых из березы и намотанных по всей их длине. Один конец лука был с железным наконечником. Возможно, он имел вторичное использование в качестве оружия для защиты в ближнем бою или же служил в качестве лыжной палки. Древнейшие стрелы, используемые для лука этого типа, имели костяные наконечники. Позже, в бронзовый и железный века, произошла некоторая эволюция охотничьего оружия. С развитием металлургии, которая дошла до Лапландии в сравнительно позднее время, важную роль стал играть наконечник для меча, используемого против волков, и для длинного копья против медведей. Сам наконечник меча оковывался железом – еще один намек на двойное использование его – и в качестве лыжной палки, и в качестве стрелы. Острие наконечника копья было защищено небольшим колпачком, сделанным из рога северного оленя.

Лапландцы не ограничивались охотой на оленей – они были ловкими охотниками на медведей и особенно на лосей. Копченое и сохраняемое в особых условиях, в небольшом складском помещении из древесины, мясо лося отличалось отменным вкусом.

Рис.33 Рисунок на коже барабана, на котором изображен лапландский лыжник, вооруженный луком.

Весьма изобретательно лапландцы охотились на бакланов, подбрасывая им приспособление, подобное спиннингу, – кусок древесины или кожи в форме рыбы, усаженный крючками. После того как птицы попадались на крючок, их вытаскивали на берег при помощи длинной гибкой палки. Эскимосы на Гудзоновом заливе до сих пор используют похожие приемы.

В обширных лесах лапландцы и ныне ловят в ловушку куропаток, а в горных районах – арктических куропаток. В болотистых областях дикая утка считалась самой лучшей дичью. Лапландцы охотились на нее с помощью своего рода бумеранга, называемого баллаком, который имеет замечательное сходство с птичьей костью, обнаруженной во время раскопок в большом торфяном болоте Маглемёсе, на датском острове Съелланд. Эти раскопки дали множество подобных бросковых видов оружия, вдобавок к обнаруженным стрелам, используемым для охоты на птиц, дубинкам, топорам и булавам, которые все относятся к раннему неолитическому периоду.

Не позднее того времени, когда шкуры зайцев, лис и рысей стали цениться в коммерческом понимании, произошел поворот охоты на этих зверей. Возможно, на росомах начали охотиться немного раньше – как только лапландцы стали охранять оленей, поскольку росомаха была главным врагом оленьих стад и любила предпринимать ночные нападения. Для ее преследования была изобретена простая западня: на веревке, натянутой между кольями, подвешивался острый нож, а под ним клали кусок мяса. Как только росомаха начинала ходить вокруг мяса, рано или поздно она запутывалась хвостом в натянутой веревке, и на ее голову падал нож.

Когда лапландцы научились использовать арбалет, они стали выслеживать барсуков, выдр и горностаев. Настоящий лук лапландского арбалета делался из железа. В некоторых районах можно до сих пор встретить тот же предмет, но только в уменьшенном виде – видимо, это был игрушечный лук для детей.

Приведем описание арбалета, использовавшегося лапландцами в XVI в.: «Это оружие, предпочитаемое для такой охоты этим народом и его соседями, представляет собой большой арбалет, имеющий железную дугу. Его невозможно было натянуть вручную. Метод состоит в том, чтобы перевернуть его и держать на земле, заряжая его одной ступней. Охотники спускают тетиву посредством железного крючка, который они носят для этой цели привязанным к поясу. Лук выстреливает не острую стрелу или шар, а деревянное копьё, такое же толстое, как и палец, однако в три раза толще в конце, который заострен для наконечника».

Арбалет использовался и другими арктическими народами в пределах орбиты более высокоразвитых южных культур. Он часто приспособлялся для различных методов охоты, в частности для западни крупных животных – медведя, лося, оленя, волка. К колу, вбитому в землю, привязывалась веревка, связанная со спусковым крючком скрытого арбалета; стрела удерживалась направленной на кол. Проходящее животное касалось веревки, это запускало небольшой деревянный спусковой механизм, и стрела выстреливалась. Западни такого типа можно встретить в Лапландии и в районе Урала. Исследователь Дж. Батчелор обнаружил подобные приспособления и у айнов.

Все лапландские семьи держали собак, которые проявляли в охране стада не меньшее рвение, чем на охоте. Это животное имело средние размеры, острую морду с крупными остроконечными ушами и отличалось понятливостью и преданностью. Если олень снова убегал в горы, одного мгновения было достаточно, чтобы собака его вернула. Лапландская легенда гласит, что человек и собака с древнейших времен заключили взаимное соглашение: собака помогает человеку в охоте и присмотре за оленями, а человек дает ей хлеб насущный. Когда же собака в конце концов

становится слишком старой и слабой, чтобы выслеживать волка или медведя по снегу или следовать за безудержным северным оленем через болото, тогда человек должен положить конец жизни своего друга, повесив его на дереве. Это то, что лапландцы обычно делают, но со слезами на глазах, и только тогда, когда место старой собаки занимает более молодая.

О лапландских способах рыболовства Негри писал: «Для рыбной ловли лапландцы используют и сеть, и крючок. Они меняют свои собственные изделия на эти орудия, но могут при случае показать навыки в их изготовлении своими собственными руками: сети, сотканые из ивовой коры, крючки, изготовленные из прута простой L-формы, заостренные со всех сторон».

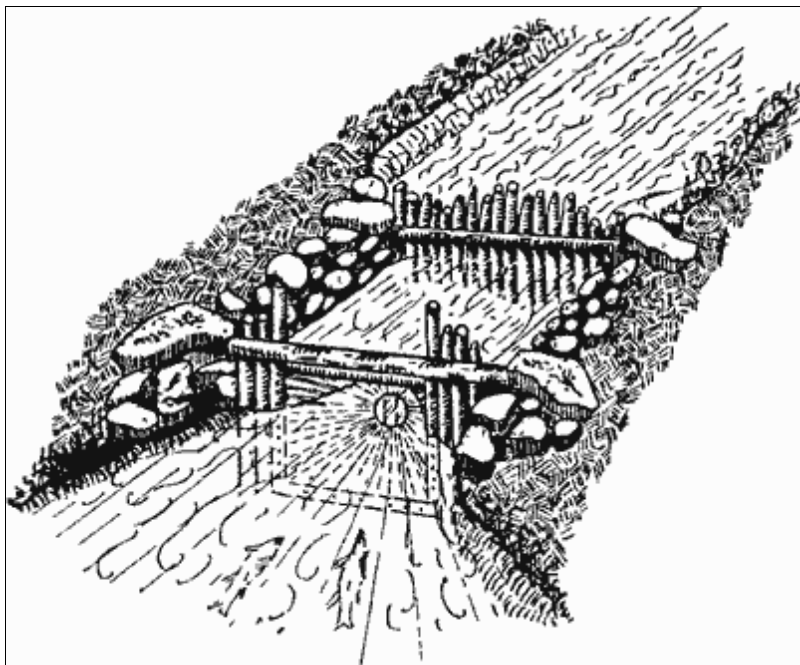

Рис 34 Типичная лапландская барьерная западня в узких местах реки.

В наше время используются несколько иные средства, чем сеть, чтобы поймать форель и лосося, которые водятся в реках и озерах Лапландии в большом изобилии. Лодка с подвесным двигателем – очень распространенное зрелище на горных озерах. Она на скорости врывается в глубоководье, а затем рыбак останавливается и забрасывает сеть. За этим методом – старинная традиция, и эта же традиция диктует выбор его одежды – синий плащ с многоцветными полосками. Но в настоящее время плащ почти так же загрязнен маслом и бензином, как и у любого механика. Есть некоторые области, где до сих пор продолжают соблюдаться наиболее старые способы ловли. Их, конечно, более интересно наблюдать, чем ловлю с помощью моторной лодки. Используется лить, который усажен множеством небольших игол из кости. Иглы закрыты приманкой, а лить тянется вдоль дна лодки. Когда рыба заглатывает приманку, острая кость цепляется за ее рот. Этот старый метод все еще практикуется по всей арктической Евразии и на далеком севере Америки. Существует также барьерный метод, когда устанавливается поперечная баррикада через узкое место реки, богатое лососем. В нее крепится масса небольших костяных гарпунов, снабженных приманкой.

Этот древний способ рыбной ловли не вымер и в Северной Норвегии, вдоль арктического побережья, где до сих пор широко используются костяные крючки и баррикады всех типов. В Швеции рыбная ловля превратилась в простой спорт для лесных лапландцев – своего рода отдых от ухода за оленями. Для горных лапландцев рыболовство также, как правило, становится не больше чем забавой, которой предаются старики и дети. Но взрослый лапландец считает, что в эпитете «рыболов» есть что-то незавидное.

Глава 7 ОЛЕНЕВОДСТВО

Хозяйство лапландцев почти полностью основано на разведении северных оленей. Несмотря на

современную тенденцию сокращать его масштабы, все же именно это занятие поглощает большую часть жизни лапландцев.

Северные олени – мощные рогатые животные с коричневой или красновато-коричневой шкурой, которая немного истончается зимой. Высота плеча – примерно 3 фута. Вес некоторых самцов приближается к отметке в 2 центнера, но в целом они легче и чрезвычайно проворны. Рога разветвляются скорее асимметрично, чем абсолютно правильно. У обоих полов есть рога, но у самцов они более тяжелые. Это одно из существенных отличий северного оленя от других видов этого животного. Рога у северного оленя начинают расти, когда ему исполняется тридцать дней; у любого другого вида оленя такой рост задерживается на девять – двенадцать месяцев. У самки рога держатся до мая, когда происходит рождение молодняка, и без них она живет до сентября. Самец теряет рога, когда в тундре уже лежит плотный ковер из зимнего снега – примерно в конце ноября. Рога северных оленей не столь крупные, но у некоторых особей они могут быть величественными. Пара рогов иногда насчитывает двадцать пять ответвлений.

На территории, где водится северный олень, зима может длиться восемь-девять месяцев. Это тяжелое время для животных. Они вынуждены прятаться в лесах, где настил листвы менее плотно покрыт снегом, и там легче найти лишайник. Но даже и в лесу большой слой снега может укрыть его слишком глубоко. Тогда, отчаянно нуждаясь в пище, северный олень покидает лес и направляется к продуваемым ветрами холмам.

Когда возвращается более ясная погода и лед тает, северные олени становятся беспокойными и в один прекрасный день отправляются к высотам, медленно, но уверенно выбирая путь по тающему льду. От речных долин олени поднимаются на склон горы с появившимися зелеными побегами, подальше от мошкар и москитов, которые являются для животных бичом в течение всего короткого тундрового лета. Сильные ветры и частые дожди сохраняют лишайник свежим, и олени делают остановку для пастбища. Идущие вслед за стадом лапландцы разбивают здесь свои палатки. Хотя маршрут северных оленей к горам может показаться случайным, эти животные фактически идут по следам, которыми отмечены их миграции с древних времен. Очень редко они отклоняются от этих изначальных путей. Весь регион огромные стада пересекают весной и осенью, лапландцы дали ему название «Благословенная Земля Рана-Нейда» в честь богини цветущих растений и благоприятного времени года. Здесь также, по их преданиям, проживал древний первобытный человек, которого кочевники персонифицировали как *Варалден-Олбмай*– «человек Земли». Он до сих пор дает северному оленю плодовитость, поскольку именно в этой земле, его древнем владении, появляется их молодняк.

Северный олень во время своих миграций меняет сосняк на лес, состоящий из карликовых берез, рассеянных по поясу, который расположен на 2000–3000 футов выше уровня моря на шведской территории и явно ниже в Норвегии и Финляндии. Олени непрерывно бродят до тех пор, пока не придут к гребням гор, все еще заснеженных даже во время более теплых часов дня. Конечно, есть множество лапландцев, разводящих северных оленей, сезон миграций которых никогда не уводит их в эти могучие горы. Стада, принадлежащие некоторым из норвежских групп, весной отправляются к Атлантическому побережью, в то время как более северные группы в Финляндии движутся к побережью Петсамо.

При первом признаке возвращения холодов стада снова спускаются, все по тем же древним следам. В весеннюю пору они делают короткую остановку, необходимую для рождения молодого потомства. Затем стада снова отправляются – обратно в лес, в его зимнюю тишину. Цикл завершается.

Как уже говорилось выше, лапландцы, хотя были охотящимся народом, тем не менее являются очень древними мастерами одомашнивания северного оленя. Возможно, они с древнейших времен владели этим искусством, даже если речь шла только об отдельных особях дикого стада.

Даже сегодня, прежде чем северные олени достигнут новых пастбищ в горах, пастухи окружают их, используя испробованный веками метод, и сортируют животных, принадлежащих различным владельцам. На ухе оленя вскоре после его рождения охотничьим ножом делается надрез, служащий маркировкой. В настоящее время такие знаки признаются и юридически регистрируются, но в прошлом единственная цель, которой они служили, – положить конец ссоре между претендентами на животное. Хьюго А. Бернацик после своего возвращения из путешествия по району Вестеньяуре в 1934 г. сделал запись о существовании восемнадцати различных основных знаков и неограниченных возможностях для их комбинаций.

Операции маркировки обычно предпринимаются в сезон доения (характерного только для северного оленя), и некоторые лесные лапландцы в округе Виттанги до сих пор совершают их именно в это время. Они строят круговой загон и по всему его периметру зажигают торфяные огни, которые продолжают гореть благодаря смолистой сосне, служащей для разжигания торфа. Только в таких условиях, как утверждают лапландцы, северный олень позволяет доить его. Мальчики обязаны поддерживать горение огней. Все время подкладывается топливо, чтобы поддержать огонь и сделать завесу из дыма. Теперь готова обстановка для маркировки ушей молодого северного оленя. В то время как женщины уходят, чтобы готовить сыр, мужчины следят за тем, чтобы животные целый день ходили без пищи. Только на следующее утро, в освященный веками час (обычно в десять утра), оленям из загона позволяет попасться.

Самка северного оленя не бывает хорошей матерью. Довольно часто олениа оказываются брошенными; стадо оставляет их, когда на него нападают волки. Но в тех регионах, где северного оленя сопровождает человек, собаки и пастухи тщательно присматривают за молодняком. В Швеции на высоких горных пастбищах можно увидеть сотни оленей, мирно следующих по стопам большого кастрированного самца с привязанным к шее колокольчиком.

Непосредственно перед тем, как произвести потомство, олениа подыскивает какое-нибудь уединенное место, предпочитая труднопроходимые скалы, где она может спокойно отелиться. В такое время все стадо обычно склонно к беспокойному поведению, из-за опасности, грозящей со стороны рыскающих волков. Есть и другой жестокий враг – орел. Время от времени большая хищная птица спускается и усаживается на крутом берегу, готовая напасть. Многие олениа убегают от такого соседства в тот момент, когда их роды завершаются, бросая беспомощного малыша. Этих трусливых олениа-матерей лапландцы называют *суонна*.

Стадо имеет защитников и в своей собственной среде. У старых самцов, чьи морды истерты в кровь в поисках пищи во льду и снегу, у которых наполовину слепые, слезящиеся глаза, по-видимому, развивается шестое чувство, позволяющее им чутко чувствовать любую опасность.

Иногда старый самец северного оленя склонен внезапно впасть в бешенство. И тогда он издает ужасный рев и бросается на все и вся, пока не свалится от усталости. Другие олени бегут от него в ужасе, пока беднягу не прикончат люди или волки, если олень дикий. Есть лапландцы, которые утверждают, что это *оаи-ве-викке* (так они называют эти приступы) можно исцелить, если отрезать кончик хвоста пораженного животного. Северный олень подвержен также другим многочисленным напастям, некоторые из них вылечиваются самым неортодоксальным образом. Например, олениа, страдающего от воспаления уретры, заставляют пить человеческую мочу, собранную в сосуде, содержащем кусочек мяса морского котика со следами удаленной шерсти.

Лапландцы режут оленя только в том случае, если существует опасность, что их запасы копченого мяса или их пищевые продукты вообще могут исчерпаться. Выбор падает, прежде всего, на больное или бесплодное животное или на ослабленного самца. Осень, перед гоним, – лучшее время для забоя: в этот сезон *сарвес* (мясо) наиболее нежное и вкусное. Постное мясо сушат и подвешивают в палатке, где вокруг него будут клубиться кольца дыма от очага – простой, но эффективный способ целительного окуривания. Вплоть до недавнего времени мясо после этого убирало в нялю – «ледяной ящик», насаженный на жердь или установленный на камне, где оно оставалось до следующей весны, когда караван людей и оленей снова появлялся в этих местах, поскольку он неизменно возвращался на весеннюю побывку, после миграции от одного зимнего лагеря к другому.

В прежние времена кочевники делали попытку передвинуть сезон дойки на последние дни июня, что совпадало с праздником святого Иоанна (летнего солнцестояния). Однако олениа, которую доили в это время и в течение нескольких ближайших дней, давала очень мало молока, иногда просто несколько капель. К тому же теленка нужно было держать вдали от нее или надевать на него своего рода намордник.

Манкер, проводивший длительное исследование способов и периодичности доения северного оленя у шведских горных лапландцев, считал, что сроки, которые лапландцы отводят для доения, определенно совпадают со скандинавскими. Это подтверждает мнение о том, что лапландцы научились доить оленя только после того, как увидели, как их соседи на юге доили коров.

Однако вопреки этому мнению, следует отметить, что все лапландцы – норвежские, шведские, финские и российские – имеют свое собственное лапландское слово для обозначения доения, в то время как слово, которое они используют для обозначения самого молока «*миелке*», – явно

германского происхождения. По-видимому, едва ли можно говорить о том, что народ, который с древних времен разводит северных оленей, не постиг без подсказки южных соседей идею доения своих стад.

Чтобы утолить жажду, лапландцы, подобно любым другим арктическим народам, пьют молоко прямо из вымени оленихи. Говорят, самоеды идут еще дальше и режут вену, чтобы высосать из нее кровь. В последнее время, чтобы не оставлять молодняк без молока, лапландцы принялись за разведение коз, которых держат вблизи своих лагерей, ради их молока и сыра, который они делают из него.

Разведение северного оленя – нелегкое занятие. Пастухи должны быть все время начеку, они должны знать повадки и потребности оленей, чтобы стадо сохранялось в хорошем состоянии. Северный олень имеет весьма специфические предпочтения в отношении корма. Он ест определенный вид лишайника и безошибочно узнает его среди всех прочих. И только зимой, когда весь корм находится под снегом, олень будет питаться тем кормом, который он сможет добыть из-под снега копытом. Любимым видом лишайника для оленя является *Cladonia rangiferina*. Однако летом *Cladonia*, которая растет на равнинах, высыхает от солнечного тепла, и олени весной мигрируют. Они ищут области, где дожди размягчают землю и где есть свежий лишайник. Когда олени пересекают зону с бедной растительностью, они обгрызают почки и листья березы, ягоды рябины, иву и т. д. Время от времени северный олень питается грибами, особенно во влажной области. И всюду оленя сопровождает человек, помогая ему, так как сам целиком зависит от этого животного.

Брачный период оленей, который лапландцы называют *рагад-аи-ге*, продолжается примерно в течение шести недель, обычно начинаясь с 20 по 30 сентября, то есть сразу после необходимого забоя, а его конец знаменует собой наступление долгой зимы. Самцы становятся легковозбудимыми, и пастухи должны справиться с управлением животными, которые блуждают во время спаривания или во время поединков. Самец в этот период может стать очень свирепым – иногда вплоть до убийства самки. Пастухи также должны следить за тем, чтобы не получить повреждения. Олень может боднуть человека в плечо, а затем, прежде чем тот сможет убежать, затоптать его копытами. Это тот момент, когда человек остро нуждается в помощи собаки, которая, по-видимому, способна почувствовать настроение оленей и предвосхитить их агрессивные действия, нападая первой. Без собаки рядом единственное, что пастухи могут сделать для своего спасения, – это вскарабкаться на дерево или на скалу. Множество историй рассказывают о пастухах, которые были вынуждены оставаться в таком убежище в течение многих часов или даже дней, пока их спутники не привяжут веревкой нападающего самца. Когда олень схвачен, его сразу же кастрируют и лишают рогов, которые обламывают. Кастрация совершается зубами. По какой-то неизвестной причине лапландцы не склонны использовать нож, и к тому же животное, по-видимому, быстрее выздоравливает, если гениталии откусываются. Тот же метод кастрации используется самоедами. Путешественник Де Лессеп в 1790 г. писал о подобной практике у камчадалов в отношении собак.

Исключительно интересные наблюдения относительно роли лапландцев в одомашнивании северного оленя мы находим у Ренато Бьясутти:

«Северная обитаемая зона Евразии имеет целиком свою собственную историю; это – область, которая приняла охотников на северного оленя и мамонта, когда они следовали за удаляющимся льдом и субполярной фауной. Эти люди принесли с собой на дальний север древние образцы своей примитивной культуры (это была эра бумеранга и самого грубого прототипа лука и стрел). Затем эта зона обогатилась волной, пришедшей из более развитых южных регионов. Так возникла неолитическая культура охотников и рыболовов. Сельское хозяйство не велось. Археологи выявили множество следов этого века. Их открытия образуют часть наследия евразийской арктической и субарктической культуры. Меха для ношения человеком, ездовые собаки, сани, снегоступы, рыбные остроги и хижины-палатки конической формы представляют главные свидетельства эпохи шаманизма, культа медведя, похороны в земляных насыпях, половое гостеприимство и групповой брак.

Одно из более поздних достижений этой эпохи – разведение скота, теории происхождения которого, принадлежащие Э. Хайну, все еще можно считать весьма логичными. Разведение скота, утверждает Хайн, происходит от аграрной культуры Южной Азии, пробившей свой путь на север. Первый вид, который был одомашнен, был уроженцем умеренных и субтропических степей.

Последним видом был северный олень. По всей вероятности, как предполагает Монтандон, лапландцы были первыми, кто приручил северного оленя. Затем новая практика распространилась в восточном направлении, но с удалением на восток уход за животными становился все менее и менее умелым. Противоположного мнения придерживаются Шмидт и Копперс. Они утверждают, что разведение скота кочевниками началось с северного оленя, а затем это распространилось на юг, применяясь по мере дальнейшего продвижения к различным животным. Никакого убедительного основания для этого утверждения не существует. Археологические исследования вблизи Ладожского озера доказывают, что уже в неолитическую эпоху – когда все это было в процессе развития – жители этого региона были исключительно охотниками. У них были собаки двух видов, но при этом собака была их единственным одомашненным животным. В этих местах северные олени бегали дикими и на них охотились. Это до сих пор верно и для нашего времени для камчадалов, эскимосов и индейцев атапасков».

Однако Манкер считает, что необходимо обратить внимание на одну важную особенность внушительной коллекции наскальных рисунков В.Дж. Раудоникаса. Все они появились в регионе между Онежским озером и Белым морем. Некоторые из изображаемых фигур легко объяснимы, если мы примем теорию о том, что разведение северных оленей существовало, по крайней мере, в определенной элементарной форме, поскольку трудно объяснить это как простые сцены охоты. Например, часть изображений на стенах показывает человека на лыжах, прицепившегося к северному оленю. Они имеют поразительное сходство с некоторыми картинами на лапландских барабанах. Манкер осторожен и не отрицает того, что человек на лыжах может всего лишь охотиться на северного оленя. Но он обеспокоен тем, чтобы ученые не упустили возможные значения этого доисторического свидетельства.

В равной мере он обеспокоен тем, чтобы ученые не пренебрегали никакими из таких находок, которые обнаруживают при раскопках.

Рис.35. Лапландский тип седла, состоящего из двух искривленных дощечек, прилаженных друг к другу сверху.

В отношении посуды, например, важно знать, сделана она из кости или рогов и где именно она была обнаружена. Одно такое открытие дало нам поразительное свидетельство древности разведения северных оленей, а именно заканчивающиеся лопатой лыжные палки. Все ученые видят одну причину того, почему палки имеют такую форму: их назначение состояло в том, чтобы позволить пастуху копать в снегу, помогая северному оленю в его поиске подножного корма. Лыжная палка и пара лыж, найденные в 1924 г. вблизи деревни Калвтреск (в Швеции), позволили установить дату методом анализа пыльцы, – 2000 г. до н. э. Остяки и зиряне используют сегодня подобную палку с лопатой на конце. Разведение северных оленей действительно может быть столь древним, чтобы начаться даже до первого появления лапландцев в Скандинавии.

Однако наиболее важные в этом отношении находки археологов должны находиться не в природе орудий, посуды, оружия и т. д. Ценную, а иногда точную информацию могут дать кости и рога. Кости, сломанные брошенным оружием – например, стрелами или копьями, – могут отличаться от костей, сломанных, скажем, дубинкой или ножом, хотя в последнем случае мы, к сожалению, не способны узнать, было ли в действительности животное уже поймано в западню или содержалось в загоне, подготовленном с целью забоя.

Но рога рассказывают нам историю, которая оставляет у нас гораздо меньше сомнений. Кастрация, которая позволила человеку использовать самцов северного оленя в качестве вьючного

и ездового животного, оставила явные следы в форме анатомической модификации в основании отростков оленьего рога. Это открытие черепа самца, где видна выпуклая форма в основании отростков оленьего рога или одного рога с вогнутой канавкой, доказывает, что была введена кастрация, и поэтому самец северного оленя мог быть приспособлен для домашнего использования. Кроме того, как указал Манкер, сам факт того, что кастрация совершалась зубами, является доказательством того, что эта практика началась в грубую и древнюю эпоху.

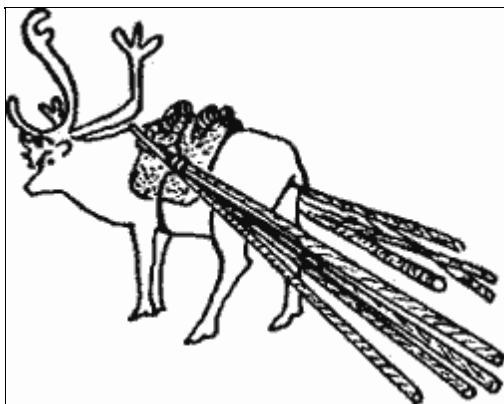

Рис.36. Северный олень, везущий жерди во время миграции.

Подводя итог, можно сказать, что все свидетельства указывают на то, что лапландцы сами начали разведение северных оленей, за счет которых они все время жили. Вся традиция этого не дает никакого намека на внешнее влияние. Важнейшая из всех двойная роль северного оленя – тягловое животное зимой и вьючное животное летом – является типичной только для этой культуры, какой обычно является доение.

Что касается собак, следует подчеркнуть, что у них одна-единственная функция – присматривать за стадами. Во всей Арктике их запрягают в сани, но не в Лапландии. Их также не используют для *travois*– системы транспортировки товаров, которая состоит в перетаскивании жердей на боках животных или в особом седле.

Еще одну характерную особенность разведения северных оленей, которая является исключительно лапландской, можно заметить в случае, когда животных забивают. У норвежских, финских и российских групп удар наносится в сердце забойным ножом; в Швеции его втыкают в заднюю часть шеи. Мы знаем, что самоеды и другие народы России убивают северных оленей путем удушения.

Здесь, в использовании ножа, есть аспект разведения северных оленей, который присущ исключительно лапландцам. Когда мы рассмотрим это в соединении с постоянной и тщательной заботой, с которой идет одомашнивание этих животных; когда мы сравним успехи, достигнутые лапландцами, с самыми неутешительными результатами, полученными сибирскими и уральскими народами, чей крупный скот до сих пор бегаёт наполовину дикий и совершенно неприрученный, тогда мы сможем оценить искусство неисчислимых поколений, которое, должно быть, лежит за культурой разведения северных оленей в Скандинавии, и, должно быть, придем к заключению, что только лапландцы могли быть его родоначальниками.

Глава 8 ОДЕЖДА, РУКОДЕЛИЕ, ПИЩА И ПИТЬЕ

В исторических источниках лапландцы впервые появляются одетыми в шкуры животных, которые давала им охота, и, прежде всего на северных оленей. Можно почти не сомневаться в том, что именно шкура северного оленя дала им первую элементарную одежду.

Вплоть до недавнего времени лапландцы центральных и южных районов сохраняли в одежде куртку из кожи северного оленя (известную как *свалтъя*) для летнего ношения. На севере они использовали старую кожу с отверстием в центре для головы и поясом, державшим ее с боков. В результате это мало чем отличалось от южноамериканского пончо.

Современная одежда включает в себя головной убор, который меняется в зависимости от места проживания, куртку практически единого образца во всей Лапландии, и штаны, сужающиеся в районе икр. Большинство исследователей согласны в том, что эта одежда – средневековая по духу, с определенным влиянием викингов в декоративных ее чертах.

Куртка обычно называется *гак-те* (в некоторых северных районах – *колтё*). Это разновидность куртки, доходящая до бедер (если ее носят женщины, она опускается ниже колен). К ней прилагается кожаный пояс, украшенный большими металлическими дисками. Он почти всегда синего цвета, хотя красный и белый также можно иногда встретить в норвежской Финляндии. В древние времена белый цвет полагался для женской праздничной одежды. На севере куртка немного открыта в районе шеи. В других местах, среди шведских лесных лапландцев и жителей района Йоккмокка, она может быть полностью открытой у мужчин, но не у женщин. Мужчины могут также носить ее с полужестким воротником. Теперь он исчез из женской одежды, хотя одно время женщины носили также и его. Привлекательной и интересной частью лапландской одежды являются разноцветные ленточки или оплетки желтого и красного цветов, которые носят вокруг шеи, запястий и на плечах. Они также образуют кайму куртки.

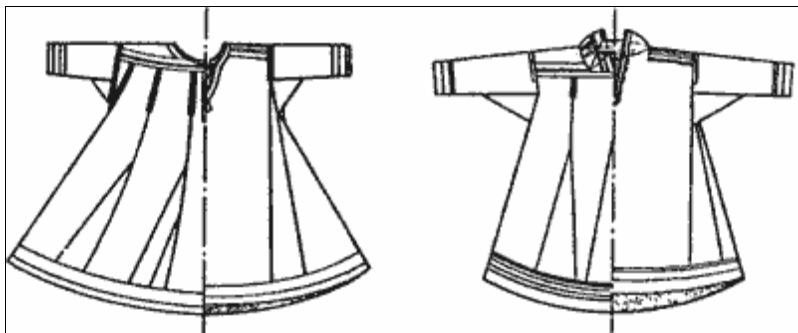

Рис.37. Лапландские куртки: *слева* тип без воротника; *справа* тип, одно время представлявший широко распространенную моду, но теперь менее популярный.

Было бы интересно знать, действительно ли эти декоративные черты происходят от средневековой одежды, или же они пришли к лапландцам от таких прибрежных арктических народов, как самоеды, якуты, тунгусы, чукчи, айны, эскимосы и др. Тот факт, что их чаще можно встретить в северных районах, говорит в пользу последнего предположения. Изучение одежды у этих народов показывает, что они в одинаковой мере любят яркие цвета, что делает человека заметным на большом расстоянии на фоне снега. Монголы также знали практическую ценность яркого цвета. Их *кулат* – голубого цвета, и он поразительно похож на лапландский гак-те.

Костюм айнов, который очень похож на костюм лапландцев, имеет свои особые признаки, особенно в районе шеи, спины и в нижней части рукавов и подола. Декоративным мотивом часто является стилизованная медвежья голова. Иногда им покрывается весь костюм. Жорж Монтандон привез часть костюма из Пиратори, в котором повторяются те же мотивы, которые были обнаружены на плащах северо-западных американских индейцев. Кроме того, с Курильских островов он же привез костюм во всем, вплоть до окраски, похожий на одежду, которую носят лапландцы.

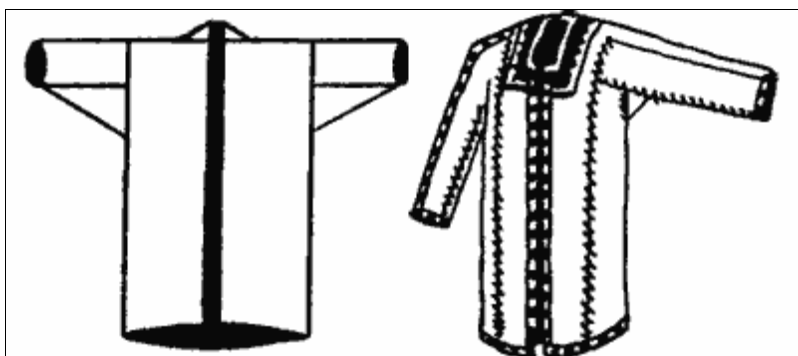

Рис.38. Куртка айнов: *слева* показан вид сзади, *справа* – вид спереди.

Одно время под гак-те лапландцы носили одеяние, называвшееся *лии-ва*, позже его вытеснил современный жилет или фланелевая рубашка. Но лии-ва, иногда изготовленную с какой-нибудь блестящей мишурой, до сих пор носят в некоторых южных районах по случаю особых событий.

Штаны – *бук-са* – из шкуры оленя, узкие и могут покрывать ступни. Раньше лапландские женщины носили их, как и мужчины; но в настоящее время, особенно на юге, они предпочитают модели скандинавских женщин и носят длинные синие платья. Лапландские штаны были приняты скандинавскими народами, когда те стали использовать лыжи, поскольку штаны очень подходят для ношения в заснеженных местах. Лапландцы использовали кожу или тканевые обмотки, плотно привязывая их к икрам, для того чтобы снег не попадал в обувь.

Обувью были своего рода бескаблучные мокасины, называемые *габмагаки*. Они делались из трех кусков кожи оленя, сшитых вместе шнурком, полученным из его сухожилий. Нижняя и верхняя части стыкуются в изогнутом носке спереди на манер восточных шлепанцев и некоторых средневековых типов обуви. Возможно, однако, что этот изогнутый носок служил вполне определенной цели – чтобы облегчить прикрепление лыж. Этой точки зрения придерживаются такие авторитетные ученые, как Манкер и Элгстром. По их мнению, для зимней обуви лапландцы предпочитали использовать кожу, взятую с ног северных оленей, однако подошва могла делаться из кожи, снятой с черепа, что легко распознать по толщине шерсти. Обувь эта чрезвычайно прочная. Лапландцы открыли также способ сделать подошву абсолютно водонепроницаемой. Кочевники в горах вырезают в обуви круглое отверстие, которое закрывают кольцом из твердой кожи. Она не может растягиваться, и, когда во время ходьбы на нее надавливает вес, кожа вокруг этого места натягивается, в результате подошва становится тугой и водонепроницаемой.

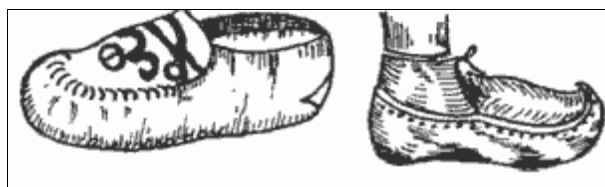
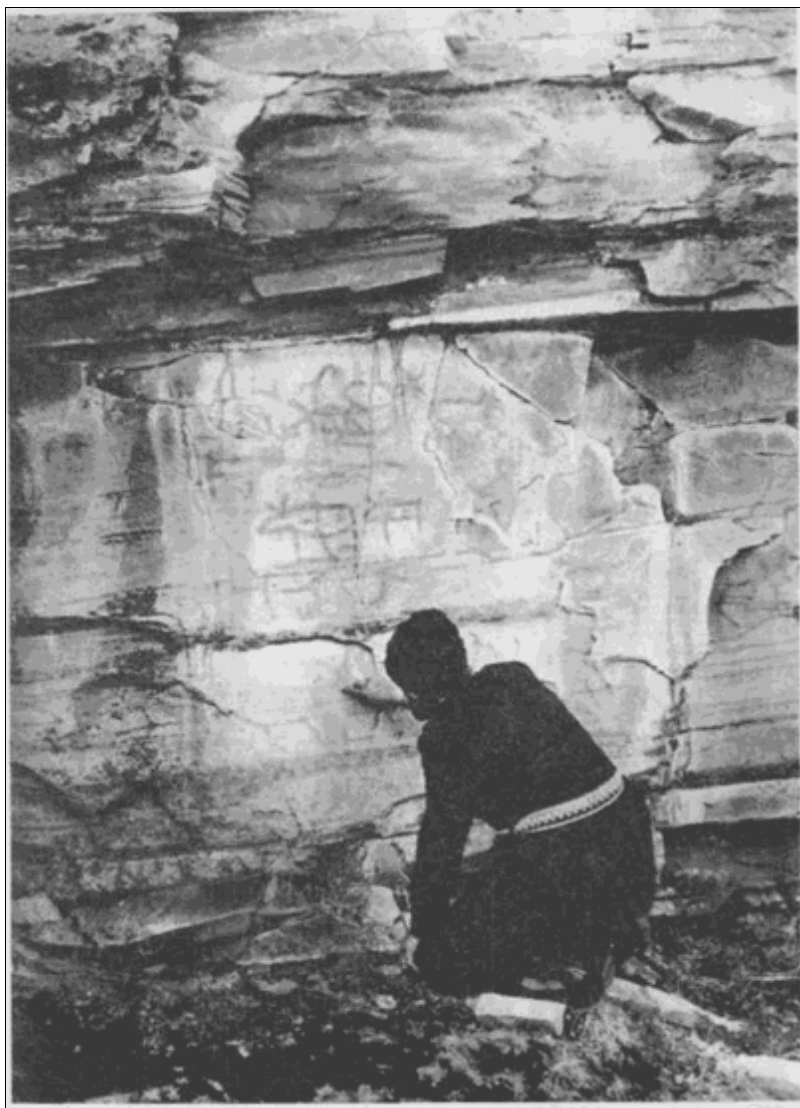

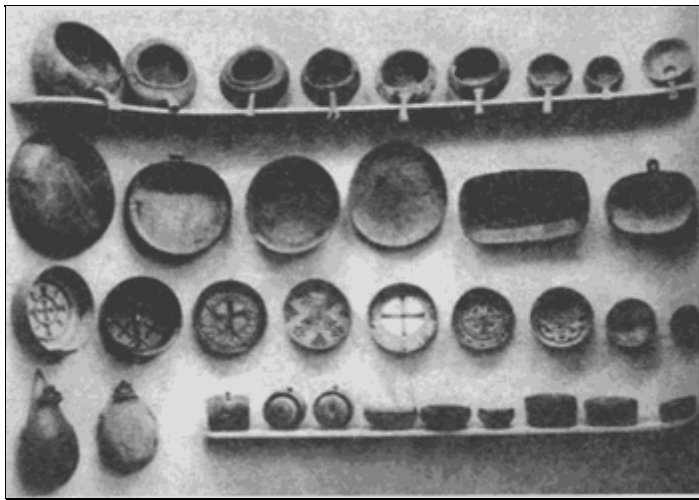
Рис.39 Два типа мокасин, *слева* мокасины, которые лапландцы носят всю жизнь круглый год, *справа* мокасины, которые обычно носят чукчи и палеосибиряки.

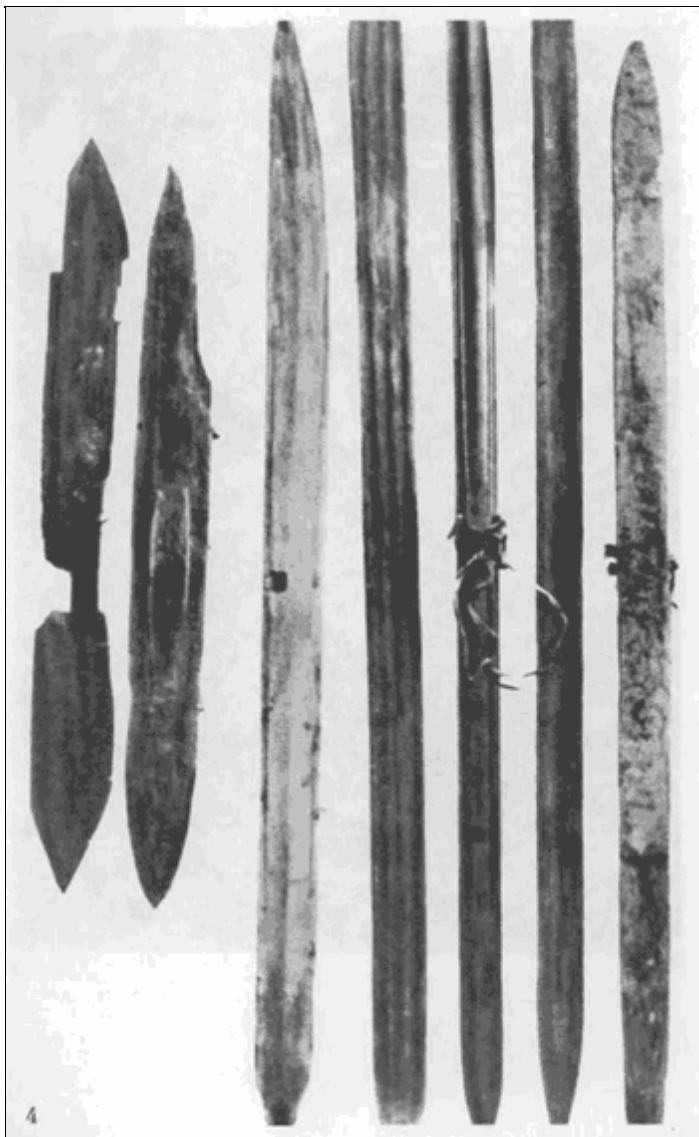
1. Наскальный рисунок в районе Флатрует (вблизи Миттадалена, шведская Лапландия). В центре – два лося, а выше и ниже – северные олени. Те, что наверху, частично перекрываются.

2. Деревянные изделия с Кольского полуострова (Россия) с изображением северного оленя с рогами преувеличенного размера. Подобный художественный прием обнаружен в магдаленском искусстве палеолитической эпохи. Отверстия в этом щите говорят о том, что некогда его подвешивали как украшение. Находится в Нордическом музее, Стокгольм.

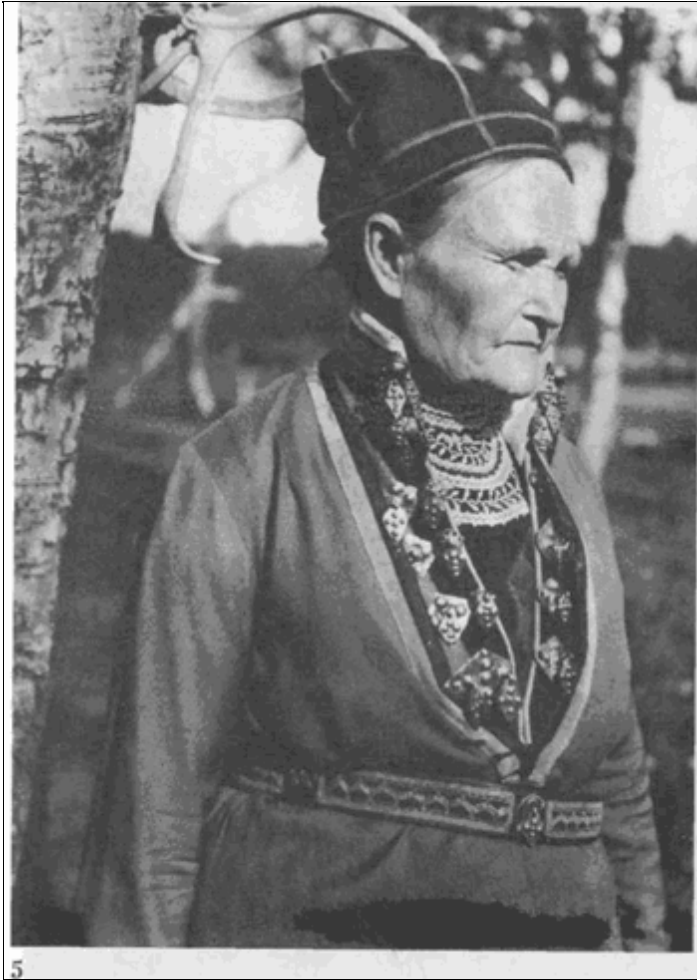

3. Сосуд, показанный в Нордическом музее, Стокгольм. В верхнем ряду сосуды для молока; во втором – чашки; в третьем – блюда для сыра с традиционным украшением, мало чем отличающимся от образцов, обнаруживаемых у некоторых арктико-азиатских народов; центральный мотив лапландской декоративной темы – обычно крест. Нижний ряд: две бутылки и различные кувшины. Все эти сосуды изготовлены из древесины.

4. Лапландские лыжи в Нордическом музее, Стокгольм. Слева: две доисторические лыжи, обнаруженные в Ломсьёкулене и Саттайарви, датируемые между 1500-м и 1200 гг. до н. э. на основе анализа пыльцы растений. Пять более современных лыж: справа более длинные, более

узкие и не приподнятые в центре для ступни. Однако лапландские лыжи всех эпох имеют одну общую особенность, а именно заостренность с обоих концов.

5

5. Женщина в лапландском костюме в старинном стиле в Фьелхейме, район Риастен, Норвегия. Жесткий, высокий воротник открыт спереди, и есть прижимающий шнурок. Некоторые из металлических украшений имеют немного прикрепленных колокольчиков, которые носят многие степные народы с самых древних времен. Скифы Южной России и Сибири в V–IV вв. до н. э. украшали свою одежду подобными небольшими металлическими бляшками, с выгравированными на них изображениями животных.

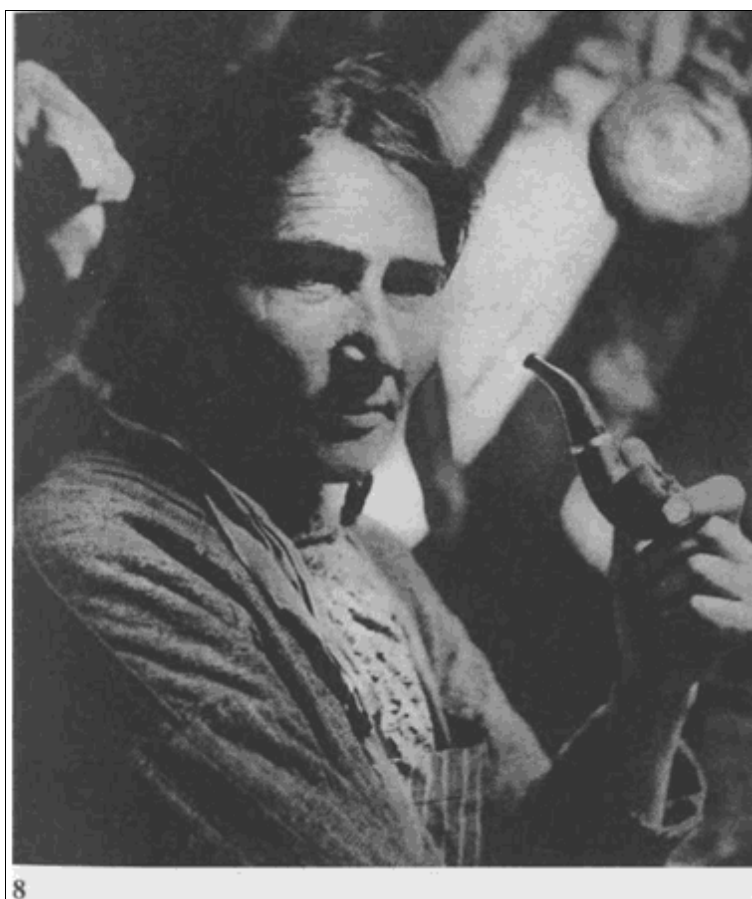

6

6. Лапландец, известный своим мастерством в охоте на волков в Глене, Северная Швеция. На волков охотятся всякий раз, когда в этом возникает необходимость. Если они слишком близко подойдут к деревне, пастух оленей наденет пару лыж и пойдет за ними, вооруженный своего рода окантованной железом пикой, а в критическом случае просто с лыжными палками, которые для этой цели часто имеют железные наконечники.

7. Старая лапландская женщина, продающая на рынке в Северной Норвегии шкуры.

8. Более чистые лапландские типы не имеют никаких следов монгольских черт. Глаза, открытые обычным европейским образом, нос хорошо сформирован, не толстый и (лапландская черта) закруглен на конце.

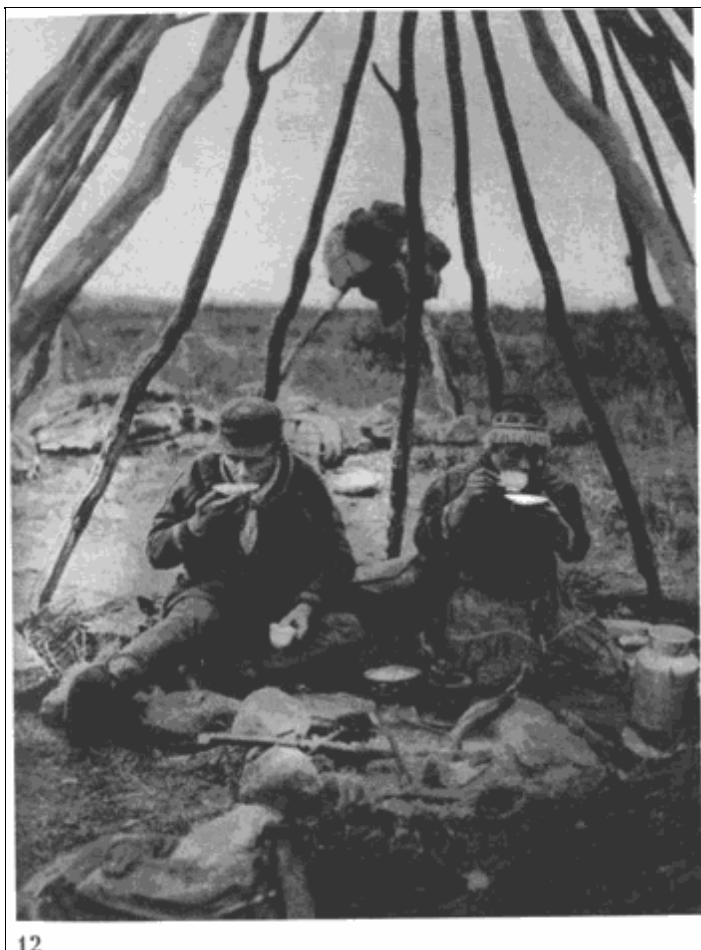
9. Невеста и жених по пути на свадьбу. Жених – простоволосый; невеста – в головном уборе ее местности. Согласно древней традиции, подружки невесты одеты в большие белые платки с длинной бахромой, которые покрывают их голову ниже берета и спадают на плечи.

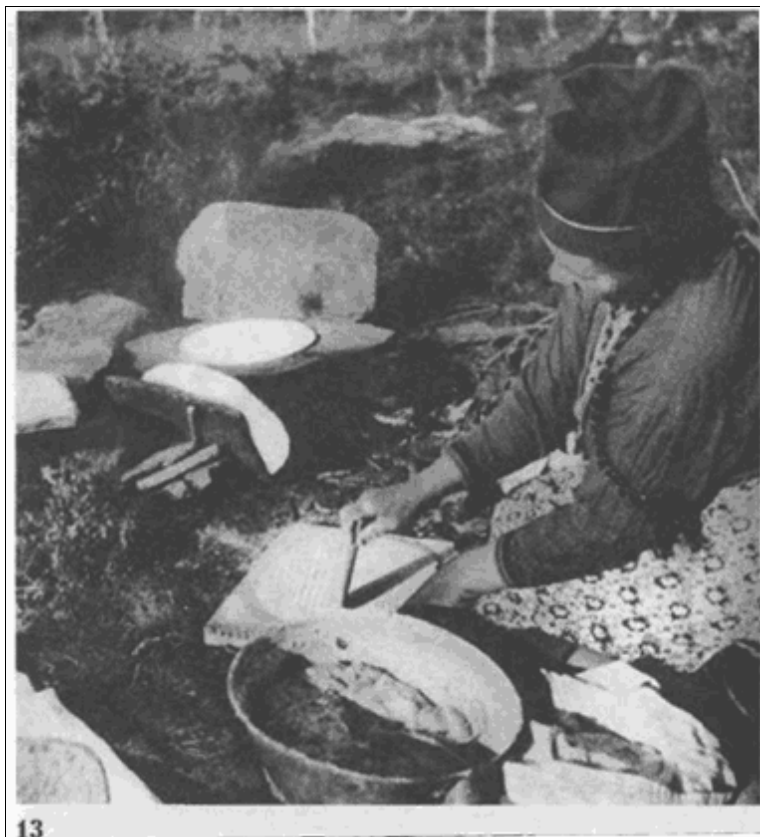
10. Лапландец из Каресуандо, деревни на финско-шведской границе к северу от 68-й параллели, сфотографированный в Ритцемьёкке, который находится южнее. Многие лапландцы имеют обыкновение мигрировать со своими оленями из Швеции в Норвегию, но с закрытием границ несколько десятилетий назад они были вынуждены находить новые пастбища, чтобы позволить животным продолжить свои сезонные миграции между горами и равнинами. Они нашли соответствующий путь к югу от своего родного района.

11. Селекционер северного оленя из Аггойокка, в лапландском районе Сааривуома, в зимней накидке из кожи древнего образца; воротник сделан из самого мягкого и самого теплого меха — меха молодого северного оленя.

12. Двое лапландцев пьют кофе в свертываемом лагере. С палатки шкуры уже сняты; жерди для палатки будут оставлены, если местность является сравнительно лесистой, в противном случае они будут погружены на северного оленя. На заднем плане лежат вьюки для северного оленя, готовые к погрузке. Вокруг камина лежат ветви, на которых положены шкуры, образуя кушетку.

13. Овсяные лепешки, которые едят вместо хлеба, готовя их по-старинному, на поде печи, Паркаяуре, Швеция. Муку покупают в деревне. Одно время она была мало известна, но теперь все больше используется, даже среди кочевых групп.

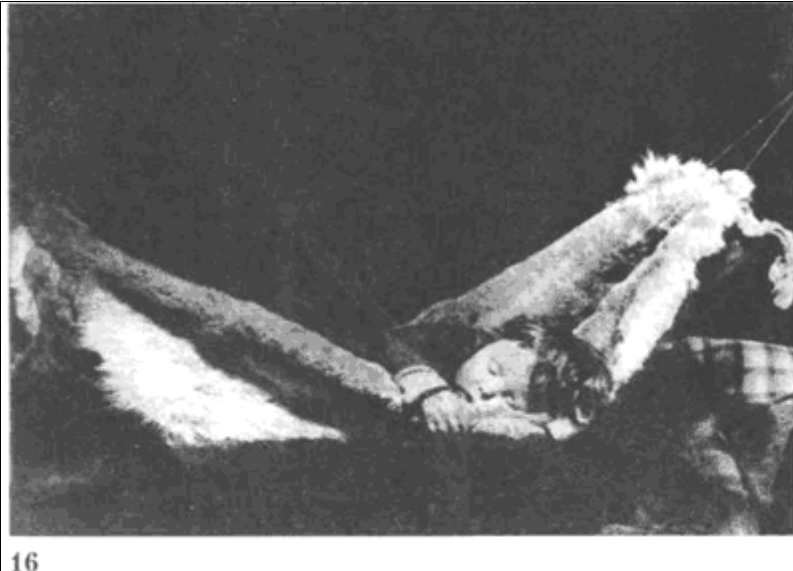
14

14. Молодая замужняя женщина, ткающая на небольшом ручном ткацком станке, встречающемся среди всех лапландских групп. Его самая известная продукция – ленты и плетение из многоцветной шерсти, обычно украшающие накидки и береты или используемые в качестве обрамления для ботинок, обеспечивая плотное прилегание к лодыжке, не пропускающее в обувь снег. Любимые цвета – красный, желтый и голубой.

15

15. Колыбель северного местного типа, в Стримасунде, в лапландском районе Умбин, Швеция. Ее многоцветные ленточки украшены серебром и нитями жемчуга. До недавнего времени вместо жемчуга использовались амулеты (обычно железные) или брошки, а иногда ножи или наконечники стрел, оберегающие от злых духов. Бока колыбели обиты шкурой северного оленя, выделанной и обработанной скребком. Младенец спит на мягкой коже молодого северного оленя.

16

16. Интерьер хижины в Кроктьярнваллене, в районе Ямтланд, Швеция. Ребенок спит в кожаном гамаке, подвешенном между двумя жердями.

17

17. После установки жердей для палатки лапландец поднимает шкуры. Женщина уже находится внутри палатки, разжигает огонь, а на горизонтальной жерди котел вскоре будет подвешен на цепи. На ветви дерева подвешен багаж, все еще нераспакованный. Вьюк овальной формы, какой обычно предназначается для перевозки на спине северного оленя.

18. Засыпанная снегом лапландская стоянка в Йоккмокке. Отверстие в крыше палатки используется как дымоход. Зимой расчищенный участок леса – излюбленное место расположения палатки, поскольку деревья дают некоторую защиту от ветра.

19. Бревенчатые хижины в Геияуре, в лесном районе Маусьяур, Швеция. Они пирамидальной формы на квадратном основании, с осевшим полом, построенным по типичным евроазиатским линиям, объединяющим квадратные или прямоугольные формы с коническими. Ясно видно отверстие в крыше для выхода дыма. Дверь хижины такого же типа, которые делают в торфяных хижинах.

20

20. Куполообразная торфяная хижина с сооружением из жердей в лапландской деревне Юккасярви, Швеция. Над отверстием в крыше сооружение из ветвей, на которое в плохую погоду может быть положено какое-нибудь покрытие.

21

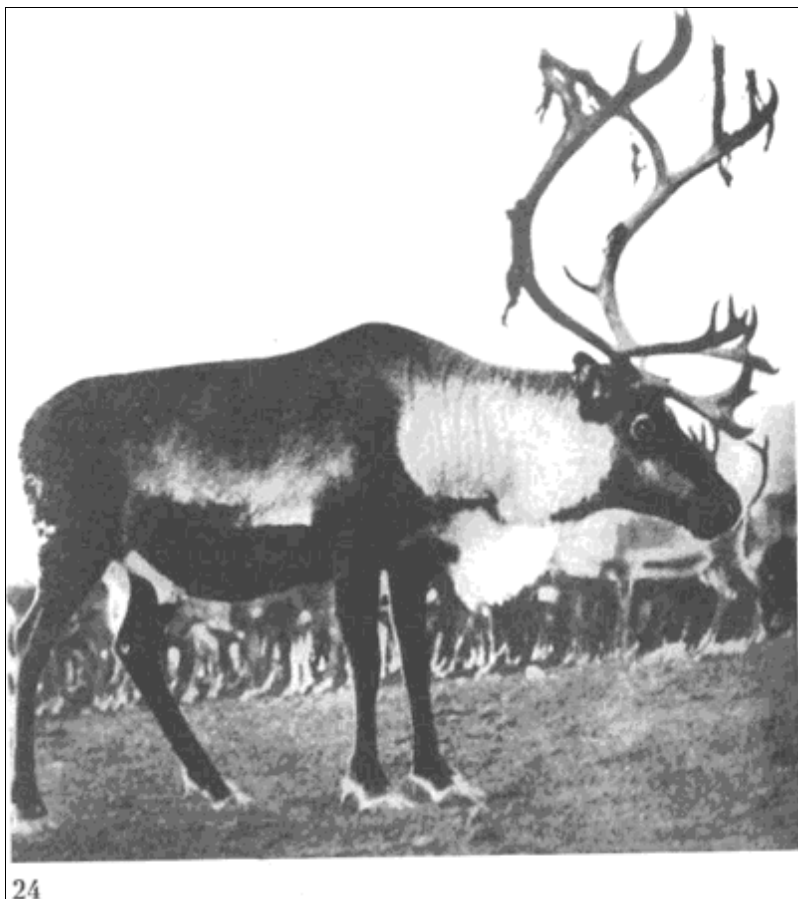
21. Няля, или хижина для хранения пищи, в лапландской деревне Юккасьярви, Швеция. Эти хижины были распространены в древние времена по всему Скандинавско-Уральскому региону Европы и явно напоминают сибирский тип жилища. Еще несколько лет назад они часто встречались в Лапландии, но теперь редки даже среди кочевых групп: только некоторые лапландцы на Кольском полуострове до сих пор используют их. Они возводятся во время привалов в ходе миграций, и на следующую весну группа снова возвращается в них.

22. Идол, называемый Тьялто-керке, который вернулся после пятидесятитрехлетнего отсутствия на свое первоначальное место, в Тьялмеяуре в лапландском районе Свайпа, Швеция. Лапландцы верили, что некоторые камни обладают сверхъестественной силой и что в них обитают души умерших, которые не могли найти покоя, или даже что эти камни служат в качестве посредников богов.

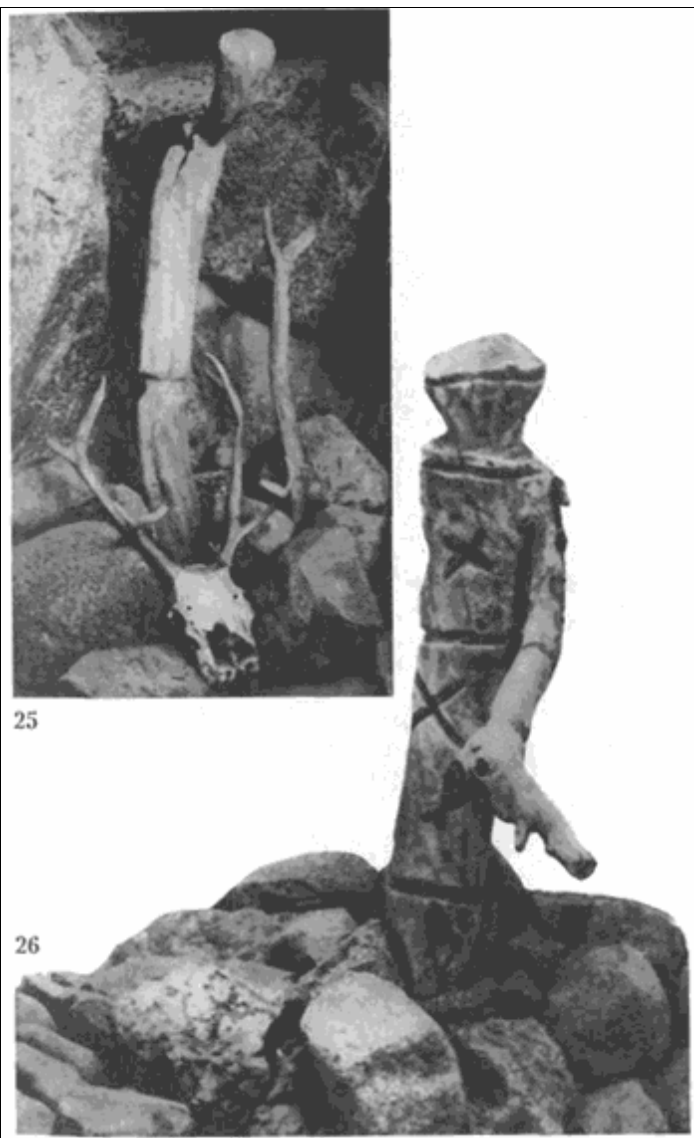

23. Гар-де, или загон, образованный кольями, предназначенный для маркировки северного оленя и для других целей. На заднем плане виднеется торфяная хижина.

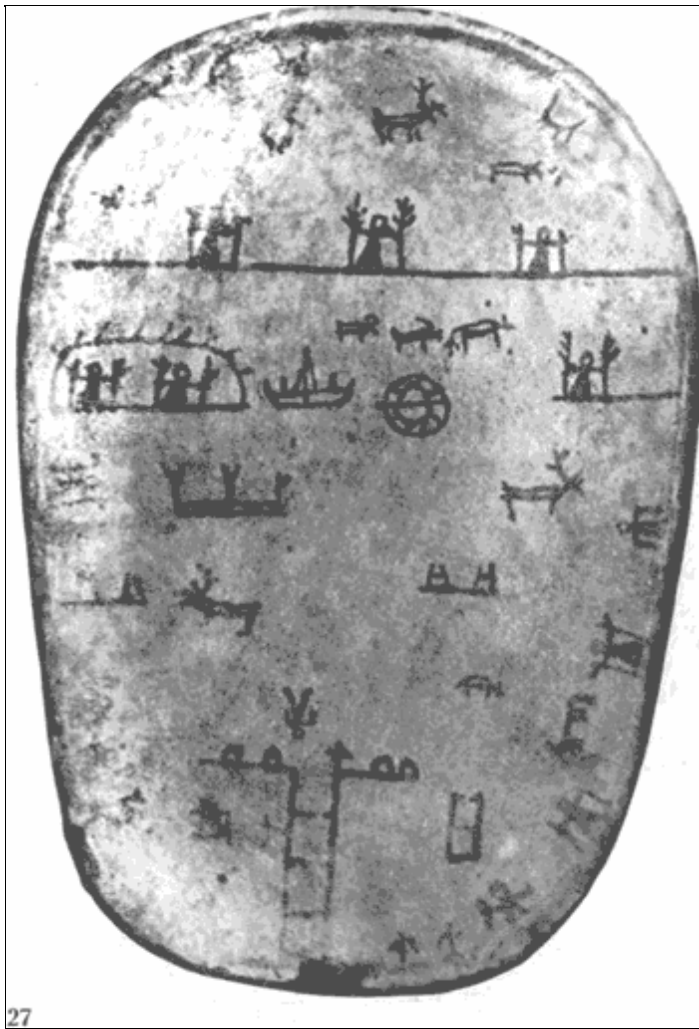
24

24. Крупный олень-самец накануне потери рогов. Кожа на его рогах постепенно отделяется и вскоре будет опадать. В этот период животные становятся склонными нападать на людей. Рога северных оленей асимметричны, а у самцов спереди есть один-два особых рога, которые, возможно, защищают их глаза в жестоких поединках в период гона.

25. Изображение лапландского божества, вырезанное из древесины. Нордический музей, Стокгольм. Франческо Негри уже в конце XVII в. обнаружил своего рода святилище в Северной Лапландии, содержащее множество деревянных изображений такого типа.

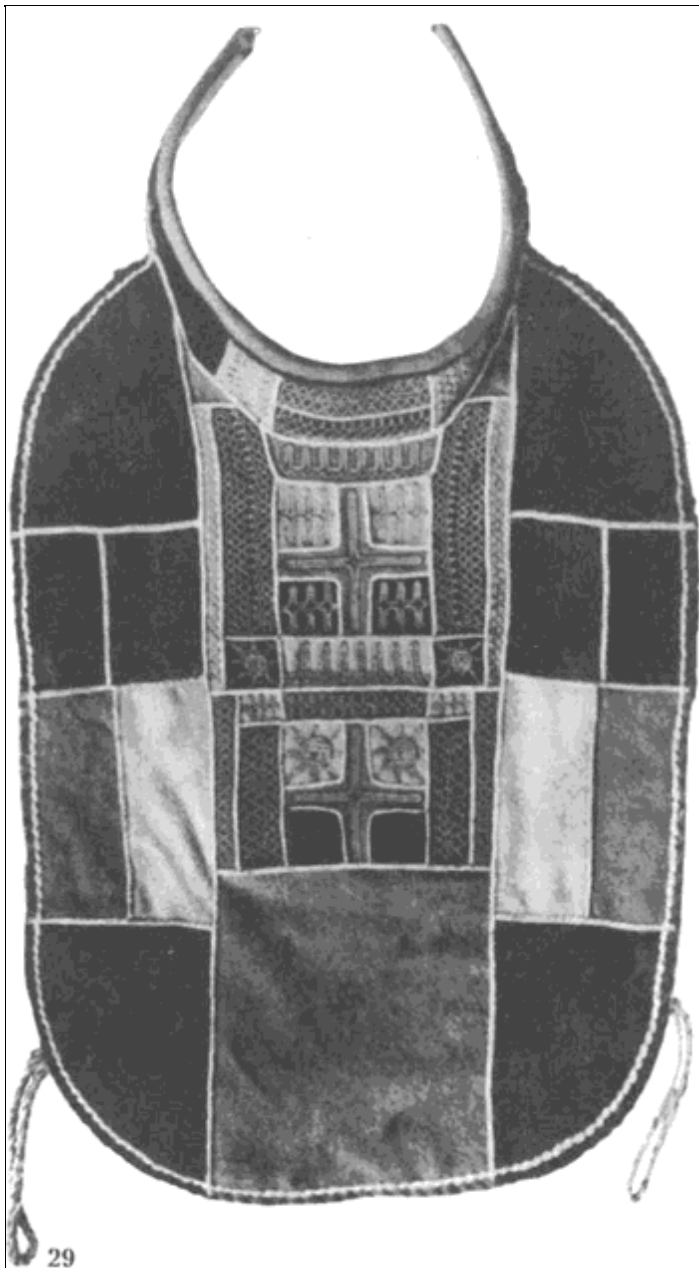
26. Фигуры с характерными X-знаками. Такие знаки были отмечены Франческо Негри в XVII в. Они, вероятно, имеют некоторое отношение к схематическим изображениям солнца, которое встречается на множестве шаманских барабанов. Нордический музей.

27. Магический барабан. Был описан Шефферусом в 1673 г. как принадлежащий коллекции канцлера Магнуса Габриэля де ла Гарди. Возможно, он происходит из района Луле в Швеции. Подобный барабан был описан в 1671 г. священником Йоккмоккой Сэмюэлом Рееном. Государственный исторический музей, Стокгольм.

28. Еще один барабан, в том же музее, который также был описан Шефферусом. Впоследствии он стал собственностью антиквара Йохана Хадорфа, который оставил примечание об этом в каталоге (1690 г.), а затем барабан перешел в руки другого антиквара – Йохана Перингсйолда, который описал его в 1720 г. Считается, что это один из наиболее красивых лапландских барабанов из существующих, а также среди наиболее сохранившихся.

29. Женский жилет из Люкселе, Швеция. Традиционные солнечные мотивы и геометрические рисунки, украшающие среднюю часть одежды, часто встречаются на домашней посуде, а одно время – и на оружии.

Лапландцы не носят никаких чулков или внутреннего покрытия для ступни. Вместо этого они просто берут какую-нибудь высушенную траву – *суои-дне* – и кладут достаточное ее количество в обувь, чтобы она покрывала всю ступню. Эта трава *Carex vesicana* растет под ивами или в болотистой местности. Ее кладут под гнет, мнут или отбивают на камне, чтобы она стала мягче, затем ее кладут на хранение. Использование травы дает одно большое преимущество: ее можно высушить перед огнем за несколько секунд. Такой способ с отличным результатом использовался в полярной экспедиции 1893–1896 гг. Ф. Нансеном.

Лапландский головной убор может иметь различные формы. На озере Инари на востоке и в остальной части Лапландии типичный мужской головной убор имеет форму берета с четырьмя расходящимися лучами. В Скандинавии его называют «берет четырех ветров», так что его обладатель напоминает скорее средневекового судью. В некоторых норвежских областях эти лучи менее выражены. Время от времени можно встретить лапландца, носящего головной убор с четырьмя большими свисающими рогами. Видимо, это объясняется стремлением быть как можно больше похожим на северного оленя и даже попыткой идентифицировать себя с этим животным.

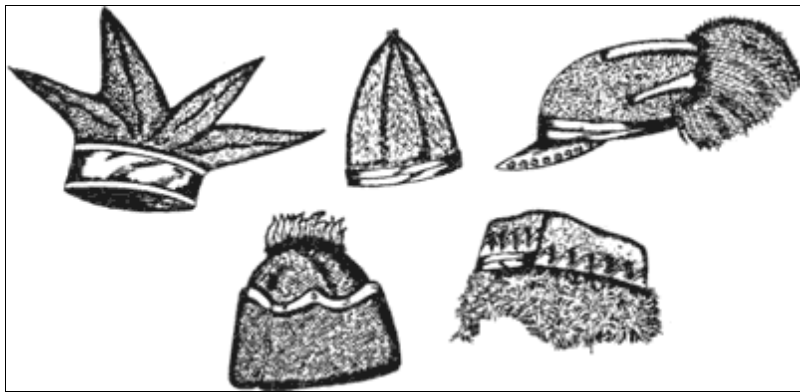

Рис. 40 Пять видов мужского головного убора. *Вверху слева* – норвежский головной убор, *в центре* – центральношведский, *справа* – северошведский лапландский образец. *Внизу слева* – южношведский, *справа* – из области Кольского полуострова, Россия.

Почти во всех районах головной убор называется *гаппер*. По-видимому, первоначальный вариант имел только один луч, который образовывался просто при сшивании материи по кругу. Самый примитивный образец, который встречается сегодня, предпочитают кочевые группы шведского района Йоккмокка, хотя европейские типы шляп также встречаются. Гапперу часто придают декоративные черты с помощью цветных полос, которые увенчиваются рельефной пуговицей или помпоном. Мода, с ее склонностью к капризам, по-видимому, не обошла стороной и лапландцев. От Галливаре до Торнетреска лапландцы украшают береты красными помпонами, столь огромными, что в суровую погоду может быть весьма проблематичным удержать берет на голове, особенно когда помпон пропитывается дождевой влагой. Еще несколько лет назад этот стиль преобладал лишь у лапландцев Каресуандо в Северной Швеции. Но эта группа была вытеснена на юг, на новые территории, когда закрытие границы на их старую северную родину положило конец миграциям их северных оленей, а, следовательно, и их самих.

Рис. 41. Три вида головных уборов у лапландских женщин: *слева* – северошведский; *в центре* – центральношведский; *справа* – на Кольском полуострове, Россия.

Шведские и норвежские лапландцы часто носят головные уборы с остроконечной верхушкой. Он пронизан дырами и укреплен крошечными медными кольцами. Он также может быть украшен по краям, особенно у некоторых кочевников. Такие декоративные элементы могут встречаться в верхушке южного головного убора, но в несколько менее богатом и разнообразном виде.

В Юккасыярви и Виттанги преобладают строгие тона. Одежда простая, украшения скромные. Здесь все еще правит дух лютеранского пастыря Лестадия. Даже упрямый красный помпон сжался до самых скромных размеров.

Сегодня Лапландия привлекает многих туристов, что поощряет некоторых лапландцев к преувеличениям местных традиций в одежде, так что четыре рога и красный помпон нависают над бровями многих мужчин.

Однако жители российской Лапландии не стремятся к подобной экстравагантности. Головные уборы здесь квадратные по форме, окантованы мехом, и что касается орнамента, то несколько треугольных украшений считается вполне достаточным.

Женщины, в отличие от женщин в большинстве других частей мира, надевают на себя меньшее количество украшений. В Финляндии и в некоторых норвежских районах они носят шляпу с

опущенными полями, отделанную очень простой белой тесьмой спереди. В Каресуандо используется цветная ленточка, идущая по всему кругу. Тулья плоская, а наушники украшены немного подрезанной тесьмой. В Юккасьярви и некоторых других местах установилась мода на остроконечный голубой берет, но она встречается все реже. Береты в Галливаре и Йоккмокке носят со складкой сзади, если лапландец находится на пути домой, и спереди – если он выезжает из дому. Лапландские женщины в Харьедалене, в Швеции (который для лапландцев является южным районом), предпочитают нечто типа тканевого гусарского кивера. У него могут быть окантовочные штрихи спереди или по сторонам или же какая-нибудь складчатая цветная ленточка. В особо торжественных случаях мужчины также надевают подобного стиля шляпы. Альтернативная форма мужского головного убора – черный шелковый берет, заканчивающийся как кепка. Иногда он увенчан потрясающим красным гребнем. Кроме того, есть такие места в Лапландии, где головной убор мужчин обычно делается из кожи птицы. Оперение носят спереди, и у него нет никакой обшивки.

Во время влажной погоды в Норвегии и Швеции лапландцы ходят в накидке, называемой *лук-кана* на севере и *скупмукна* юге. Она делается из тяжелого материала и, возможно, имеет предшественника из медвежьей шкуры. Это одеяние дает защиту для спины и груди, а воротник не пропускает ледяной ветер.

Ткань пришла к лапландцам через обычные коммерческие каналы; шкурой же северного оленя, очевидно, они обеспечивают себя сами. Процесс дубления кожи интересен и следует древним традиционным методам. Кожи забитого оленя натягивают, высушивают, а затем хранят в сухом месте. Обработку кожи откладывают до следующей весны. Женщины берут кожу и держат ее неделю-две на пару, чтобы она впитала влагу. Кожа должна быть достаточно эластичной, чтобы с ней можно было обращаться без риска ее обламывания. Затем кожу, после того как удалена шерсть, кипятят в котле с полосками березовой коры. Несколько дней – и кожа становится максимально мягкой. Затем ее разглаживают с помощью двойного скребка. Лапландцы называют его *йшек-ко*, он знаком множеству сибирских народов. После нескольких часов такой тщательной обработки кожу подвешивают в затененном месте для полной просушки. Но даже тогда сложный процесс еще не закончен. Женщины смешивают рыбий жир с мукой и обильно покрывают ими кожу. Куски кожи складывают вместе и ждут, когда смесь впитается в тяжелую грудку.

Именно женщины готовят оленью кожу. Также обязанностью женщин является превращение сухожилий в нити, веревки и крепления, в то время как мужчина делает домашнюю посуду из древесины и рога. Лапландцы в уединенности своей обширной тундры непрерывно чем-нибудь заняты. Есть масса забот, которые разделяются между мужчиной и женщиной, и если они станут пренебрегать ими, то не смогут выжить.

Во многих хижинах сегодня имеется швейная машина, так что ручное шитье необходимо только для изготовления одеяния, сделанного из кожи северного оленя, когда соблюдается традиционный метод, столь же древний, как память о человечестве, метод, который немного изменился с тех дней, когда иглы изготавливались из кости. Долгое время единственным видом нити для шитья были сухожилия северных оленей. Способ, которым ее готовили, описывается Манкером следующим образом: «Своими зубами и пальцами женщина рвет сухожилия на тонкие волокна, которые она наматывает на правую руку. Когда это готово, она помещает их между губами, чтобы они были влажными, и „прядет“ их на своем колене. Ее передник натянут за счет того, что сильно подвернут под ее бедрами, а ее правая рука постоянно движется вверх-вниз, чтобы скручивать волокна в нить, в то время как левая рука крепко держит конец. Конусы каждого волокна выклиниваются между зубами и скручиваются в одну нить, без видимых мест соединения. Готовая нить медленно наматывается вокруг среднего пальца, безымянного пальца и мизинца левой руки, большой и указательный пальцы остаются свободными, чтобы удерживать изделие туго натянутым. Когда изделие уже имеет достаточную длину, оно раскручивается и снова скручивается на колене в крепкую двойную нить».

Лапландские женщины издревле являлись искусными мастерицами плетения. Их тесьма и ленточные изделия отличаются красотой и высоким качеством. Особым достижением в этой области, имеющим отношение только к лапландской культуре, является небольшой ткацкий станок, на котором делается великое множество изделий. Он сконструирован из кости или древесины и состоит из различного числа челноков в прямоугольном каркасе. В центре каждого челнока есть отверстие. Нити внатяжку пропускают через эти отверстия, а затем снова – через

щели между соседними челноками.

Еще одно древнее искусство связано с изготовлением филигранных оловянных изделий, которыми лапландцы украшают узды. Одно время эти изделия также встречались на магических барабанах шаманов. Лапландцы получают оловянную проволоку при помощи *татне-търве*, что буквально означает «роговой инструмент для олова». Через него они протягивают очень узкие оловянные полоски, удерживая их в натяжении зубами и делая их максимально тонкими.

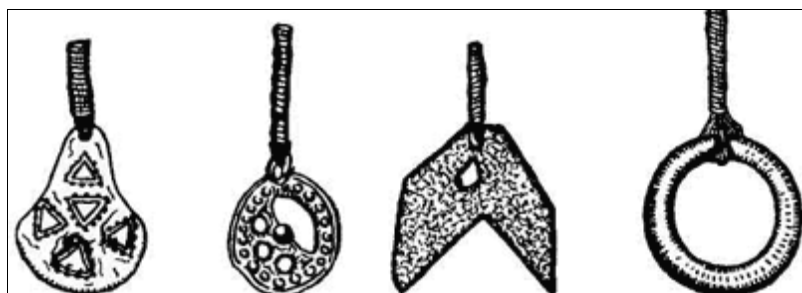

Рис.42. Медные украшения, прикрепляемые к краям барабанов.

В резьбе по кости и рогу лапландцы могут считаться подлинными мастерами. Здесь они почти без изменений сохранили все достижения того наследия, которое повсеместно называется культурой «оленьего века» или субарктической культурой. В равной степени поразительны их работы по древесине: из сосны изготавливается нижняя сторона и бока саней, а также лыжи, применяемые на подмерзшем снегу; из березы – лыжи, пригодные для более мягкого снега, ковшы для молока и чашечки для курительных трубок. Зубила и скребки множества типов имеют самое разнообразное применение: в железный век они делались из кремня или кварца. Наиболее характерным является *лок-кер*, весьма примитивный по строению, состоящий из куска железа, вставленного в древесную горловину. Еще одним инструментом, используемым для резьбы, с округлым лезвием, является *саха*.

Современные лапландцы, которые получают средства существования исключительно за счет разведения и эксплуатации северного оленя, относительно немногочисленны. Они включают в себя группы в Северной Норвегии и Финляндии, а также семейные кланы в лесах области Виттанги, примерно на границе между Швецией и Финляндией. Группа с хозяйствованием такого типа обнаружена даже в области Галливаре, ближе к югу, но это пример последующей миграции.

Все другие лапландцы содержат разные виды животных, например коз, дающих молоко и сыр. Кочевые горные лапландцы очень редко пьют молоко северного оленя, они едят только мясо в различных видах. Злаки, картофель, сухие плоды и масло они получают из соседних деревень.

Основной пищей является мясо северного оленя, ни один кусочек которого не пропадает впустую. Медвежатина является большей частью наградой за удачную охоту. Лосось и форель, прежде всего морская, дают самые вкусные рыбные блюда. Дягель, исландский лишайник, мирт и другие ягоды добавляют в пищу для аромата. Очень популярны яйца морских и материковых птиц. Пекут своеобразный хлеб без дрожжей, хотя муку, конечно, приходится покупать.

Самые распространенные напитки – вода, молоко и кофе. Напиток съёмар, изготовлявшийся в былые времена из свернувшегося молока, подкрепленного спиртом, теперь в значительной степени исчез. Спирт, разрушивший здоровье и мораль целых поселений, в настоящее время изредка добывают путем обмена, и он больше не представляет угрозы для жизни народа.

Часть Третья ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ

Глава 9 ВЫСШИЙ БОГ И БОГИ ПРИРОДЫ

Лапландцы, когда их обнаружили некоторые бродячие торговцы и священники, не имели никакой отдельной религии. Они были народом изменяющихся верований, но все эти верования

произошли от одной и той же древнейшей культуры, от общей мифологии, однажды распространившейся по всему субарктическому региону. В них мы иногда можем услышать отзвуки протоисторического периода и времени рассвета самой цивилизации.

В самых древних лапландских легендах, которые дошли до нас, высшим божеством был *Ибмел*, небесный бог. Он остался абстрактной идеей, никогда не принимая какую-либо конкретную форму в искусстве. Несомненно, Ибмел не был оригинальной лапландской концепцией. Тожественной фигурой был высший бог финских племен *Юмала*. Возможно, в данном случае наблюдается сильное восточное влияние: весьма похожая версия есть у народа черемис в лице их *Юме*, – в финноугорском языке это слово означает «небо». Такое же значение имеет у самоедов название небесного бога *Нум*. Солнце и Луна являются глазами Нум.

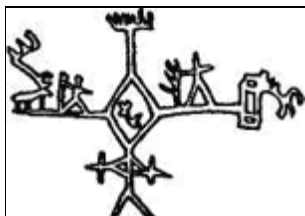

Рис. 43. Стилизованное изображение солнца на разукрашенном лапландском барабане.

Можно не сомневаться, что до попадания лапландцев под финноугорское влияние (которое можно заметить в их языке и в настоящее время) они поклонялись солнцу – *Бэй-ве*. Бог солнца часто изображался на магических барабанах как главная фигура среди менее значимых божеств.

В лапландской легенде говорится, что после создания Земли была послана *Маддар-акко* – «женщина и мать», – чтобы породить жизнь. Подразумевается ли здесь какой-то мистический союз Неба и Земли? Примечательно, что миф о таком небесном браке отсутствует у всех урало-алтайских народов, поэтому эта идея может происходить от подлинно лапландских верований. Женская фигура как дарующая жизнь отсутствует в финноугорских верованиях, хотя она заметна в палеосибирской, а также в чрезвычайно древней доисторической культуре ориньякской и магдаленской эпохи.

Высший бог отсутствует в современной лапландской религии. Возможно, охотники на северного оленя отвернулись от понятия небесного существа – фигуры, в их сознании смутно связанной с началом вещей, – и теперь полностью отдалились от суровой действительности сотворенного мира. С другой стороны, *Маддар-акко* до настоящего времени является в народной памяти живым символом. Традиция древних праздников, проводимых в ее честь, сохраняется до сих пор – например, в обрядах, соблюдаемых во время крещения детей.

Подобное мы можем наблюдать и у других арктических народов. Высший бог отвергается в пользу менее значительных богов. Жертвы приносят ему только тогда, когда все остальные обряды заканчиваются неудачей. Считается, что этот бог является отчужденной фигурой, никогда не прибегающей к активному вмешательству в людские дела. Его место заняли другие, более связанные с человеческим родом. Считается, что небесный бог статичен в противоположность динамичному человеку. Человек имеет свое бытие в жизни, он осознает свою собственную силу жизни в себе, и он окружен другими свидетельствами этого в животных и растениях. Так что постепенно небесный бог был забыт. Боги, которых нужно помнить, – это боги природы, которые, по-видимому, разделяют жестокую борьбу человека за свое существование. Человек начал чувствовать, что он больше не один, а скорее связан с вечным процессом развития и роста. Здесь – ключ к силе культов *Маддар-акко* и других богов природы. У лапландцев они никогда не теряли своего влияния, даже после окончательного упадка урало-алтайской культуры.

Среди богов природы главным, видимо, считалось солнце. Это космическое существо в стилизованной форме изображалось как нечто вездесущее, испускающее огонь и животворящие лучи. Солнечное божество, видимо, можно отождествлять с *Ибмел*; возможно, первоначально это был один и тот же бог, которому поклонялись в равной мере народы арктической зоны под различными именами. Так, *Юмала* у финнов, *Юме* у народа черемис, *Нум* у самоедов, *Хамуи* у айнов – все они означают «небо». У некоторых других арктических народов мы можем наблюдать добавление имени, означающего персонификацию этого бога. Таким образом, мы получаем *Нум-Турем* («Турем Небесный») у вогулов; *Нум-Сенке* у остяков с реки Иртыш, с тем же значением.

С другой стороны, лапландцы поклонялись антропоморфному богу, называемому *Ач-че*, «отец», который породил гром; иногда он изображается в виде птицы. Позже он стал отождествляться с Тором из германской мифологии, под именем *Тьер-мес*. Следует упомянуть, что слово *Ач-че*, которое встречается даже в славянском языке, по-видимому, указывает на связь с остальными арктическими и субарктическими народами и, как это ни удивительно, с некоторыми группами американских индейцев, обитающими дальше к югу. Например, пауни поклонялись всевышнему существу, которому они дали имя *Турава Атиус*, где Атиус соответствует слову «отец». Его символом, который присутствует в некоторых религиозных ритуалах, было птичье перо. Точно так же у чейенов и арапако бог грома изображается в виде птицы.

Кроме того, Тьермес, очевидно, имеет сродство с божеством вогулов и остяков – Торим и Турем, с Тура сиуваков, Тангра якутов, Тангери бурятов и Тенгере татар. По всей вероятности, оно распространялось на юг и в восточном направлении, предполагая связь, таким образом, с китайским Тянь и Та-мой некоторых американских индейцев.

Рис. 44 Бьегг-Олбмай, бог ветра, нарисованный на барабане.

Рис 45. Варалден-Олбмай, бог земли, нарисованный на барабане.

Ни одна другая сила природы не производит более глубокого впечатления на лапландцев, как ветер, который дует в тундре с невероятной силой. Считается, что ветер укрывается в пещере *Бьегг-Олбмай* – «Человека Ветра», – который выпускает его, чтобы участвовать в гонках по горам и болотам, следуя своим прихотям. Только шаманы имеют власть над ветрами, но сначала они должны связать их тремя узлами, что является великим подвигом даже для мага. Бьегг-Олбмая можно умиловать только в то время, когда ранней весной тает лед и когда северный олень начинает мигрировать в горы. Освободившись от ледяной корки, растения снова становятся зелеными и дают первые ростки, в то время как во всей сельской местности дует умеренный ветер *Рана-Ниеида*, который тщательно ухаживает за растущими цветами и растениями. Рана-Ниеида была дочерью Ач-че, которого стали называть *Радиен-Аттье*, то есть «отец, который повелевает». Его назначают первым лицом в троице и основателем довольно многочисленной семьи языческих божеств. У этого бога имеется супруга, *Радиен-Акка*, «женщина, которая повелевает» (второе лицо в троице, которое не следует путать с *Маддар-акко*, женщиной-творцом), и сын, *Радиен-Киедде*, – «сын того, кто повелевает», которого иногда называют *Коар-ве-Радиен* (буквально «тот, кто повелевает и имеет рога северного оленя»). Сын Ач-че часто именно таким образом изображается на барабанах шаманов. Когда лапландцы встретились с первыми миссионерами, они часто отождествляли (или путали) древних богов природы с персонажами христианской веры.

Луна, сначала называемая *Аске*, а затем у индоевропейцев – *Мано*, была важным божеством в древние времена, но позже утратила свое место в культуре. В этом отношении лапландцы далеко

ушли от самоедов, которые считали луну дурным оком Нум (солнце же было добрым), и от остальных сибирских народов, которые поклонялись луне как богине плодородия. Над землей правил *Варал-ден-Олбмай*, «Человек Земли», над водами – *Тьяс-Олбмай*, «Человек Воды». Подобным образом *Лейб-Олбмай*, «Человек Крови», властвовал над дикими животными и, в конечном счете, считался богом охоты, который распределял дичь по всем своим обширным территориям.

Некоторые божества принимали участие в процессе рождения людей. Радиен-Киедде дал Маддар-акко дух для ее сохранения. Маддар-акко некоторое время укрывалась в нем, пока дух не принял телесную форму. Затем она дала недолгую жизнь одной из своих дочерей, которую лапландцы называют *Сар-Ак-ка*, «женщина, которая вертится». Последняя укрывалась под очагом палатки или хижины и находила способ передачи ребенка, который должен родиться, женщине, живущей там. Все это происходило под бдительным наблюдением двух других женских божеств, *Укс-Ак-ка*, «дверная женщина», которая наблюдает за входом, и *Юкс-Ак-ка*, «женщина лука», которая берет под свою защиту младенца.

Были и другие божества. Лапландцы вырезали их изображения из древесины и устанавливали в укромных местах в лесу. Они также строили для этих божеств простые алтари, на которых совершали жертвоприношения. Франческо Негри, который посетил Лапландию во второй половине XVII в., утверждал, что ему удалось увидеть одного из этих «идолов»:

«Я увидел, что он был собран недавно, вместе с алтарем и подношением. Алтарь был сделан из многих смежных кусков древесины равной длины, поддерживаемых четырьмя другими в основании примерно в половину человеческого роста; идол был сделан из небольшого дерева бедолло, с ветвями и листьями, покрытыми землей, и вырастающим из нее стволом... На алтаре было подношение в виде целого рога северного оленя, прикрепленного к части черепа; они носили это, делая вид, что получили счастливый дар от северного оленя, и вместе со своими родственниками съедали его мясо».

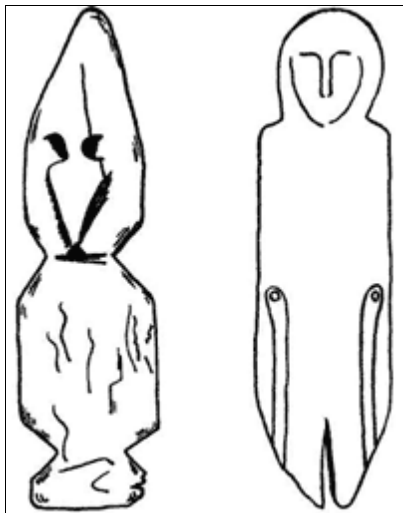

Рис.46. Две резные фигуры, вероятно идолы. Фигура *слева*, вырезанная из древесины, была обнаружена на территории СССР и имеет остякское происхождение. В настоящее время она находится в Национальном музее антропологии во Флоренции. *Справа* фигура, вырезанная из янтаря, доисторическая. Она была обнаружена в озере Куриш-Гафф, в области Юод-кранте, Литва

Глава 10 ОБИТЕЛЬ УМЕРШИХ

Церкви в Лапландии малочисленны и рассеяны по огромной территории. Тем не менее, в течение многих лет, когда это было возможно, лапландцы отвозили своих умерших на погост и, несмотря на длительную поездку, звали священника, чтобы он помолился за душу умершего.

Зимой, или в ходе весенних миграций на новые пастбища, или далеко в горах, когда церковь и священник находились вне досягаемости, лапландцы разбирали палатку умершего, оставляя жерди

на месте, и посередине разжигали костер, чтобы дым поднимался высоко над тундрой. Когда костер догорал, жерди снимали и привязывали их ко вьючным седлам северных оленей. Затем закапывали умершего в еще не остывший пепел. Иногда, если древесину можно было легко найти в этом районе (хотя на этой широте это редкость!), они оставляли жерди для палатки в земле. Поэтому могло случиться, что путешественник в горах наткнулся на признаки старого костра, окруженного четырьмя деревянными жердями. Можно было обнаружить и камень, под которым лежал лапландец, ушедший из жизни, чтобы соединиться со своими предками.

Эта практика отказа от обиталища человека вскоре после его смерти имеет особенно глубокие корни в российской Лапландии. За нею лежит глубокий и древний страх: умерших обычно винили в серьезных бедствиях, постигавших живых. В таких случаях советовались с шаманом. С помощью своего магического барабана он мог сообщить, который из духов умерших был виновен в какой-нибудь внезапной эпидемии или порождении какого-нибудь тяжелого семейного несчастья.

По-видимому, лапландская мать часто очень быстро оправлялась от потери сына. Будучи любящей его при жизни и предавшись отчаянию у его смертного одра, она испытывала страх от убеждения в том, что мертвые приносят несчастья живущим. Именно этот страх превосходил самое безутешное горе.

В некоторых частях Лапландии тело умершего поднимали на дерево – эта традиция до сих пор в обычаях у некоторых сибирских народов, например у якутов. Перед фактическим погребением, которое, таким образом, является второй частью погребального обряда, тело должно быть какое-то время подвергнуто воздействию природных стихий.

В давние времена лапландцы практиковали обряд, когда один из их числа присоединялся к тем духам, чей мир находился за пределами могилы, – этот мир лапландцы знали как царство *йабми-аимо*. Однако кажется несомненным, что они часто отказывались от умерших там, где те погибали, так же как самоеды нашего времени оставляют своих умерших в укрытой снегом тундре или, если те умерли в короткий летний сезон, волкам, комарам и москитам. Расставание с умершими таким образом – распространенный обычай почти у всех арктических народов. Мы знаем также о североамериканских племенах, которые оставляют своих собратьев, когда те всего лишь смертельно устали или ранены, чтобы они стали добычей шакалов и волков, которые бродят по великим равнинам, и огромным птицам – падальщикам. То же самое можно наблюдать у эскимосов и множества северо-восточных азиатских народов.

Есть стремление объяснить такое поведение народов по отношению к умершим или раненым следующим образом. Жадные волки Арктики наводили ужас на души живых: запах крови привлекал их на огромных расстояниях, по-видимому, они могли чують чью-то смерть. В таком случае кажущийся жестоким отказ от умирающих может означать не что иное, как защитную меру, никак не отражающую подлинных чувств понесших тяжелую утрату. В любом случае этот обычай не был характерен для большинства лапландцев.

Племя самоедов, как мы узнаем из древних хроник, некогда имело обычай отправлять всех умерших на остров Вайгач, где находилось настоящее кладбище. Они клали тело умершего в деревянный гроб, вырывали мелкую канаву, сверху добавляли земли или снега, а затем приносили в жертву северного оленя, череп которого устанавливали на колу. Постепенно остров превратился в сверхъестественный лес, образованный длинными, извилистыми рогами, возвышающимися над белыми и бесплотными черепами.

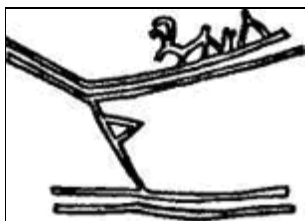

Рис.47. Рисунок на барабане, на котором изображен северный олень, отвозящий умершего в *йабми-аимо* – «мир за пределами могилы».

У некоторых более северных лапландских кланов был обычай хоронить своих умерших на островках в озере, глубоко зарывая их в землю. Другие по замерзшему озеру отвозили умерших на санях на островок, покрытый снегом. Там они оставляли и тело, и «гроб» (сани, на которых оно

перевозилось), не закапывая мертвого в землю. Для похорон специально выбирали северного оленя, который должен был быть послушным, с быстрыми и крепкими ногами. Его рога обматывали белой тканью, служившей в качестве похоронных украшений. Никто не смел останавливать кортеж или препятствовать его прохождению к священному островку, где предки, *саиво-олмак*, то есть «счастливые люди», проводили ночь, решая судьбу этого последнего прибывшего к ним. Подобные похороны свидетельствовали о том, что здесь снова был тот древний страх перед умершими: оставленный на небольшом участке земли, окруженной водой, умерший был не в силах воссоединиться с живыми в их палатках. Если это была зима, то он еще больше был отрезан от них, ибо, если северного оленя выпрягали из похоронных саней, умершие никогда не могли проделать свой путь через замерзшее озеро к его берегам. Поэтому их родственники могли пребывать в мире: никакое внезапное зло не могло прийти к ним с той стороны.

Народ тундры изобрел множество способов обрыва всех связей со своими умершими. Один из них – обряд в огненном кольце: присутствующие на похоронах, уходя, пересекают его, чтобы дух мертвых не мог их сопровождать. У некоторых других арктических народов этот страх перед умершими принимал еще более преувеличенные формы. В некоторых частях Северо-Восточной Азии существовало строгое табу на оказание помощи любому, кто упал в воду; более того, если тот сможет снова выбраться из воды своими силами, с ним никто не будет разговаривать. С ним обращаются так, как если бы он был мертв. Не считается ли у этих народов смерть своего рода инфекционной болезнью? Почему же тогда человека хоронят прежде, чем он испустил свой последний вздох?

У лапландцев есть множество общих черт в обычаях с их арктическими соседями, но они никогда не прибегают к крайностям такого рода. Лапландец, которого постигла какая-то неудача, всегда может полагаться на руку помощи от своего ближнего, каким бы тяжелым ни было его несчастье, насколько бы его жизнь ни была в опасности.

Некоторые лапландские группы, например сколты, которые живут на пограничной полосе между Финляндией и Россией, почти обожествляют своих умерших, не испытывая перед ними никакого страха. Когда они видят северное полярное сияние, они убеждены, что наблюдают Танец Умерших: духи умерших, покинув свои могилы, улетают в Арктику и там, собираясь в наивысшей точке неба, сплетаются в танце. Это верование имеет разные варианты: некоторые норвежские лапландцы утверждают, что полярное сияние – это морской мираж.

В августе 1945 г. в Тьялмеяуре, в районе Свайпа, Манкер сфотографировал камень странного вида, 2 фута 4 дюйма в высоту. Местная лапландская традиция утверждает, что он символизирует Тьялто-керке. Пятьдесят три года назад идол был удален отсюда и теперь вновь появился на предназначенном ему месте, которое знаменовало собой место древней лагерной стоянки.

Лапландцы никогда полностью не отказывались от представления, что камень, даже маленький, способен к проявлениям, которые могут показать его в ужасающем свете. Скала или камень не нуждаются ни в каких исключительных размерах, чтобы обладать силой, внушавшей лапландцам благоговейный страх. По их утверждению, были камни, которые перемещались древними ледниками не вниз, а вверх или загадочно передвигались с места на место; были метеориты, упавшие с неба, – бесспорный признак какой-то силы, не принадлежащей нашему миру. При случае этим камням в жертву приносился самый лучший олень в стаде, и, когда кровь животного стекала по камню, лапландцы опускались на колени и пылко призывали духов своих предков. Живые жертвовали лучшим своим оленем в надежде на то, что умиловленные боги избавят их от опасностей, которые таил в себе мир духов.

Длительная, трудная борьба со стихией развила у лапландцев особенно острую чувствительность. До нашего времени сохраняется представление о том, что некоторые камни являются «священными». В основе этого представления, как и многих других, лежит чрезмерное желание мира – мира для себя и для умерших. Погост предложил им этот мир, но только принятие христианства позволило им пребывать в спокойствии в древних сосновых лесах. Так что после долгого блуждания по долинам и болотам, после длительной борьбы за выживание лапландцы получают место своего последнего успокоения в тени небольших церквей, рассеянных по обширным пустыням их дикой земли.

Глава 11

КУЛЬТ МЕДВЕДЯ

Охота на медведя в Лапландии представляла собой особый ритуал, который вызывал величайший интерес у исследователей этого народа. Самые ранние миссионеры, с 1500-го по 1600 г. добираясь до безграничных северных лесов, застали этот ритуал в полном виде, и во многих районах, несмотря на полный переход от старых языческих верований к христианству, он сохраняется и поныне.

Лапландцы полагают, что медведь – это царь зверей. Возможно, это обусловлено тем, что медведь может стоять на задних лапах и напоминать стоящего человека. Объяснение может лежать также в вековой традиционной вере, согласно которой медведь является предком народа. Лапландцы утверждают, что это животное обладает разумом одного человека и силой девяти человек. Как же иначе могли шаманы, одетые в его шкуру, посещать любое из пяти небес, населенных богами, во что верили некоторые кочевые кланы.

Во всяком случае, согласно преданию, на медведя может напасть любое количество людей, и он не отступит, если среди охотников не окажется двух братьев. Тогда он убегает, ибо обладает какой-то странной способностью чують двух человек одной и той же крови, и поскольку один брат относится к жизни другого брата как к своей собственной, то опасность для преследуемого животного удваивается, так как ни один человек доброй воли не бросит брата в опасности.

Столь же высоким разумом наделяли медведя самоеды, айны и другие сибирские и североамериканские народы. Кроме того, считалось, что медведь вступает в мистические отношения с племенем. Иногда он рассматривался как оракул, который мог открыть семье, будет ли будущий ребенок мальчиком или девочкой. Лапландским женщинам запрещали охотиться на медведя, но они, как считалось, были рады встретиться с ним! Беременные женщины останавливались при встрече с ним в надежде на то, что медведь взглянет на них. Если он рычал, это означало, что женщина носила в себе сына, если «улыбался» – то дочь. Однако в Лапландии, особенно зимой, мужчины и женщины были одеты столь похожим образом, что едва ли можно было ожидать, что медведь распознает пол приближающейся к нему фигуры, не говоря уже о поле будущего ребенка. Женщины помогали ему определить свой пол, одергивая свои юбки.

Может показаться странным, что такое глубокое почитание медведя не мешало лапландцам охотиться на него. Они были вынуждены делать это из-за трудности добывания пищи. Охота на медведя сопровождалась сложным ритуалом. Он начинался с поиска медведя и не заканчивался до тех пор, пока не проходило несколько дней после того, как его удавалось убить.

Члены охотящейся группы встречались у палаток или хижин, нарядившись в одежды ярчайшего голубого цвета, с красными и желтыми украшениями, с браслетами на запястьях и нарисовав на руках священные символы. Затем они погружались в молчание, особенно стараясь не произносить слово «медведь», ибо тогда все их планы нарушатся и медведь разгневется прежде, чем придет время. Почти у всех примитивных народов мы обнаруживаем это суеверие – стоит произнести название духа или животного, и он тут же появится. Лапландцы – не исключение. Самое большее, что допускалось, было упоминание о «Старом Уне», или «Старых Лесных Яблоках», или о «Медовых Лапах». Ожидалось, что преследуемый зверь мог вступить в жестокую борьбу. Лапландцы изобрели метод охоты, благодаря которому человек был освобожден от обвинения в убийстве, ибо не наносил смертельного удара. Нападение планировалось на то время, когда животное только выходило из зимней спячки и все еще было в своей берлоге – в марте или апреле. За несколько дней до охоты вокруг берлоги по снегу прочерчивалось кольцо, обозначающее владение нашедшего берлогу; в некоторых районах такая берлога была предметом торга.

В берлогу незаметно входили наиболее смелые. Животное, возмущенное этим вторжением, вставало на дыбы, идя на своих врагов. Здесь его ждало множество *саи-те*, длинных, острых, обитых железом копий, которые и протыкали медведя, когда он бросался вперед.

Отправив на тот свет «мудрейшее» животное, охотники опускались на колени и просили у него прощения. Если все были целы и невредимы, они благодарили его. Некоторое время им не позволялось прикасаться к животному. При получении знака от руководителя охоты они вставали с хвалебной песнью радости и благодарности на устах. Затем, все еще напевая, охотники возвращались на лагерную стоянку.

Женщины, услышав отдаленный победный клич охотников, готовили им радушный прием. Они

раскрашивали лица красноватой пастой, полученной при жевании березовой коры, и начинали петь хором. Песни, которые они пели, имели у лапландцев различные названия, но это, как правило, были импровизации, подобно известным *юоигос*, большую коллекцию которых собрал Армас Лаунис примерно пятьдесят лет назад. (Эта коллекция представляла норвежскую и финскую Лапландию; песни шведских лапландцев были собраны Карлом Тиреном.) Возможно, это были версии чрезвычайно древних песнопений, вдохновленных мифом о медведе. До настоящего времени некоторые лапландцы утверждают, что они пелись на тайном языке. Мог ли это быть первоначальный дофинский язык?

Обратный поход людей возглавлял охотник, который первым выследил животное до его логовища. Он нес копье, на которое накололся медведь. На его наконечнике было надето магическое кольцо, обычно медное. Когда мужчины достигали лагеря, женщины внезапно смолкали. Только собаки, которые принимали участие в охоте, все еще возбужденно лаяли. А затем следовал ритуал, который имел смысл очищения и возрождения. Если лапландцы считали медведя диким существом, странно связанным с племенем (чем-то очень близким к перевоплощенному предку), то теперь, когда они убили его, они фактически становились участниками смерти этого предка. Поэтому выживание всего сообщества подвергалось опасности и следовало прибегнуть к очищению.

После возвращения в лагерь охотники входили в свои хижины не через откидные входные заслонки, а с противоположной стороны: они вползали под кожей позади *боаш-шо*. Женщины входили обычным способом. Все снимали свои головные уборы. Теперь мужчины кланялись обнаженной головой, чтобы получить от женщин плевок слюной с пережеванной березовой корой. Собакам также плевали на голову, а затем привязывали их к жердям палатки медными цепями.

Какое объяснение лежит в основе этого обряда? Какое значение мы можем придавать цветовому фактору – красной пасте, которой женщины обмазывали свои лица, плевку красного цвета, который получали мужчины и собаки? Можно только предполагать, что эта практика восходит к тому времени, когда североевропейские охотники обычно обрызгивали павшего товарища красной охрой. Придавая этот цвет умершему, они стремились восстановить его жизнь. Мы знаем, что в некоторых странах этот обычай продолжался до конца бронзового века. Если мы действительно имеем здесь дело с каким-то реликтом древних обрядов, то значение красной пасты из коры березы станет достаточно ясным; охотники убивали животное, с которым они чувствовали себя странным образом связанными; поэтому их самих касалась его смерть. Момент убийства отмечался триумфальными криками мужчин. Женщины, остававшиеся дома, услышав эти крики, считали, что смерть коснулась теперь не только их мужчин, но и их тоже. Именно поэтому в этот момент они обмазывали свои лица красным. Это был обряд возрождения. Совершив это, они снова входили в палатку привычным образом. Поскольку женщины ждали мужчин, что-бы поприветствовать их у каменного очага, то они некоторым образом персонифицировали творящую богиню Маддар-акко. Теперь Маддар-акко, через свою дочь Сар-Ак-ку, которая жила под каменным очагом, получала право дать жизнь. Ради получения этого блага люди стояли с непокрытой головой. Женщины обновляли им жизнь, выплевывая на их голову слюну цвета жизни. Собаки, верные товарищи северных мужчин, также получали знак возрождения.

Трудно объяснить значение следующей стадии ритуала. Женщины смотрели на мужчин через небольшие кольца из отполированной меди, все время поддерживавшие откидные створки палатки, через которые они стремились выйти. Эти кольца были на копьях тех охотников, которые первыми напали на след медведя. Имели ли они какую-то аналогию с кольцом, прочерчиваемым вокруг логовища медведя и устанавливающим право на охоту? А может, это были половые символы, какие, например, используют многие примитивные народы? Для амулетов, которые часто носили в качестве защиты от бесплодия или смерти, были характерны формы круга и ромба.

На следующее утро после того, как охотники благополучно приносили мертвого медведя в лагерь, повторялся обряд предыдущего дня. После этого начинались празднества. Каждый ел свою порцию, причем с большой осторожностью, чтобы не сломать одну определенную кость скелета, для которой, в конце концов, вырывали могилу. К ней приставляли человека, который объявлял: «С пришествием следующей весны ты снова воскреснешь, будешь бродить по холмам и спать в миртовом ложе. Прости нам теперь, забудь, что мы убили тебя. Однако не мы тебя убили. Это было оружие, которое было в наших руках».

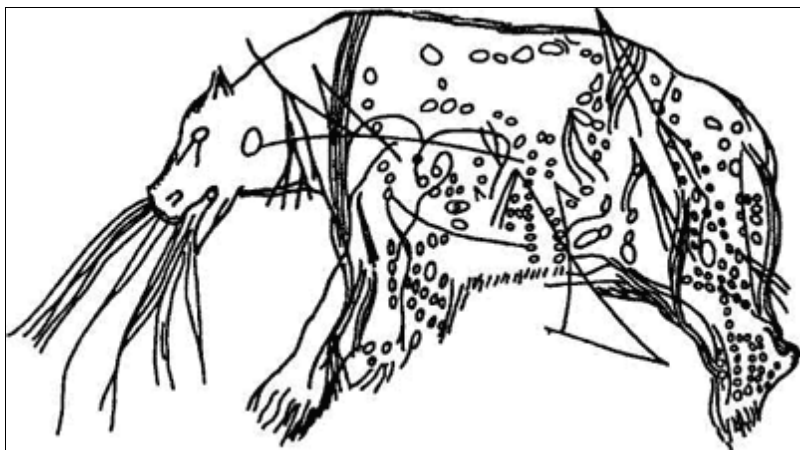

Рис.48. Раненый медведь; доисторический пещерный рисунок в Ле-Труа-Фрер, Арьеж, Франция.

В течение целого года ни одной женщине не позволялось ездить на санях, на которых привезли медведя. Если она ослушается, то станет бесплодной – убедительное доказательство связи человека и медведя.

Считалось, что даже северный олень, который вез эти сани, был под воздействием проклятия медведя. В течение целого года женщинам запрещали ездить позади этого оленя. Почти такое же табу накладывалось и на самих охотников: в течение трех дней они не должны были общаться со своими женами, а тот мужчина, на чье копье накололся медведь, – в течение пяти. Считалось, что убийство медведя могло оказать негативное воздействие на репродуктивные способности женщин.

Рис.49. Два изображения медведя: слева– рисунок на лапландском барабане; справа– наскальный рисунок у инбага, Афьорд, Норвегия.

Подобным же образом и сибирские охотники не прикасались к убитому медведю. Они танцевали вокруг него в масках из коры дерева или вырезанных из древесины. Такой же ритуал был одно время принят и у лапландских шаманов. Наглядное доказательство того, что подобные обряды были широко распространены, дают пещерные рисунки в Ласко и в Ле-Труа-Фрер в Арьеже в Пиренеях. На одном из них среди животных танцует фигура ведьмы в красном и черном, в маске и с рогами, на другой – фигура в полностью черной маске. Сам медведь показан на рисунках на стенах в Ле-Труа-Фрер.

Глава 12 ШАМАНЫ И БАРАБАНЫ

В древние времена и вплоть до конца прошлого века охоте на медведя предшествовал определенный обряд. Один человек играл исключительно важную роль в обеспечении ее успеха. Это был шаман (если употреблять лапландское слово, *ноаи-дэ*). Присев на корточки перед своей палаткой, он бил в барабан – символ, присущий издревле лапландской культуре. Шаман был человеком, который вступал в отношения с духами. Лапландцы обращались к нему, чтобы между духами и реальным миром могла быть установлена гармония. Короче говоря, шаман был посредником между человеком и его богами.

Мы не можем сказать, в какое время лапландцы начали обращаться к барабану с целью предсказания или для связи с духами и божествами. Мы только знаем, что примерно в 1500 г. миссионеры неустанно выискивали следы таких культовых предметов, которые они стремились отправить на костер как носителей греха и гибели.

До того времени как барабан стал исключительной принадлежностью шамана, вполне

возможно, что у каждого главы семьи был свой собственный барабан с нарисованными на нем магическими знаками и рисунками. Но до 1500 г. или около того мы не располагаем никакими сведениями о существовании барабанов. Поэтому мы должны задаться вопросом: имеем ли мы здесь дело с ветвью магического культа, который сравнительно поздно достиг Лапландии благодаря шаманским религиозным верованиям азиатских народов, или же в жизнь лапландцев внедрились искупительные обряды, которые в Европе, вплоть до средней палеолитической эпохи, сопровождали охоту.

Ответить на этот вопрос невозможно. Не только археологические открытия не приближают нас к разрешению загадки, но и древние авторы, писавшие о Лапландии, молчат об этом предмете.

Магический барабан обнаруживается у арктических охотящихся народов, которые распространены на обширной территории, в особенности у народов Сибири и Северной Америки. В этих регионах сохранилось множество магических барабанов, и нас сразу же поражает огромное сходство между алтайскими и лапландскими типами барабанов.

Можно выделить четыре типа магических барабанов в соответствии с корпусом. Он может быть изготовлен из одной полосы древесины, достаточно гибкой, чтобы ее можно было согнуть в правильный круг; из природного древесного круга – более редкий вид; из двух полукруглых кусков дерева; или, наконец, это может быть чашеобразный корпус – возможно, более распространенный вид в Норвегии и Швеции, чем в других местах.

Первый тип, вместе со вторым, обнаруживается только в более южных регионах шведской Лапландии. Третий – корпус, сформированный из двух половин, – обычно изготавливали в восточных частях Финляндии, то есть от района озера Инари до Кольского полуострова. В Финляндии барабан был известен как *каннус*, в то время как в других местах использовался термин, применявшийся к барабанам, имевшим цельный корпус, – *гивре*, означавший «кольцо». Чашеобразный барабан назывался *кобдес*.

У этого последнего вида было две рукоятки, вырезанные в основании. Другие были оснащены небольшой ручкой. Для этих барабанов использовалась кожа очень молодого северного оленя; на ней были нарисованы знаки и фигуры, изображавшие силы природы и сцены охоты. Кроме того, миссионер Кнуд Леем узнал на кожах этих барабанов рунические символы, занесенные готическими жителями Южной Швеции с Востока. Эти руны, если употреблять это саксонское слово, означающее «тайна», были своего рода знаками, образующими алфавит. Руны пересекли Дакию, Паннонию и Германию, оказавшись за пределами Балтики, на скандинавской почве. Эти знаки рисовали или вырезали на надгробных плитах или памятниках.

Рис.50. Барабанные палочки, сделанные из рогов северного оленя.

Шведский лингвист Агрелл открыл, что они также использовались в связи с магическими ритуалами: у каждой руны было свое числовое значение, имеющее некоторое отношение к различным духам, обитавшим в воде и под землей, а также к духам умерших.

Для биения по барабану шаман использовал небольшую палочку или жезл с изогнутым зубцом, сделанный из рога северного оленя и называемый *ветьер*. Он имел поразительное сходство с одним из так называемых «жезлов повелевания», обнаруженных в палеолитическом слое на Арене Кандид в Лигурии, в Басс-Пиренеях, в Дордони, в Арьеже и других местах.

Рис.51. Шаман со своим священным барабаном.

Кусок древесины или кольцо накладывали на сильно натянутую кожу. Когда в барабан били, этот предмет подскакивал над магическими знаками и рисунками. Внезапно шаман переставал бить в барабан. На основе того знака, на котором застывало кольцо или кусок древесины, он производил гадание. Небольшие «кости» назывались *арпа*. Согласно Манкеру, в некоторых регионах это отождествлялось с гаданием по скачущей лягушке.

На поверхности этих барабанов изображались божества, сцены охоты и рыболовства – аспекты повседневной жизни. Часто встречается бог солнца Бэй-ве, символизируемый кругом или ромбовидной формой, из которой исходят длинные лучи. Были и другие божества, например бог грозы или «Человек Ветров». Иногда, особенно на барабанах скандинавского типа, кожа была разделена на части – до пяти, которые должны были изображать части вселенной. В дополнение к троице, образуемой Радиен-Ач-че, Радиен-Ак-ка и Радиен-Киедде, изображаемой на верхней части барабана, были и многие другие: мифологический мир лапландцев был очень населенным. Мы обнаруживаем Укс-Ак-ку, покровительницу дверей хижины; Юкс-Ак-ку, женщину лука и хранительницу детей; фигура верхом на лошади, называемая Рота, представляет смерть. Это божество было отражением влияния германского мифа и иногда отождествлялось с Одином; Маддар-акко также была нарисована на барабанах, хотя не на почетном месте, которое сохранялось для Бэй-ве. Все эти фигуры были четко отделены друг от друга: фактически они жили, если можно так выразиться, на отдельных площадках, так что, когда арпа замирала на месте, с прекращением барабанного боя, должно было быть ясно, на какой фигуре она остановилась.

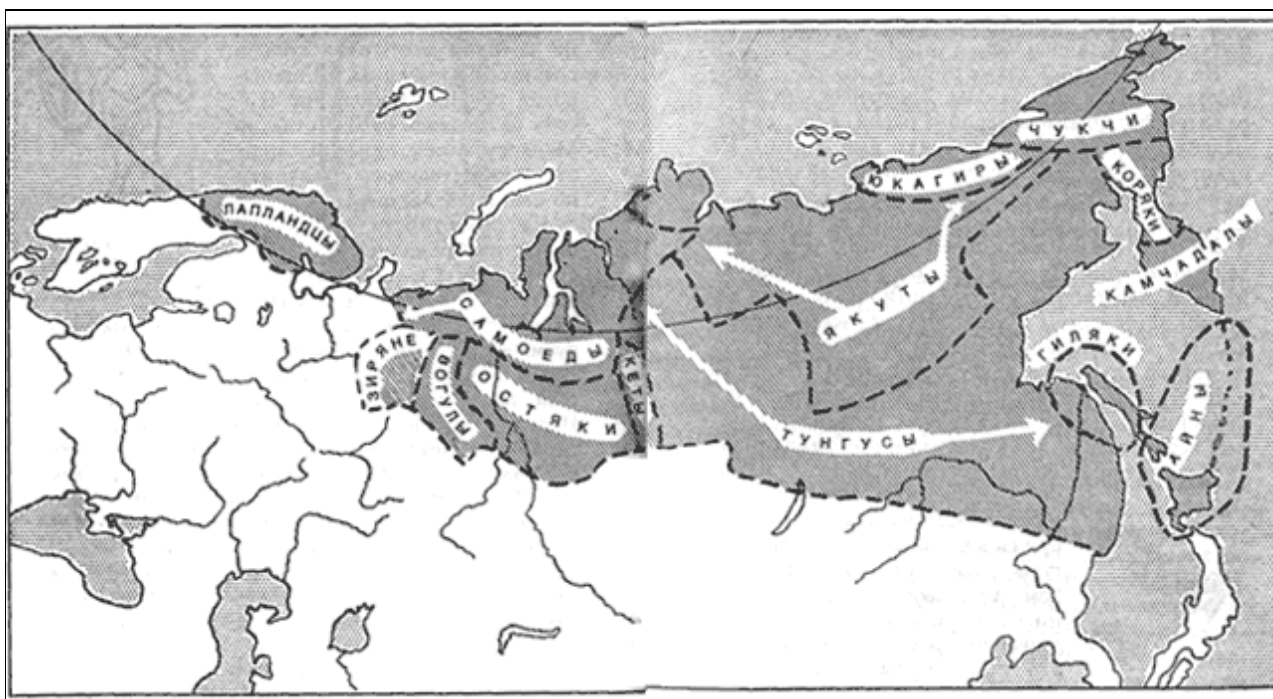

Рис.52. Карта, на которой показаны регионы, занятые арктическими народами Евразии.

На коже имелись также рисунки людей – охотников, рыбаков или шамана. Животный мир изображался фигурками северного оленя, лося, волка, медведя, барсука. Были рисунки рыб и птиц.

На некоторых барабанах изображались лапландское жилище (хижина), загон для северного оленя, ньяля и даже лук, стрела и жертвенный алтарь.

На этих барабанах оживает картина всего лапландского мира. Их значение для ученых огромно. Манкер, чьи работы мы уже цитировали, стал ведущим авторитетом в этой области, все интересующиеся культурным развитием этого арктического народа глубоко в долгу перед этим шведским этнологом-первооткрывателем. Художественно исполненные рисунки на барабанах дополняют научные исследования, поскольку они отображают стадию развития культуры северных народов между палеолитическим натурализмом и стилизованными упрощениями бронзового века. Небольшие фигуры, расписанные красным цветом, чаще всего стилизованны, но от этого они редко лишены ощущения жизни и движения, и это придает им поразительное сродство со сценами, расписанными палеолитическим человеком. Например, северный олень никогда не изображается статически, художник стремится показать его в динамике, в движении, характерном для этого животного.

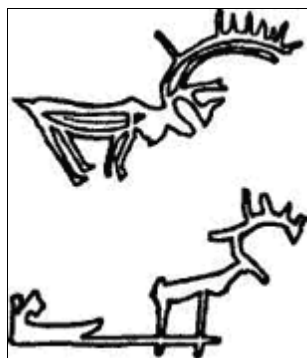

Рис.53. Два северных оленя, изображенные на барабане: *вверху* – крупный самец, *внизу* – животное, которое тащит сани в форме каное.

Однако истолковать рисунки нелегко. Мы знаем только, что шаман устанавливал какую-то связь между ними и силами природы, а затем основывал свои пророчества на капризах арпы.

Функция шамана у лапландцев соединена с культами, практикуемыми во всей Северной Азии кочевыми племенами животноводов, и имеет много точек соприкосновения с религиозными обрядами эскимосских племен и с наиболее древними обычаями некоторых групп североамериканских индейцев.

Шаманский культ, со всеми сложностями его пророчеств и призывных обрядов, должен был соответствовать мировоззрению древних лапландцев, которые, в свою очередь, должны были в психологическом отношении быть готовыми к восприятию магических заклинаний. К шаманству допускались избранные, к тому же прошедшие период обучения.

Первые шаги к приобщению были достаточно простыми. Какому-нибудь мальчику мог присниться странный сон, в котором он слышал голоса духов. С приходом утра он рассказывал об этом отцу. Отец, придя в восторг, отводил его к шаману, который объявлял, что мальчику, когда тот спал, был явлен знак от богов. Мальчик обращался к старому шаману со словом приветствия, которое показывало надлежащее уважение к тому, кто столь высоко ценился в клане, после чего отец оставлял сына на попечение в священном жилище.

Первое, что узнает мальчик, – это то, что одна часть «я» может достигать освобождения во время сна и что он должен держать эту духовную сторону в страхе. Затем его учат фразам, подчеркивающим хрупкую природу тела и великую силу духа. Мальчик узнает, как Ибмел создал первого охотника, а его сыновья – из плоти и крови женщины-творца Маддар-акко, которая при помощи своей дочери заставила их войти в тела лапландских женщин. По-видимому, лапландцы полагали, что каждое живое тело было неотъемлемой частью тела созидającego существа, частью, которая должна когда-либо снова составиться так, чтобы могли возникнуть новые поколения людей.

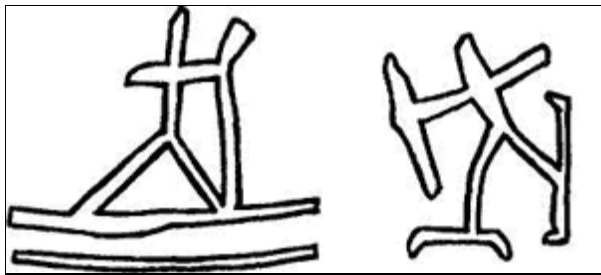

Рис.54. Два лыжника, изображенные на барабанах.

Новичок, находящийся на попечении шамана, видимо, мог иметь заметную склонность к болезненным сновидениям, сопровождаемым галлюцинациями, и быть особенно подверженным той «арктической истерии», которая, по-видимому, приносилась неистовыми ветрами и постоянными северными бурями, а возможно, также углубляющимся оцепенением сознания, которое вызывается длительным периодом неподвижности.

Здесь была основа для воспитания характера шамана. Требовалось только очищение посредством наставлений, одиночества, поста, возбуждающего спиртного или наркотиков, танца и физического заточения. Ученики под влиянием наставлений вскоре приобретали аскетический вид. Они вели уединенную жизнь, и, как только обретали искусство предсказания, их собственная потребность в возбуждении заставляла их непрерывно бить в барабан.

Шаман бьет в барабан, чтобы достигнуть состояния духовной экзальтации, моля божество, чтобы оно вошло в него, ввело его в состояние созерцательного экстаза. Через некоторое время у него изо рта начинает идти пена, он испускает ужасные стоны. Иногда он становится жертвой судорог, во время которых он, по-видимому, борется с непримиримыми врагами. Затем следует абсолютно спокойное, бессознательное состояние, которое может продолжаться в течение всего дня. Когда шаман впадал в транс, он начинал говорить.

Теперь никто не смел прикасаться к священному барабану, и становилось совершенно тихо. Шаман предсказывал течение охоты на медведя, рассказывал слушающей толпе, какая будет охота на других зверей и каковы перспективы рыболовства, принесет ли приближающаяся зима много снега; отелится ли северный олень во время таяния льда; подкосит ли болезнь племя и кого из недавно умерших следует обвинить в ужасных несчастьях.

В Лапландии, как и в Сибири и в Северной Америке, шаманы получили известность своей способностью к так называемому «ясновидению», приходящему к ним в состоянии возбуждения после биения по барабану. Случалось так, что шаман мог сидеть спокойно рядом со своей палаткой и вдруг без какой-то очевидной причины он поднимал голову, как будто услышал голос, зовущий его издали. Затем он вставал и начинал идти, по-видимому направляемый какой-то сверхъестественной силой. С этого момента ничто не могло его остановить, пока он не завершит длинный путь, в ходе которого не будет ни есть, ни пить. Затем, так же внезапно, как он начал движение, шаман останавливается, бормоча слова, которые никто не понимает. Это сопровождается бессознательным состоянием. В конце транса он может объявить следующим за ним, что в таком-то районе, в деревне за много миль отсюда люди умерли от странной болезни или что стадо дикого северного оленя или семейство медведей спускается к лагерной стоянке. И люди его клана имели достаточно возможностей для того, чтобы убедиться в правдивости таких утверждений.

Миссионеры три столетия назад, пробиваясь к самым северным фьордам Норвегии, были первыми, кто дал подробное описание шаманских обрядов, которые совершались в горах или на какой-нибудь лесной поляне. Им же мы обязаны сведениями о древних лапландских легендах.

Глава 13 НЕКОТОРЫЕ ЛАПЛАНДСКИЕ ЛЕГЕНДЫ

ДВА БРАТА

Лапландцы рассказывают, что вначале Ибмел, бог богов, сотворил двух братьев. Они жили

вместе в стране гор и болот. Зима была не слишком суровой. Затем появился первый буран, угрожая похоронить этих двоих людей. Один из них быстро смекнул, что делать: он нашел в горах пещеру и скрывался там, пока не закончилась буря. Его брат остался под открытым небом, упорно борясь за жизнь. От него произошли лапландцы, выбравшие для своей страны самую холодную землю. Тот, кто нашел укрытие, был предком южан.

УЛДА

Мир лапландцев населяли не только злые духи. Были также и Улда, в некоторых местах известные как Халде. Это были добрые духи, они заботились о медведях, когда те впадали в зимнюю спячку, обеспечивая их свежей пищей. Улда жили под землей и в озерах, которые считались *саиво* –счастливыми. Лапландцы были убеждены, что каждое место, где были похоронены их сородичи, было саиво. Улда ездили на санях, запряженных белыми северными оленями с тысячью серебряных колокольчиков, и их сопровождала стая собак, которые выли не переставая, особенно ночью, когда какая-либо хозяйка не позаботится о том, чтобы Улда расположились на поверхности земли, около стоянки живых людей. Люди, которых Улда действительно любят, имеют черные волосы и острый язык. Однажды эти Улда поднялись наверх из недр земли, подошли к ближайшему лапландскому лагерю и унесли детей, оставив взамен своих собственных (сказать по правде, довольно уродливые маленькие существа).

Наступило утро. Лапландская мать увидела, какую злую шутку сыграли Улда. Что же делать? Она сорвала несколько ветвей можжевельника и выпорола маленьких пришельцев. Женщины Улда не могли не услышать жалобных криков их собственных детей, поэтому они отдали украденных. Но впредь ради безопасности лапландская мать вешает нож рядом с маленькой колыбелью сыновей или иглу – рядом с колыбелью дочерей.

У чукчей также есть подобные рассказы. Однако их подземные существа являются своего рода мышами, которые разъезжают на санях, сделанных из травы. В отличие от Улда они охотятся за головами. Они, как и их подземные лапландские собратья, тесно связаны с шаманом. Являясь тому в сновидениях, они шепчут ему тайные средства исцеления больного. Шаман может многому научиться у них: бить в священный барабан, выбрать лекарственные травы, предсказать погоду, оценить возможности охоты, найти хорошие пастбища лишайника и определить наилучшее время для поиска нового стойбища.

Некоторые Улда жили в горных озерах и были чем-то сродни эльфам и гномам, которые встречаются в фольклоре многих народов. Эти Улда были очень суевливыми и раздражительными маленькими существами, и люди должны были считаться с их капризами. Например, рыбаки, плававшие по спокойным северным озерам, должны были бросить монету в воду, чтобы умиловить Улда, которые обитали в глубинах и при желании могли помешать хорошему улову. В конце концов, на дне озера собиралось довольно много мелких монет, *ёре*, и в ответ Улда могли проявить к человеку благосклонность: шепнуть женщине, собирающейся стать матерью, или ее шаману наилучшее имя, которое можно дать новорожденному ребенку. Они могли сделать богатыми.

Часто в ночной тишине пастух северного оленя мог услышать цокот копыт стад Улда, проходящих под каким-нибудь склоном. Если бросить кусок железа в их направлении, то олень Улда превратится в настоящего северного оленя, которого пастух может получить в свое владение.

Однажды один лапландец встретил в горах прекрасную молодую женщину. В порыве чувств он взял свой нож и бросил его над своим плечом. Девушка стала его возлюбленной, и он женился на ней. Он научил ее своему языку, и она рассказала ему, что стояла в том месте, где можно получить великое богатство, и убедила его пойти туда. Но прежде молодой человек должен был лечь, положив голову на ее колени, держа глаза закрытыми, и попытаться заснуть. Все это он проделал. Вскоре, услышав сильный топот копыт северного оленя, он открыл глаза. Стадо было настолько большим, что нельзя было увидеть, где оно заканчивалось. Но в тот же момент юноше стало ясно, что если такое богатство станет его, то он навсегда останется в повиновении у своей жены и не сможет делать ничего без ее приказа.

ГИГАНТ СТАЛО

Из всех чудовищ и гигантов, которые жили в далеких лесах Лапландии, самым могущественным и огромным был Стало. Его женой была Лутакис. С ее плеч свисала колыбель, в которой было несколько ужасно надоедливых детей. Молодые члены этой семьи имели в центре лба один-единственный глаз, что отличало их от нормальных лапландских детей. Однако очень немногие лапландцы боялись Стало. В старинных преданиях они всегда высмеивают его. Однако Стало служил одной полезной цели – им можно было пугать непослушных детей. Он был старей-старый великан-людоед, который наблюдал за всем, что делал ребенок, и мог появиться из ничего всякий раз, когда это ему заблагорассудится. Лапландцы рассказывали своим детям, что Стало и Лутакис (в некоторых местах Рутакис) были не только поедателями ящериц, но и похитителями детей, которых они запирают в загоны, как северных оленей.

Каждый раз, когда лапландцы покидали место стоянки, они заботились о том, чтобы оставить для Стало воды. Тогда людоед остановился бы напиться воды, что помешало бы ему нагнать семьи, которые мигрировали за северным оленем. В некоторых регионах Швеции лапландцы полагали, что Стало охотился за человеческим мозгом. Он и его жена, особенно во время Святков, искали какого-нибудь молодого человека, чтобы убить его.

Однажды гигант наблюдал за несколькими лапландскими детьми, спускавшимися на лыжах с холма. В голову ему пришли дурные мысли. Он взял какие-то сети и сделал западню, чтобы поймать детей. Но их отец обладал острым зрением и вовремя увидел Стало. Поняв, какую беду детям готовило чудовище, он, ни секунды не колеблясь, погрузился в ближайшее болото. Надлежащим образом промокнув, он позволил поймать себя в сети, которые Стало предназначал в качестве ловушки для его детей.

Гигант обнаружил сеть полной движущимися цветными пятнами – это был лапландец в своей яркой разноцветной одежде. Но к тому времени, когда Стало вынул его из западни, его тело замерзло. Стало торжественно понес его к хижине, где его жена готовила ужин. Лутакис схватила лапландца и подвесила его над огнем, чтобы тот оттаял. Стало начал искать кастрюлю, чтобы в ней сварить его. Тем временем его сын заметил, что лапландец оправился: он двигал глазами и шевелился. Сын Стало позвал свою мать, однако внезапно лапландец соскользнул с веревки, на которой висел, и ударил сына Стало по голове, повалив его. Затем настал черед его матери. На шум явился Стало, который тут же был ослеплен кипящей водой из котла. Теперь лапландцу не представляло никакого труда убить также и гиганта, после чего он возвратился живой и невредимый в свою хижину.

ОСЛЕПЛЕНИЕ СТАЛО

У истории ослепления Стало есть варианты, которые напоминают гомеровскую историю ослепления Полифема Одиссеем. Вот одна из наиболее известных.

Молодой лапландец, потерявшись в непроходимом лесу, набрел на хижину, где жил гигант Стало. Хозяин принял гостя и предложил ему присесть у огня. Однако вскоре лапландец уловил в глазу гиганта злобный огонь. Предупрежден – значит, вооружен, и гость тут же придумал план.

«Если я посмотрю в огонь, – сказал он, – я увижу золото и серебро».

Стало удивился.

«Ничего странного в этом нет, – ответил лапландец. – Любой может увидеть то, что я вижу. Все, что он должен сделать, – это вложить в свой глаз немного свинца».

«Это все, что нужно сделать?» – спросил Стало.

«Да, конечно», – сказал хитрый молодой лапландец.

Стало минуту подумал. Затем сказал:

«Ты должен вложить немного свинца в мой глаз».

Молодой лапландец попросил, чтобы тот лег. Затем, после того как он расплавил немного свинца, он влил его в глаз гиганта. Стало взвыл и завизжал, и земля под ним затряслась. Вскочив на ноги, он понял, что полностью ослеп. Мало того, что он не мог увидеть никакого золота и серебра, он не мог увидеть никакого огня! Он попытался схватить лапландца, но, разумеется, лапландец без труда увернулся от его рук. Стало подумал, что пришла его очередь проявить немного хитрости.

«Выгони коз», – сказал он, занимая место у двери и расставив ноги.

Чтобы выйти из хижины, козы одна за другой должны были пройти мимо гиганта, и Стало ощупывал их ругами.

«Теперь козел», – скомандовал он.

Последнего козла лапландец убил, натянул на себя его шкуру и на четвереньках прополз между ногами великана.

«Отлично, – сказал великан, – теперь иди ты».

Но молодой человек был уже за пределами хижины и весело кричал:

«Я уже ушел».

Стало почувствовал себя побежденным. Только его сыновья, казалось ему, могли теперь взять верх над этим хитрым гостем. Он попросил лапландца, чтобы тот сообщил ему свое имя.

«Конечно, я скажу тебе, – ответил лапландец. – Мое имя – Я сам». И как только он сказал это, тут же убежал. Когда вошли сыновья Стало, они увидели, что их любимый козел был мертв. «Кто убил нашего козла?» – спросили они разгневанно.

«Я сам», – ответил Стало. После чего на него напали его сыновья и убили его.

Часть Четвертая КТО ТАКИЕ ЛАПЛАНДЦЫ?

Глава 14

ПРОБЛЕМА ЛАПЛАНДСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

До недавнего времени считалось, что лапландцы монголоидного происхождения. В поддержку этой теории этнологи до сих пор указывают на расовые характеристики. Однако в свете современных знаний преобладает точка зрения, что лапландцы, один из древнейших существующих народов, происходят от большой ветви первичных североевропейских народов.

Линней может считаться первым исследователем лапландских истоков. В своем «*Iter Laponicum*» он писал, что не обнаружил ничего общего между ними и какой-либо другой группой северных народов. Будучи частым посетителем лагерных стоянок и всегда желанным гостем во многих семьях, он имел возможность наблюдать жизнь лапландцев своими глазами. Линней оставил нам книгу о своих путешествиях, а также свой портрет в лапландском костюме – в кожах северного оленя, со священным барабаном, прикрепленным к поясу. Иллюстрации в его книге представляют большой интерес. Они дают нам точную информацию о многих лапландских обычаях и традициях. Линней, к сожалению, недолго продолжал эти исследования, принявшись затем за свою великую работу по систематизации естествознания, принесшую ему мировую известность.

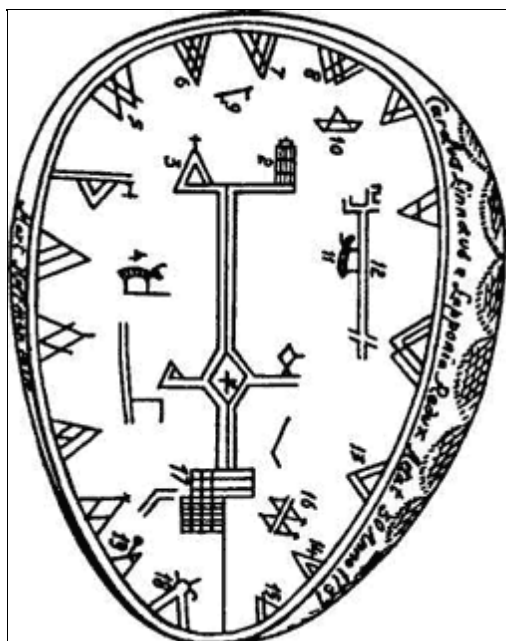

Рис.55. Барабан шамана со знаками анимистического культа.

Только через семьдесят лет этот вопрос снова был поднят немецким натуралистом Иоганном Блюменбахом. В книге, изданной в 1804 г., он разделил народы земного шара на пять основных рас; во второй группе под названием «монгольские виды» он поместил лапландцев, вместе с финнами и палеоазиатами. Это вызвало ожесточенные споры. Официальная наука того времени не приняла во внимание теорию Блюменбаха и не сделала никакой попытки продолжить антропологические исследования в указанном им направлении.

Значительно больше сторонников получила теория восточного происхождения лапландцев, не в последнюю очередь за наличие в ней некоторой романтической привлекательности. Так, через много лет, в 1886 г., швед Свен Нилссон сделал упор на общие телесные характеристики (возможно, менее очевидные, чем казалось ему). По его мнению, северные кочевники, должно быть, пришли с востока Урала, возможно, с алтайских долин Центральной Азии. Это означало труднейший переход по степи, тундре и горам. По теории Нилссона в результате этой миграции они оказались в Европе примерно в то время, когда отступил ледник. Однако к концу последнего ледникового периода народ, который мы можем назвать палеоарктическим, уже жил на границах оледенения и, по всей вероятности, пришел из более южных регионов континента, которые он уже населял, то есть из Европы. В связи с этим было бы интересно исследовать любые расовые связи между охотниками за северным оленем и некоторыми изолированными этническими группами, которые остались незатронутыми приблизительно на линии, представляющей первоначальную границу оледенения. Западные Карпаты, Черный Лес, некоторые регионы Центрального горного массива во Франции и швейцарский Оберланд населяют чрезвычайно древние народы – альпийского типа, как он теперь называется.

Во всех этих регионах археологи обнаружили следы культуры охотников на северного оленя. Но в 1886 г. антропологические исследования проходили в любом другом направлении, но только не в этом. В одной теории утверждалось, что лапландцы не вполне сохранившийся расовый тип: было модным описывать их как народ, который вступил в стадию патологического вырождения. Немецкий ученый Р. Вирхов пришел к такому выводу после исследования группы лапландцев в 1875 г. «Они худощавы, – писал он, – и имеют так много морщин, особенно на лице, что молодые люди выглядят совсем старыми. Из-за тонкой жировой ткани кожа имеет тонкое строение, весьма редкое в других европейских лицах. В области рта, где у других народов мужчины не меньше, чем женщины, обладают значительной жировой тканью, кожа у лапландцев сморщенная, подобно старой открытке. Мне кажется, длительные периоды недостаточной и неадекватной пищи оказывают аналогичное влияние на весь организм, так что в итоге лапландцы могут рассматриваться в расовом отношении как патологический образец...»

Трудно, однако, согласиться с подобной точкой зрения, согласно которой лапландцы – выродившиеся потомки некоторого первоначального истока, если учесть, что в течение, по крайней мере, 5000 лет они продолжали существовать в невероятно суровых условиях, которые только способен вынести человек.

Английский авторитетный ученый Кин, немецкий ученый Велкер и другие настаивали на восточном происхождении лапландцев. Некоторые утверждали, что древние охотники на северного оленя, который мигрировал с юга, вообще стали самоедами, а не лапландцами. Последние же были сведены до самоедского племени, которое в отдаленные времена ушло на запад, далеко от места обитания первоначальной группы. Были и те, кто считал Урал родиной отколовшейся группы. Но все эти исследования были бессильны доказать что-либо определенное. Самоеды, несомненно, принадлежат к домонголоидному истоку, который получил примесь чисто монгольских элементов. Юлиус Коллман отмечал у самоедов такие черты, как широкое лицо, раскосые глаза и чрезвычайно плоский нос, который как бы почти полностью отсутствует, за исключением нижней области, где расположены ноздри. Жировая ткань нависает до нижнего века, придавая лицу припухший вид. Это очень далеко от внешнего вида типичного лапландца. Кроме того, у лапландцев каштановые волосы, переходящие в черные; у самоедов – лоснящиеся черные волосы. Также нельзя доказать самоедское происхождение старолапландского языка.

Француз Поль Топинар достиг поразительных результатов в ходе проведения нескольких антропологических исследований, используя особый метод: он свел в таблицу данные роста, цвета кожи, носовых и черепных характеристик. В этой классификации лапландцы стали представителями группы белой расы – низкорослых брахицефалических лепторианцев. Вместе с ними, в одной группе, оказывается древнее ядро сардолигурийцев. Затем Вирхов исследовал

множество лапландских черепов в Хельсинки, Лунде и Копенгагене и обнаружил много общих черт с древними лигурийскими черепами, и, прежде всего, тождественные дефекты. Главным из них была «недоразвитость» челюстной кости. Нижняя челюсть лапландцев всегда небольшая, костная форма неявная, подбородок скошенной формы, почти не повторяющийся в любой другой человеческой группе – за исключением почти полностью исчезнувших лигурийцев. И лигурийцы, и лапландцы, видимо, имели общего предка, обитавшего в горах, по всей вероятности, древнего охотника на северного оленя.

Джузеппе Серджи позднее утверждал, что народы арийской группы языков, придя с востока, заняли район Центральной Европы к северу от Альп, так что в итоге произошел доарийский раскол народов на две ветви – итало-иберийскую и скандинавскую.

Ничто из этого не противоречит теории Вирхова, согласно которой потомки иберийцев и лигурийцев – например, современные жители Сардинии – утратили некоторые характерные черты древних народов, которые были доарийскими по языку.

Антропологическая теория до сих пор ограничивалась областью, населенной палеоевропейцами лапланоидного типа; более поздние достижения весьма расширили ее. Экспериментально было подтверждено, что в очень отдаленные времена большой сектор Европы населялся однородным народом, который антрополог Де Катрефаг без колебаний определил как «лапландический». С вторжением индоевропейских народов в Европу этот исконный народ был вытеснен в горы – Пиренеи и Альпы, и мы можем предположить, что последние сообщества охотящихся народов, занимавших восточные регионы Балтики, подобным образом были вытеснены на север в район, который является теперь Карелией.

В.З. Рипли опередил свое время, когда разделил европейское население на типы: скандинавский (или тевтонический, средиземноморский (или ибероостровной), и альпийский, которому Прунер-Бей предпочел дать название «лапланоидная раса». Впервые была признана возможность того, что мы имеем дело с народом независимого происхождения, не произошедшего ни от какого другого истока. Но что подразумевается под «лапланоидной расой» и чем этот расовый тип отличается от других?

Прежде всего, люди этого типа имеют характерные черты в своем внешнем облике. Они низкорослые, но туловище довольно длинное: возможно, некоторое влияние здесь оказали географические условия, хотя только в направлении усиления оригинальных черт. Конечности короткие и мускулистые, руки маленькие и крепкие; ступни с высоким подъемом, которые характерны для тех, кто проходит пешком большие расстояния, – возможно, к этому некоторое отношение имел гористый арктический ландшафт. Отмеченные особенности характерны для многих народов, живущих в подобных условиях, – мордвинов, эскимосов, североамериканских индейцев и др. Глаза обычно серые или коричневые, и следует заметить, что нависающие верхние веки напоминают о монгольском типе. Но изгиб век, который почти всегда есть на внешнем краю глаз, у лапландцев относительно сужен и низко посажен. В настоящее время немногие народы обладают этой особенностью, хотя такая форма была довольно распространена в доисторические времена – еще одно доказательство древности лапландского типа.

Брови – выступающие и не близко посаженные, нос остроконечный и вогнутый, но не приплюснутый. Широкое, низкое лицо – тип несколько необычный в Европе, более частый в тропических и южных регионах. Волосы темные и прямые, однако в некоторых районах весьма часто встречаются светловолосые лапландцы.

Череп, как правило, хорошо округленный, с низкими и суженными глазницами, так что этот тип может рассматриваться как брахицефальный. Он легко отличим от северогерманского долихоцефального и менее легко – от средиземноморского типа.

Множество авторитетных ученых, среди которых Мюллер в 1879 г. и Гаккель между 1879-м и 1900 гг., сделали попытку систематизации человеческих рас на основании объединенного лингвистического и антропологического подхода. Но Деникер (1900 г.) дал классификацию более простую по физическим чертам. Он исследовал характеристики волос, пигментацию кожи, носовые и черепные индексы, рост. По этой классификации лапландцы входят в одну группу с «угорской расой». Деникер обнаруживает основания для их связи с тюрко-татарской группой (возможно, спорное утверждение), с другой стороны, полностью исключает их связи с монголами. Это возвращение к теории азиатского происхождения (хотя на этот раз лапландцы остаются не связанными с монгольской расой) снова дало начало многочисленным спорам. Не все ученые

могли принять утверждение Деникера, что основные различия между физическими расовыми характеристиками появились раз и навсегда, что определяло общие истоки для разных расовых групп.

Антропологи, биологи и даже географы соединили усилия в поиске решения, основанного на биологической и географической системе последовательности рас. Выразителем их точки зрения стал Ф. Ратцель, который проделал специальные исследования народов, зона обитания которых диктовалась их потребностью в миграции.

Это привело к разделению на «протоморфные», то есть примитивные, «археморфные», то есть современные, и «метаморфные», то есть смешанные типы.

Голландский доктор К.Х. Стратц высказал мнение, которое получило поддержку Вирхова, что до прихода народов с индоевропейскими языками Европа на большой территории была населена расовым типом с заметно округлым черепом. В начале века он сформулировал теорию, согласно которой лапландцы представляли собой последних из оставшихся в живых из этой доисторической расы, которая, в свою очередь, произошла от древней коренной расы, предшественницы как белых, так и желтых народов. Стратц объявил лапландцев метаморфической (бело-желтой) расой. В 1906 г. Ренато Бьясутти выступил против этого определения в применении к современным народам, причислив их к «протоморфическому» типу, так как, по его мнению, эти давно установившиеся группы проявили небольшую склонность к изменению, а само их географическое положение давало гарантию расовой чистоты. Это, конечно, относится и к лапландцам. Они были менее примитивными, чем другие народы, но они занимали глухие места Европы, будучи вытесненными туда. Бьясутти считал их «древним эндемическим образцом, развившимся в особых условиях изоляции» арктической тундры.

Швейцарский этнолог Жорж Монтандон представил свою известную теорию ологенезиса: человеческая отправная точка была глобальной, в том смысле, что одна ветвь данного вида достигает некоторой точки развития, а затем исчезает, порождая две новые происходящие от него формы. Очевидно, что по прошествии многих тысяч лет человеческой истории возникает огромное количество расовых типов, а сохраняются только некоторые. С точки зрения Монтандона, лапланоиды и европеоиды образуют два побочных продукта первоначальной европеоидной расы. Более точно, лапланоиды представляют собой ранее развившийся элемент этого двойного результата, а европеоиды являются более поздним. Монтандон исследовал происхождение лапландцев с точки зрения их материальной и духовной культуры, в свете пути, проделанного айнами, жителями Сахалина и Иесо (ныне остров Хоккайдо). Его теория внесла важный вклад в изучение арктических культур.

Устаревшая теория Стратца, которая делала лапландцев потомками столкновения между белой, желтой и метаморфической расами, была отвергнута последующими авторитетными учеными. Но затем, в некоторых пределах, она снова была воскрешена шведом К.Б. Викаландом, который признавал возможности выживания одной примитивной ветви исчезнувшей расы, в которой были смешаны палеоазиатские и палеоевропейские черты. Другими словами, он полагал, что группа племен с таким происхождением была остановлена каким-то природным явлением, подобным последнему ледниковому периоду, и осталась заключенной в пределах ограниченной области, например Северной Скандинавии. Отрезанная от всех контактов с другими народами, она оставалась там в течение тысяч лет и выжила.

К.Е. Шринер утверждал, что лапландцы принадлежат к древней расе, которая породила азиатские и альпийские народы. Ему возражали другие ученые, подвергая сомнению обоснованность его классификации этих двух типов по группе крови. И его противники были правы: более современные исследования показали, что подобия в группе крови не обязательно доказывают кровное родство между народами, которые географически являются далекими друг от друга.

Во втором издании своих работ (1937 г.) Э. фон Эйкстедт дал общую картину различных народов, определяя четыре типа (брахиморфных) групп. В первый он включает альпийские народы и лапландцев. Это знаменует собой возвращение к взглядам более ранних авторитетов, но все еще оставляет без ответа самый важный вопрос: имеем ли мы право полагать, что изолированные альпийские этнические группы, все еще живущие в горных цепях Европы, одинаково древнего происхождения, что и оленеводческие народы Скандинавии?

Б. Лундман провел ряд исследований по вопросам расового происхождения. Исследовав

группы крови, он пришел к выводу, что лапландцы – западноевропейского происхождения, с той оговоркой, что жители Восточной Лапландии (Кольский полуостров и территория России), возможно, имеют некоторую примесь самоедов. Стоит также отметить, что Лундман бросил некоторую тень сомнения на теорию происхождения лапландцев Виклунда, связанную с «временным проживанием зимой» в Скандинавии во время ледникового периода. Он скорее склоняется к убеждению, что впервые они пришли на север вслед за отступающим ледником.

Итак, суть современной теории о лапландских истоках заключается в том, что они имеют некоторую этническую связь с альпийскими народами и с различными группами, которые все еще обладают многими доарийскими характеристиками по причине своей географической изолированности и до сегодняшнего времени сохраняются в Европе. Бьясутти, по крайней мере, хронологически, сказал последнее слово. Он полагает, что лапландский народ является «в заметной степени автономным; его отличия можно отнести к особенностям окружающей среды». Другими словами, лапландцы – другие; условия их жизни на дальнем севере невообразимо далеки от наших собственных, и их внешний вид напоминает о более древнем мире. Но при всем этом они укоренены в более великой ветви европеоидных народов.